

Лариса Матвеева

НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНАЯ РОСКОШЬ

Лариса Матвеева

**НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНАЯ
РОСКОШЬ**

повесть

Николаев
ЧП Волошин
2002

«В жизни каждого человека существует хотя бы одна непозволительная роскошь – что-то, чего ты страстно желаешь, за что готов отдать все, вплоть до жизни, но оказывается, что это невозможно приобрести даже такой ценой...» – утверждает один из героев повести члена Союза писателей Украины, поэта и прозаика Ларисы Матвеевой.

Любовь или долг, ненависть или прощение – перед этим нелегким выбором оказываются герои книги.

Действие повести «Непозволительная роскошь» происходит в Украине в конце 90-х годов XX века.

© Л.В. Матвеева 2002 г.

Пронзительный трезвон будильника расколол предрасветную тишину. Не открывая глаз, безошибочно четким движением Катя нажала кнопку звонка. Если существует на све-

те звук более отвратительный, чем скрежет металла по стеклу, это, несомненно, – звонок будильника ранним утром. Долгие годы, как минимум пять раз в неделю, день начинается для Кати именно с этого ненавистного звука, именно с этого движения. Оно доведено до автоматизма, давно уже стало рефлекторным. Не нужно включать свет, не нужно открывать глаза – рука сама находит маленькую блестящую кнопочку. Вопящее чудовище замолкает, но долго еще дрожит испуганная тишина, и мечутся по комнате неясные тени – должно быть, обрывки снов. На циферблат смотреть тоже не обязательно, там – пять пятьдесят. Как обычно! Так было вчера, так будет завтра... Можно еще минут пять поваляться в постели, прежде чем, покинув уютное сонное тепло, окунуться в холод промозглого мартовского утра. Пять минут... или даже десять... Да, десять! Главное – не заснуть снова, иначе Костя опоздает на работу. Нужно включить торшер. Чуть слышный щелчок выключателя, и мягкий приглушенный свет окончательно разгоняет сны. Ну вот, теперь можно понежиться и помечтать немного, не опасаясь проспать.

Костя что-то пробормотал во сне, Артемка перевернулся на другой бок. И вновь – тишина. Хотя, нет – вот проехала мимо дома машина, по соседней улице прогуркател трамвай. Город просыпается.

– Катя?! – сонный Костин голос звучит чуть хрипловато.

– Спи, Костя! Еще рано.

Протянула руку, чтобы погладить спутанные льняные кудри... и не решилась. С некоторых пор Костю стали раздражать подобные проявления любви. Любви... Любит ли она его? Два года назад Катя ответила бы утвердительно, а сейчас старается не задумываться над этим вопросом. Вот уже почти два года, как стали они друг для друга чужими, и с каждым днем пропасть, разделяющая их, отнюдь не уменьшается. Катя тяжело вздохнула, вглядываясь в лицо спящего мужа. Да, красив! Все еще красив и выглядит гораздо моложе своих тридцати пяти. Разве что волосы чуть поредели, да кое-где стали отливать серебром. Но ему это серебро даже идет, этакий налет благородства появился. Да и морщинки под глазами тоже его совсем не портят. А глаза – синие-синие, как весеннее небо... были когда-то. Сейчас они все больше серые, стальные... холодные. Нет в них ни любви, ни тепла. Только когда на сына смотрит, появляется в глазах прежняя синева, да и то ненадолго. Даже сейчас, во сне, широкие брови нахмурены, сведены на переносице. Глубокая вертикальная морщина на лбу не разглаживается никогда. И губы плотно сжаты, и зубы сцеплены. Даже во сне, весь – напряжение.

Катя закрыла глаза, пытаясь восстановить в памяти лицо прежнего Кости. С каждым разом это все труднее. Как летит время! ... Вот они четырнадцать лет назад. Словно старую киноплёнку прокручивает память. Кате семнадцать. Вступительные экзамены в институт. Огромный конкурс. Под дверью аудитории толпятся взволнованные абитуриенты. На двери табличка: "Тихо! Идет экзамен!". Одно слово "экзамен" приводит в трепет. Забыла все, что знала, руки

трясутся, таблетки валерианки помогают слабо. И вдруг... он – высокий, широкоплечий, в военной форме, которая ему так идет! Из-под голубого берета выбивается вьющийся льняной чуб. Под пшеничными усами – белозубая мальчишеская улыбка. (Теперь даже улыбаться так разучился!) И смуглое от загара лицо такое открытое, приветливое... Удивительное лицо!

– Слушай, у тебя какие-нибудь шпаргалки есть? Я только пару недель как дембельнулся, сама понимаешь, учить времени не было.

Когда же она в него влюбилась? Да вот в ту самую минуту и влюбилась. Как увидела глаза эти синие, улыбку эту ослепительную, так и пропала Катя-Катерина.

Сдали они экзамены на химико-биологический факультет и поступили оба. Через год поженились. А потом была студенческая общага "блочного типа" – восемь комнат, а в конце коридора кухня в аварийном состоянии и "удобства" со всеми неудобствами. Потом родился Артемка. Все та же общага, денег катастрофически не хватает. На лекции по очереди бегали, малыша не с кем оставить. И все же те годы вспоминала Катя с чувством сладкой грусти. Любили они тогда друг друга и, несмотря на трудности, были счастливы. Костя с третьего курса перевелся на заочный, пошел работать на завод. А она вот доучилась, с "красным" дипломом институт закончила, да так и осталась на кафедре химии, сначала лаборантом, а после окончания аспирантуры – преподавателем. Думала даже кандидатскую написать, да как-то не собралась. Так по сей день в институте и работает – семинарские и практические занятия проводит. А Костя от простого рабочего до мастера цеха дошел, институт заочно закончил. И снова была общага – только теперь не студенческая, а заводская. Не восемь комнат на одну кухню, а шесть. И Артемка уже подросток – неудобно всем в одной комнатухе ютиться. Да бог с ней со второй комнатой! Пусть однокомнатную квартирку, пусть крошечную, но свою, чтобы одной на кухне хозяйничать. Стоял Костя в за-

водской очереди на кооперативную квартиру. И, наверное, дождались бы они ее, если бы не развал Союза. Но и тогда они еще были счастливы, не так уже, как вначале, однако... Теперь есть у них квартира – однокомнатная заводская "малосемейка", но все-таки отдельная, почти своя. А вот счастья нет! Как-то незаметно растеряли они его по общагам, утекло оно, просочилось сквозь пальцы. Да и любовь давно уже отзвенела весенней капелью. Так вот и живут рядом два чужих человека, только сын их и связывает. А сын – точная копия отца: тот же вьющийся лен, те же глаза васильковые, да упрямый подбородок. Папин сынуля. Когда маленький был, на вопрос "Чей ты, Темочка, мамин или папин?" отвечал не задумываясь: "Конечно, папин!". И в голосе – удивление, дескать, что же вы такие непонятливые, это же само собой разумеется. Так "папин" и остался. Мать у него на втором месте. Хотя, наверное, так оно и должно быть: мальчик всегда ближе к отцу. Успокаивала себя, а на душе горечь – ни мужу не нужна, ни сыну. Родить бы девочку – хорошенькую, белокурую. Родить не для мужа, не Темке сестру, а только для себя, чтобы всю нежность, всю любовь нерастраченную отдать этому крошечному созданию. И взамен получить сторицей. Только, к чему мечтать о несбыточном?! Не хочет Костя второго ребенка. Если рассуждать здраво – он прав: и так семья едва концы с концами сводит, куда уж тут лишний рот...

В квартире этажом ниже часы хрипло пробили шесть раз. Вот и прошли десять минут. Помечтала, нечего сказать! Сама на себя тоску нагнала. Катя горько усмехнулась. Ладно! Пора вставать – готовить завтрак.

II

С сожалением покинула Катя теплую постель. Поеживаясь от холода, быстро накинула выцветший байковый халатик, сунула ноги в любимые шлепанцы. За шторами начинает светать. Безо всякой надежды прикоснулась рукой к батарее отопления. Так и есть – никаких признаков жизни! Городские власти решили, что в середине марта отопительный сезон

пора заканчивать. Впрочем, если пересчитать дни, когда батареи чуть теплились, – можно сказать, что он и не начался. А на улице лежит снег, черный от городской копоти и грязи, спрессованный, но все-таки лежит. И столбик термометра прочно застыл на минус двух, словно примерз. Весна не торопится.

Катя подошла к трюмо. В полумраке комнаты зеркальная поверхность отразила молодую еще женщину с бледным лицом и темными кругами под глазами. Это от постоянного недосыпания. Господи, когда же она, наконец-то, выспится?! Еще одна неосуществимая мечта. Иногда Кате казалось, что она могла бы проспать неделю, лишь бы никто не будил. Скорее "сова", чем "жаворонок", поднимаясь в такую рань, чувствовала она себя весь день раздраженной и "разбитой". Если бы не Костя, можно было бы поспать лишние час-полтора: ей в институт к девяти, Артемка учится во вторую смену. Так нет! Вставай ни свет, ни заря – готовь ему завтрак. Сам разогреть еду или сделать себе пару

бутербродов он не в состоянии. Как же! Не "мужское" это дело! В глубине души шевельнулась досада на мужа. "Сама виновата, приучила", – поспешила погасить раздражение.

Не отрывая взгляда от зеркала, стала расплетать растрепанную за ночь русую косу толщиной в запястье. Вспомнился детский стишок: "Расти коса до пояса...". И впрямь, почти до пояса, без челки, без завитков, волосок к волоску, она всегда была причиной жгучей зависти знакомых и незнакомых женщин, восхищения "сильной" половины человечества и... изнуряющей головной боли. Вот и сейчас, в голове – ощущение тяжести. Катя давно уже привыкла к этой боли, сроднилась с ней. "Красота требует жертв!" – сильно сказано! Распущенные волосы укутали плечи золотистым плащом. Не заметны в полумраке серебряные нити. А их становится все больше. Подруга донимает: "Чего не прокрасишься?!" Сколько же это нужно краски, чтобы изменить цвет такой копны? А сколько денег?! Как объяснить живущей на "широкую ногу" Маше, что эти расходы не вписываются в скудный семейный бюджет? Что Косте вот уже почти полгода задерживают зарплату? Что Артемка катастрофически быстро вырастает из одежды и обуви? Как объяснить это обеспеченной Маше, не обремененной ни мужем, ни детьми и меняющей богатых любовников как минимум пару раз в год. Да и нужно ли объяснять?! Не привыкла Катя жаловаться. Некому... Заплела волосы в тугую косу, кажущуюся непомерно тяжелой для тонкого лица и хрупкой фигурки. Обрезала бы давно, да жаль с ней расставаться. Вспомнила, как Костя через пару дней после знакомства, сказал ей: "Я тебя как увидел – обалдел! Вот, думаю, интересно: твоя это коса или искусственная? Ближе подошел, вижу – твоя. Так ты меня своей косой к себе и привязала". А потом все шутил: "Не трогай косу – в ней все наше счастье!" Вот она, коса, сохранила ее Катя. А счастье-то где?!

На кухне еще холоднее, чем в комнате. Катя зябко повела плечами, щелкнула выключателем. Яркий свет, вспых-

нужно под потолком, осветил идеальный порядок, который, как ни странно, лишь сильнее подчеркивал бедность обстановки и утвари. Ну и пусть, зато – чисто! А самое главное: нет тараканов – этого извечного атрибута общаг и коммуналок. Катя удовлетворенно оглядела кухню. Так полководец делает смотр войскам перед боем. Уже два года живут они в новой квартире, но она все еще никак не может привыкнуть, что эти шесть квадратных метров всецело принадлежат ей одной. Все кажется, что вот-вот появится какая-нибудь Верка или Танька и заявит, что сейчас ее очередь готовить. Слава Богу, все это уже в прошлом! Хотя, вместе с очередью у плиты и тараканами, ушло из жизни что-то такое, чего уже не вернуть и о чем частенько ноет сердце. Дружба что ли, взаимовыручка, а может быть... молодость?! Как не хватает иногда Кате этих вездесущих Верок и Танек, с которыми и чай попить можно, и сокровенным поделиться, и совет получить. Не всегда нужный и почти всегда не вовремя, однако...

Так! Чайник на плите, духовка включена (чтобы теплее было)... Что же приготовить на завтрак? Попытка из ничего сделать что-то! Вот она, женская доля – бессменная вахта – если ни у плиты, так над тазом со стиркой, ни с венником и тряпкой, так по магазинам за продуктами. Бойцы невидимого фронта!.. Ага! В полупустом холодильнике – гречневая каша, которая уже "ни под каким соусом" в горло не лезет, две луковицы, пара яиц и растительное масло на донышке бутылки. Не густо! Но гречневые "котлеты" сделать можно. Все лучше, чем сухой кашей давиться! Как надоела эта экономия, граничащая с нищетой! Косте зарплату уже даже и не обещают, в институте тоже что-то стали задерживать. Одна надежда на студентов. Кормильцы родимые, неисправимые лентяи и бездельники! Скоро аттестация, через неделю начнут уже бегать, просить: "Екатерина Александровна! Помогите сделать курсовую (или лабораторную), пожалуйста! (Подразумевается: напишите все за меня от первой до последней строчки!) Ей Богу, не успе-

ваю!" Конечно, не успевают! Где уж тут успеть, когда на всех дискотеках показаться надо, по всем барам пройтись, на всех тусовках отметить. А после ночных разгулов, утром с больной головой в институт – это же, вообще, нереально! А сессия – на носу, а знаний – "с гулькин нос". Ничего, родители заплатят! И за курсовые, и за лабораторные, и за зачеты, и за экзамены – тоже. Хотят, чтобы их чада дипломы получили, значит – пусть платят. А в институте за все – своя "такса", негласный прейскурант. И все довольны – и студенты, и преподаватели. Главное, не "зарываться", не брать больше положенного и "сор из избы не выносить". А то, упаси Бог, до прокуратуры дело дойдет! Вот так и живут! Какие из этих студентов специалисты получатся – другой вопрос. Кому нужны знания, тот учится сам, бесплатно. Зачастую, правда, зрение теряют и вместе с дипломом зарабатывают себе язву желудка... Но это, опять-таки, обратная сторона медали!

Едкий запах жареного лука заполнил кухню. Катя быстро приоткрыла окно. Уж лучше холод, чем эта вонь, ментально распространяющаяся по всей квартире и прочно впитывающаяся в одежду и волосы. Как там у Золя? "Запах нищеты", – очень точно классик подметил. Катю всегда начинало подташнивать, когда запах достигал определенной концентрации. Вот и сейчас, несмотря на открытую фрамугу, отвратительная тошнота подкатила к горлу, в глазах потемнело. Сковорода с подгорающим луком вместе с плитой "поплыла" вдоль стены. Катя схватилась рукой за подоконник и закрыла глаза, чтобы не смотреть на "движущиеся" вокруг предметы. Последним проблеском сознания мелькнула мысль: от лука такого быть не может...

Очнулась на полу. Рядом – перевернутая табуретка. По кухне плавают клубы дыма – лук, конечно же, сгорел. Голова раскалывается, сердце лихорадочно колотится где-то в горле. Только обмороков ей не хватало! Катя с трудом поднялась. Ноги, словно ватные, лицо в холодном поту. Дрожащей рукой выключила плиту, распахнула настежь

окно, жадно вдыхая свежий морозный воздух. Стало легче. Что же это было такое?! В институте идет ремонт, наверное, краской надышалась... Да нет, красили в пятницу, а сегодня понедельник. Скорее всего, опять "упал" гемоглобин, как в прошлом году. Весна, нехватка витаминов, а питание оставляет желать лучшего. Слева в груди – резкая колющая боль. Катя охнула и прижала руку к сердцу. Нет-нет! Только не это! Визит к кардиологу откладывался со дня на день... уже несколько лет. Знала, порок сердца – дело нешуточное, но все как-то недосуг: то денег нет, то времени. Да и приступы уже давненько не донимали. Катя достала из кармана халата таблетку валидола. Боль не возобновлялась. Нет, не похоже это на сердечный приступ. Странно! Должно быть, мало-кровие или давление резко изменилось... Жалкая попытка самоуспокоения. А в глубине души шевельнулось неосознанное пока предчувствие беды. Мельком взглянула на часы – анализировать вспышки интуиции некогда, скоро встанет Костя, а завтрак еще не готов.

На сковороде подрумянивалась последняя гречневая котлета, когда на кухне появился муж.

– Что это за вонь? Опять что-то сгорело?

Это вместо традиционного "привет", брошенного мимоходом. Фраза "доброе утро" в Костин лексикон не входила, во всяком случае, при общении с женой.

– Ты что, совсем сдурела?! Мороз на дворе – она окно разяпала!

Стиснув зубы, чтобы не наговорить мужу гадостей, закрыла окно.

– Завтрак готов?

– Да! – тарелка стукнула о стол чуть сильнее, чем нужно.

Костя сел на табурет, ковырнул вилкой в тарелке и с бесстрастным видом констатировал факт:

– Имитация котлет.

– Соответственно твоей зарплате! – не выдержала все-таки, сорвалось с языка.

Муж швырнул вилку на стол:

– Я могу, вообще, не есть!

– Ну и черт с тобой!

Неожиданно для себя самой Катя расплакалась. Закрыла лицо ладонями, пытаясь подавить рыдания; сквозь пальцы потекли слезы. Костя растерялся: рыдающая Катя – явление крайне редкое.

– Катя, ну что ты, в самом деле?! Катя, перестань, слышишь?!

– Ой, да отстань ты от меня!

Выскочила из-за стола, присела на край подоконника, прижалась мокрой щекой к холодному стеклу.

– Чего ты бесишься с самого утра?!

– Не могу так больше, не могу!

Костя, чертыхнувшись вполголоса, потянулся за сигаретами, чиркнула спичка, медленно поплыл к потолку серебристый дымок. Катя знала: муж курит только, когда нервничает. Несколько минут напряженную тишину нарушали лишь прерывистые всхлипывания.

– Слезь с подоконника, простудишься! – голос звучал глухо. – Катя! Я тебе говорю?!

От стола до окна всего один шаг. Как иногда бывает трудно сделать этот единственный шаг. Они оба это знали... Катя не услышала, а скорее спиной почувствовала, что Костя встал. А вдруг сейчас он повернется и уйдет, как уходил уже один раз, только теперь навсегда?! Пусть! Пусть случится то, чему суждено случиться! Только бы прекратилась эта двухлетняя пытка...

Костя глубоко вздохнул и шагнул вперед, – словно в омут бросился. Легко, как пушинку, подхватил жену на руки, вернулся к столу, сел вместе с ней на табурет. Катя молча приникла к широкой груди мужа, закрыла глаза. Как давно уже не сидела она у него на коленях! Забыла даже, когда... Костя нерешительно провел пальцами по ее волосам.

– Катя, котенок, не надо плакать!

Котенок?! Она замерла, затаила дыхание, не веря сво-

им ушам.

– Я не хотел тебя обидеть. Ты прекрасно готовишь... Сейчас всем трудно. Потерпи, милая, должны же мне когда-нибудь выдать эту проклятую задолженность. Ну не могу я грабить на больших дорогах или стоять на "толчке" с зубной пастой и сигаретами... Прости, не могу... Не плачь, пожалуйста, я что-нибудь придумаю!

Бог ты мой, как объяснить ему, что дело не только и не столько в деньгах?! Можно не поспать пару ночей – написать курсовую, как-то перекрутиться, у кого-то занять... А вот ласку, внимание и понимание ни за какие деньги не купишь. В первые годы семейной жизни муж часто говорил ей: "Ты для меня и друг, и жена, и любовница..." Теперь вот – только жена...

Костя осторожно приподнял Катину голову, заглянул в заплаканные изумрудные глаза, вытер ладонью слезы со щек.

– Не надо, чтобы Артемка видел, как ты плачешь... Все будет хорошо! – и, шутливо чмокнув жену в покрасневший нос, встал. – Я опаздываю на работу, извини!

Катя не могла поверить: перед ней был прежний Костя. Может быть, все еще наладится, и удастся им растопить лед отчуждения?! И опять станет муж ласковым и нежным?! И рассосется, наконец, тот сгусток обиды и боли, что прячет она глубоко в душе?! И сумеет все-таки простить Катя мужа не на словах, а в сердце своем?! Вот уж действительно – надежда умирает последней...

... Не видела Катя, как, захлопнув за собой входную дверь, Костя облегченно вздохнул, словно человек, наконец-то исполнивший тяжелый, неприятный долг.

III

Дверь химлаборатории закрыта на замок. Разумеется! Маша, как обычно, опаздывает на работу. Она появится минут через десять после начала лекции и с очаровательной улыбкой промурлычет:

– Я немножко опоздала...

Воистину, перефразируя знаменитое латинское изречение, "что позволено красавице, того нельзя дурнушке". А Маша была красива. Чувственной, яркой, сразу же бросающейся в глаза красотой. Великолепная холеная кошка! Она появилась в институте пару лет назад и сразу же стала центром всеобщего внимания. Необыкновенно обаятельная и женственная – ею восхищались все: от первокурсника до убеленного сединой декана факультета.

Впервые она предстала пред очами сурового декана в соблазнительном полупрозрачном наряде и безапелляционно заявила:

– Я хочу у вас работать.

Такой откровенной наглости декан не ожидал.

– Кем это, позвольте вас спросить?! – насмешливый взгляд скользнул по точеной фигурке.

Маша, ничуть не смутившись, достала из элегантной сумочки документы.

– Вообще-то я – кандидат наук. А по специальности – биохимик.

Взгляд декана стал серьезным:

– Это существенно меняет дело. Прошу вас, присядьте.

Некоторое время он внимательно изучал бумаги, а де-

вухка со скучающим видом созерцала потолок.

– Вы закончили аспирантуру при киевском университете?! – в тоне чувствовалось уважение.

– Да, – прозвучало просто, без всяких эмоций, словно быть кандидатом наук в двадцать шесть лет – нечто само собой разумеющееся.

Декан внимательно всмотрелся в красивое умное лицо, покрытое искусным макияжем:

– Мне кажется, вы у нас учились... Точно! Учились и весьма неплохо...

– Совершенно верно! – холодно прервала его Маша.

В голосе прозвучало нечто такое, что мудрый педагог сразу понял: вдаваться в воспоминания не стоит.

– На какой кафедре вы хотели бы работать: химии или биологии? У меня есть два вакантных места.

– Это выяснится после того, как я познакомлюсь с преподавательским составом обеих кафедр.

Это окончательно убедило главу факультета, что сидящая напротив обворожительная молодая особа знает себе цену, и ей, что называется, "палец в рот не клади". Тем не менее, он протянул девушке руку со словами:

– Надеюсь, мы сработаемся!

– Не сомневаюсь в этом! – в сопровождении милой улыбки прозвучало в ответ.

Декан редко ошибался в людях, не подвела его интуиция и на этот раз. Очень скоро Маша стала "душой" факультета, оставаясь при этом талантливым ученым и хорошим преподавателем. Студенты ее боготворили. На лекциях Марии Николаевны Королевой посещаемость была стопроцентной. Один только недостаток был у Маши – она постоянно опаздывала на работу, хотя жила рядом с институтом. На первых порах декан пытался с этим бороться, но вскоре "махнул рукой". Тем более что студенты никогда не жаловались, не разбегались, а терпеливо ожидали своего очаровательного преподавателя.

Чтобы познакомиться с коллективом, Маше потребо-

валось совсем немного времени.

– Я буду работать на кафедре химии, если Вы не возражаете, Александр Васильевич!

– Почему я должен возражать?! Но среди биологов больше молодежи, там вам было бы веселее.

– Я сюда не веселиться пришла, а работать.

Декан усмехнулся:

– С вами не соскучишься!

– Это я вам гарантирую!

– Ну что ж, пойдете, я покажу вам ваше рабочее место.

Войдя в кабинет, Маша, к удивлению декана, прежде всего, подошла к окну. Когда она обернулась, на выразительном лице было разочарование.

– Вам не понравился пейзаж?! – в вопросе сквозила насмешка.

– Александр Васильевич! Вы можете считать меня капризной и взбаламошенной, но я прошу вас... очень прошу! Нет ли комнаты, с окнами, выходящими на противоположную сторону? Я не стану объяснять почему, но для меня это важно!

– Только аудитории...

– И химлаборатория!

– Помилуйте, Мария Николаевна! Кандидату наук не место в лаборантской...

– И все же!

– Чего не сделаешь для красивой женщины! Пусть будет по-вашему, если, конечно, Екатерина Александровна ничего не имеет против.

Так Маша "поселилась" в лаборатории. Кате сразу же понравилась эта молодая, уверенная в себе женщина.

– Не кафедра, а дом престарелых, – объяснила ей Маша странный выбор рабочего места, – мы обе, к счастью, выпадаем из этого печального списка и, думаю, подружимся.

Они, действительно, подружились. Тихая, замкнутая,

"серенькая" Катя и яркая, эмоциональная, разбитная Маша. Очевидно, согласно принципу "противоположности сходятся". Маша буквально излучала оптимизм и жизненную силу, общаться с ней было легко и приятно. Она никогда не давала себя в обиду, но и не шла на конфликты, превращая в шутку любую щекотливую ситуацию. Создавалось впечатление, что у этой девушки нет никаких проблем, и ни одна тучка не омрачает безоблачный горизонт ее безмятежного существования. Судя по количеству и качеству Машиных нарядов, в деньгах она не нуждалась. Катя лишний раз убедилась в этом, побывав у нее в гостях. Маша жила одна в уютной двухкомнатной квартирке, где каждая вещь свидетельствовала о хорошем вкусе хозяйки. Присутствия мужчины в интерьере квартиры заметно не было. На работе все знали, что у нее есть любовник, но дальше этого факта познания досужих сплетников не простирались. Все попытки проникнуть в ее личную жизнь, тем более в прошлое, Маша мягко, но решительно пресекала. Катя не была любопытна, считала: если захочет – расскажет сама. Девушка молчала.

Когда в институте выпадала свободная минутка, Маша почти всегда проводила время возле единственного окна лаборатории. Открывающийся оттуда вид, с точки зрения Кати, был ничем не примечателен: обыкновенная улица, снующие туда-сюда машины, спешащие по своим делам пешеходы, высотные жилые дома напротив, а в конце квартала, наискось от института – пятиэтажное здание областной больницы.

Однажды, когда Маша, в очередной раз, с задумчивым видом созерцала городской пейзаж, присев на подоконник с сигаретой, Катя поинтересовалась:

– Что ты там находишь интересного?

– Ничего, – спокойно ответила девушка, – просто мне нравится смотреть в окно.

"Что ж, у каждого свои странности!" – решила Катя и больше к этому вопросу не возвращалась.

IV

Открыв дверь, Катя вошла в лабораторию. Тонкий нежный аромат тотчас же окутал ее прозрачной вуалью. Столь чарующий запах могли издавать только живые цветы. Она включила

свет и обвела взглядом комнату. Так и есть! На ее столе – в литровой банке – огромный букет великолепных "королевских" нарциссов. Катя мягко улыбнулась: "Андрей!". Когда-то в шутку она сказала, что понедельник – тяжелый день и, поэтому никаких приятных сюрпризов ждать не приходится. С тех пор каждый понедельник в лаборатории появляется букет цветов. Как бы рано она ни пришла на работу, он уже стоит на столе или на подоконнике. Катя с Машей знают, что никто кроме Андрея принести цветы не может, но парень молчит, молчат и они. Розы, гвоздики, хризантемы, орхидеи... – невозможно перечислить все ароматное разнообразие, побывавшее в этих стенах. Андрея не остановили ни зима, ни цены. Букет украшал интерьер с понедельника по пятницу, а следующая неделя начиналась с новых цветов. Катя никогда не забирала их домой – не хотела ненужных объяснений с мужем, тем более что никакой вины за собой не чувствовала. Не трогала их и Маша, понимая, что цветы предназначены не ей. Так продолжалось уже полгода. Кате нравились эти ненавязчивые рыцарские знаки внимания. Костя не баловал ее цветами; даже когда с деньгами было полегче, всегда предпочитал подарить какую-то вещь, что-нибудь "нужное в хозяйстве". Как и все женщины, Катя любила цветы, и как иногда хотелось ей хотя бы одну розочку или гвоздичку! И вот теперь – надо же! – каждую неделю ей дарят по роскошному букету, ничего не требуя взамен.

Катя ласково погладила шелковистые граммофончики.

Какие же они нежные, хрупкие, желтые, словно цыплята... Желтые! Наконец-то тревожное чувство, промелькнувшее при первом взгляде на букет, обрело четкие формы. Андрей никогда не приносил желтых цветов! Что же случилось на этот раз?! Откуда этот цвет разлуки?! Растерянный взгляд случайно остановился на настенном календаре. Как же она могла забыть?! На этой неделе начинается защита дипломов, в воскресенье – выпускной, вчерашние студенты станут дипломированными специалистами и разъедутся кто куда. Скорее всего, уедет и Андрей. Внезапно тоска сжала сердце, закралась в душу леденящим холодком. Этот загадочный молчаливый парень вместе со своими цветами незаметно стал частью Катиной жизни, в которой было не слишком-то много хорошего. Неужели в следующий понедельник она войдет в лабораторию и не увидит на столе нового чудесного букета?! Никогда больше не увидит?! И не появится в дверном проеме высокая атлетическая фигура в черном, и приятный, чуть хриловатый голос с мягким, едва уловимым акцентом не произнесет: "Доброе утро, Катя! Как Ваши дела?"?!

Не снимая старенького, давно вышедшего из моды пальтишка, Катя опустила на стул, спрятала лицо в желтых лепестках, закрыла глаза, вдыхая полной грудью теплый волнующий запах. Память услужливо вернула ее в середину сентября прошлого года... Паркет в коридоре требовал ремонта уже несколько лет. Некоторые дощечки отклеились и, приподнявшись над уровнем пола, грозили не смотрящим под ноги студентам и преподавателям, в лучшем случае синяками и ушибами. На все жалобы проректор отвечал, что средств на починку паркета институту не выделено, и нужно ходить аккуратнее. Весьма "благоразумный" совет! Студенты иногда спотыкались, но все обходилось более-менее благополучно... Кто решил, что химическая лаборатория должна находиться в одном конце коридора, а аудитории, в которых преподавалась химия, в другом – для Кати по сей день оставалось загадкой. Предельно

ясно было лишь одно – данное решение поражало своей безмозглостью, поскольку чуть ли не каждый день приходилось носить штативы и подносы с пробирками и колбами, наполненные реактивами, из химлаборатории в аудитории и обратно по поломанному паркету, как по минному полю. Возможно, если бы проректор по хозяйственной части хоть раз прошел по коридору с двумя-тремя дюжинами полных пробирок на огромном подносе, он посмотрел бы на эту проблему по-другому.

Так или иначе, но проводить занятия было нужно, и Катя, совмещавшая должности преподавателя, младшего научного сотрудника и лаборанта (после очередного "сокращения штатов"), вынуждена была носить эти проклятые пробирки, осторожно лавируя между поломанными дощечками, словно корабль среди рифов.

За время работы в институте она благополучно продела эту рискованную операцию не одну сотню раз. И надо же такому случиться, чтобы двадцать третьего сентября (поразительно, она запомнила даже число!) каблук новых Катиных туфель (результат немыслимой экономии) зацепился за одну из злополучных дощечек. Женщина споткнулась и, мучительно пытаясь удержать равновесие, по инерции побежала вперед. Пробирки жалобно зазвенели...

Тщетная попытка! Неумолимый закон земного притяжения неминуемо привел бы Катю прямоком на паркетный пол в кучу осколков, если бы чьи-то сильные пальцы не вцепились "железной хваткой" в ее локти. Поднос столкнулся с чем-то, и она врезалась в него грудью. На мгновение от боли перехватило дыхание и потемнело в глазах.

Когда зрение обрело прежнюю четкость, Катя увидела прямо перед собой белоснежную рубашку, на которой медленно расплывались пятна реактивов из перевернутых, но на удивление целых, пробирок. Под рубашкой вырисовывались великолепные контуры мужского торса, которым, пожалуй, позавидовал бы сам Сильвестр Сталлоне. Словно по ступенькам, ее взгляд поднялся по пуговицам рубашки

вверх, к наглухо застегнутому воротнику, что обхватывал могучую шею, которую венчала голова античной статуи с классически правильными, мужественными чертами исключительно красивого лица. Оливкового оттенка щеки были тщательно выбриты, волевой подбородок украшала чуть заметная ямочка. Безукоризненная белизна рубашки еще больше подчеркивала матовую смуглость кожи. Темные, чувственные, резко очерченные губы, были напряженно сжаты, идеально прямой нос совершенен. Под широкими иссиня-черными бровями сверкали бездонные антрацитовые глаза с голубоватыми белками. Их взгляд был бы, пожалуй, чересчур суров, если бы его несколько не смягчали необыкновенно длинные, загнутые кверху, пушистые, словно у девушки, ресницы. Зачесанные назад, цвета вороньего крыла, волосы, столь густые, что невольно напрашивался вопрос: не ломаются ли расчески в этой шикарной гриве, открывали высокий чистый лоб. Во всем облике незнакомца ощущалось благородство и мужественность. Будучи отнюдь не маленького роста, Катя едва доставала своему спасителю до плеча. Сколько же ему могло быть лет? Двадцать двадцать четыре – не более, но выглядел он старше, возможно, благодаря серебристой пряди пальца в три шириной, белевшей в смоляной шевелюре чуть правее середины лба и терявшейся на макушке. Впервые перед Катей предстал столь совершенный (во всяком случае, внешне!) образец мужчины. Она не смогла сдержать легкий возглас восхищения, помимо воли сорвавшийся с губ. Парень тотчас же воспользовался этим, чтобы заговорить.

– Вы в порядке?! – в низком, с приятной хрипотцой голосе прозвучало искреннее участие.

– Да... спасибо, – пробормотала Катя, к немалому своему удивлению чувствуя, что краснеет под пристальным взглядом этих удивительных глаз. – Спасибо большое... Если бы не вы...

– Пустяки! – мягко, но решительно прервал он неуклюжие изъявления благодарности. – Позвольте, я вам помо-

гу, – и осторожно забрал у нее поднос...

– Что случилось?! – огромные, темно-янтарные с золотистыми искорками, Машины глаза стали еще больше, когда Катя в сопровождении своего спасителя вернулась в лабораторию.

– Я "обновила" свои туфли, – попыталась пошутить Катя, – если бы не... – она обернулась к парню.

– Андрей, – подсказал тот.

– Если бы не Андрей, я неминуемо приземлилась бы на пол.

– Черт! Этот осел завхоз... – вырвалось у Маши (она принципиально никогда не называла проректора по хозяйственной части его полным "титолом"). – Ты не ушиблась, Катюша?!

– Все нормально! Не волнуйся, Машенька!

Маша перевела взгляд с Кати на Андрея. Ее глаза сверкнули восхищением, но тотчас же прикрылись длинными накрашенными ресницами.

Внезапно она хмыкнула:

– Мда-а! Рубашечке-то, похоже, пришел конец!

– Боже мой! Ваша рубашка! – опомнилась Катя. – Снимайте скорее, я попробую отстирать! К счастью, среди реактивов не было кислот...

– Нет-нет! Не нужно! – воскликнул Андрей, пожалуй, чересчур поспешно.

На какое-то мгновение его лицо словно окаменело, но тотчас же, подобно легкому ветерку, по губам скользнула мимолетная улыбка, обнажая превосходные зубы, явно не нуждающиеся в стоматологических орудиях пытки.

– Не думаю, что стирка ей поможет! Кроме того, она никогда мне особенно не нравилась. Я просто поеду домой и переоденусь.

– Весьма разумное решение! – усмехнулась Маша.

– Теперь я ваша должница, Андрей! – Катя благодарно улыбнулась.

– Вы легко можете вернуть свой долг, – в его голосе

звучало мягкое поддразнивание.

Их взгляды встретились, и Кате показалось, что его глаза расширяются, обволакивают ее мягким, волнующим теплом, и она летит в сладостную, манящую бездну.

– Каким же образом?! – не в силах оторваться от этих гипнотизирующих глаз, прошептала она слегка охрипшим голосом.

– О-ля-ля! – многозначительно протянула Маша.

Андрей с нескрываемым интересом оглядел стеллажи со всевозможными колбами, пробирками и ретортами:

– Предоставьте мне возможность ежедневно работать в лаборатории. Поверьте, я вам не помешаю, – прибавил он с обаятельной улыбкой.

Краем глаза Катя заметила, что Маша едва сдерживает смех. Катя никогда не была кокеткой, но она была женщиной, и ответ Андрея слегка задел ее самолюбие.

– Пожалуйста! – сказала она сухо.

– Поверьте, Катя, в данную минуту вы сделали для меня несравненно больше, чем та пустяковая услуга, которую я имел честь оказать вам.

И невозможно было определить, говорит он серьезно или шутит...

Маша долго еще задумчиво созерцала закрывшуюся за Андреем дверь. Наконец, она уселась на свое привычное место на подоконник и, сделав пару сигаретных затяжек, произнесла:

– Знаешь, что я скажу тебе, подруга?! Еще ни разу в жизни мне не приходилось видеть такого шикарного мужика, а я повидала их достаточно, можешь мне поверить.

Не отвечая, Катя мыла пробирки, пожалуй, слишком уж тщательно. Ее молчание не обескуражило Машу, и та продолжала, отлично зная, что подруга ее слушает:

– Но парень непрост. Ох, как непрост, попомнишь мое слово! Какие глазищи, а! Видела?! Просто – мороз по коже! Мне показалось, что он говорит с каким-то едва уловимым акцентом. А смуглый-то! Может быть, он какой-нибудь

мексиканец или, в крайнем случае, цыган?

– Не говори глупости! – не выдержала Катя.

– Я никогда раньше не видела его в институте. А ты?

– Нет!

– На первокурсника он явно не похож... Может быть, перевелся откуда-то? Надо будет разузнать... Что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что он интересуется тебя гораздо больше, чем требуется!

– Требуется для чего?! – в Машинном голосе явственно звучала насмешка.

– Мне пора на лабораторную, – отрезала Катя, хлопнув дверью чуть сильнее обычного.

Она была раздосадована больше на себя, чем на Машу. Не желая признаваться в этом даже самой себе, Катя заинтересовалась таинственным незнакомцем ничуть не меньше подруги. Откуда у него в волосах эта белая прядь? Что пришлось пережить ему, через какие испытания пройти, прежде чем неумолимая Судьба поставила несмываемое клеймо на эту великолепную шевелюру?! А, может быть, – и на душу?! Как он красив! Боже правый! Машка права: прекрасен настолько, насколько и загадочен. Интересно, почему он так резко отказался снять рубашку? Такой фигурой, по праву, можно гордиться, а робким ее обладателя никак не назовешь. Что-то здесь не так!

Ночью, ворочаясь в постели без сна, Катя поймала себя на мысли, что весь день думала только об Андрее.

Утром она собралась на работу быстрее обычного. Но Андрей не пришел, не появился он и на следующий день. Неожиданно Катя почувствовала разочарование. Что же с ней происходит?! Молодая женщина попыталась разобраться в своих чувствах. Неужели она влюбилась, как семнадцатилетняя дурочка в первого встречного мальчишку?! Нет! Конечно же, нет! Об этом смешно даже подумать! Она не влюблена, прежде всего, потому что... не имеет на это права. У нее есть семья – муж и сын. Независимо от того

счастлива она или нет, Катя – замужняя женщина. И этим сказано все! Столь твердые моральные принципы воспитала в ней мать. Катя не могла сказать, была ли та счастлива с ее отцом, который частенько сильно "закладывал" и был не прочь поволочиться за каждой юбкой. Но мать свято хранила ему верность и, кажется, любила. Во всяком случае, после его смерти она так больше и не вышла замуж.

Так что же все-таки чувствует Катя к Андрею?! Эта мысль не давала ей покоя. Почему она не могла отвести от него глаз? Потому, что он был красив, невероятно красив, и она действительно любовалась им, как любовалась бы всяким, столь же совершенным произведением искусства. Так неужели же это неординарное произведение природы не должно было привлечь ее внимание?! Кроме того, он и впрямь интересовал ее... как интересуется и будоражит любопытство все необычное и загадочное... Разложив мысли "по полочкам", Катя успокоилась.

Через несколько дней после происшествия, Маша, все это время ходившая с заговорческим видом, торжественно объявила:

– Катюха, я собрала сведения о твоём спасителе!

– Я тебя об этом не просила!

– Неужели тебе не интересно?!

– Абсолютно!

– А-а! – лукаво протянула Маша. – Ну, как хочешь!

Раздираемая любопытством Катя постаралась придать голосу как можно больше равнодушия:

– Ладно! Выкладывай, что там у тебя?!

Но обмануть Машу было не так-то просто. И Катин притворно безразличный тон несколько не ввел ее в заблуждение. Она ласково обняла подругу за плечи:

– Ну признайся, что сгораешь от желания узнать, кто он такой!

Поистине, эта чертовка обезоруживала своим обаянием! Обижаться на нее было просто невозможно!

– Да! Да! Да! – засмеялась Катя. – Я хочу знать, кто он

такой! Сдаюсь!

– Итак! – важно, словно читала доклад в научном обществе, произнесла Маша. – Дамы и господа! Позвольте вам представить: Стрельцов Андрей Антонович, двадцать три года. Национальность неизвестна, но, судя по фамилии – русский. Впрочем, каждый волен оставаться при своем мнении! Учится на нашем факультете. Перевелся из Киевского университета, претендент на "красный" диплом. В общем-то, ему только и осталось, что написать диплом, поскольку все пять курсов он отучился в Киеве. Какого черта он перевелся – непонятно, но, думаю, на это должны быть весьма веские причины. В деньгах он явно не нуждается. Я поняла это сразу, как только увидела рубашечку, которую ты ему так изрядно подпортила.

– Рубашка, как рубашка, – пожалала плечами Катя.

– Не скажи! На нем очень хорошие вещи – настоящие фирменные, а они стоят довольно дорого. Так что, подруга, долларов на двадцать пять-тридцать ты его накрыла.

– Бог ты мой! – ахнула Катя.

– Не падай в обморок! Думаю, для него это – мелочи. Кстати, ты почувствовала, как от него обалденно пахнет?!

– Я как-то не приноживалась! – усмехнулась Катя.

– А напрасно! Это – "Jaguar" – "чистая" Франция! "Утонченный аромат мужественного, элегантного мужчины..." – процитировала Маша рекламный проспект. В этих вещах она разбиралась великолепно.

– От общаги он отказался, – продолжала всезнающая Машка, – снимает квартиру где-то на окраине города. Никому еще не удалось побывать у него в гостях. Между прочим, общественным транспортом их сиятельство не пользуется! Видела, во дворе стоит шикарная красная иномарка с киевскими номерами?

– Нет, я не обращала внимания.

– Да на что ты вообще обращаешь внимание?! – возмутилась Маша. – Обалденная тачка! "Ferrary 328"! Из машин этого класса лучше только "Ferrary Testarossa"!

И Маша начала рассказывать о достоинствах спортивных машин фирмы "Ferrary". Кате ни о чем не говорили все эти кубические объемы двигателей и лошадиные силы. Иногда она спрашивала себя: существуют ли такие вопросы, в которых Маша не разбиралась бы?! Создавалось впечатление, что – нет.

Произведя сравнительную характеристику двух машин и перечислив все их достоинства и недостатки, Маша вернулась к интересующей Катю теме:

– Вообще, скажу я тебе, личность он – весьма загадочная. Ничего не известно ни о его семье, ни о том, откуда у него такие деньги... Друзей у него нет, врагов, насколько я знаю, тоже. В коллективных походах "на пиво" он никогда участия не принимает. Может быть, потому что – "новенький", но думаю, причина не в этом. Кстати, о личной жизни нашего героя тоже ничего неизвестно. Во всяком случае, с женщиной его никто не видел. Весьма интересная деталь: как бы ни было жарко, он никогда не расстегивает верхнюю пуговицу на рубашке. Помнишь, как он дернулся, когда ты предложила постирать эту злополучную рубашечку? Не думаю, чтобы причиной тому была излишняя скромность.

Катя задумчиво кивнула.

– Андрей довольно часто посещает тренажерный зал, – продолжала свой "доклад" Маша. – Фигура у парня, конечно, потрясающая! Так вот, футболки на нем – под самое горло, а принимать душ после тренировок он всегда уезжает домой. Короче говоря, никому еще не удалось полюбоваться его обнаженным торсом. А посмотреть там есть на что, не сомневаюсь! Вряд ли такое странное поведение объясняется интеллигентностью. Что-то за этим кроется! Какая-то тайна!

Катя рассмеялась:

– Где ты раздобыла все эти сведения?!

– Сорока на хвосте принесла!

– По-моему, Машка, ты влюбилась!

– Я?! А впрочем, почему бы нет?! Но, увы, мне "не

светит"! – озорная улыбка заиграла на чувственных губах. – Достаточно было видеть, как он смотрел на тебя, чтобы понять, кому отдает предпочтение наш герой.

– Машка! – возмущенно воскликнула Катя. – Что ты несешь?! Я и этот мальчик?! Ты сошла с ума! И потом, не забывай, что я замужем!

– Дело не в возрасте, – серьезно ответила Маша. – Катюша! Я же вижу, что у тебя с Костей не ладится!

– Много ты в этом понимаешь! – вырвалось у Кати.

Но она тотчас же пожалела о своих словах, заметив, как помрачнела девушка.

– Машенька! Прости, ради Бога!

Маша натянуто улыбнулась:

– Все о'кэй!

На этом разговор и закончился. В свои двадцать восемь лет, несмотря на красоту, ум и хороший характер, Маша все еще не устроила личную жизнь. И хотя она частенько говорила, что свобода ей дороже всего, Катя прекрасно понимала, что втайне каждая нормальная женщина мечтает о семье, о любящем, заботливом муже и, наконец, о ребенке. Сама ли Маша была виновата или так сложились обстоятельства, но всего этого она была лишена...

Андрей появился через неделю, и с тех пор стал приходить каждый день. Он, как и пообещал, никому не мешал, сидел себе тихонько в уголке и копался с реактивами и пробирками. Вскоре хозяйки лаборатории привыкли к нему, и, если парень задерживался, начинали волноваться: куда подевался Андрюша? Катя дала ему ключ от лаборатории, и он приходил и уходил, когда считал нужным. Андрей был прекрасно воспитан, безукоризненно вежлив, но молчалив, чтобы не сказать, замкнут. Даже "заводной" Маше с большим трудом удавалось разговорить его. Кроме того, создавалось впечатление, что он всегда говорит лишь то, что считает нужным сказать и ни на словечко больше. Так, на ее вопрос, с какой это стати он перевелся к ним, а не заканчивал учебу в Киеве, Андрей ответил предельно лаконично:

– На то были свои причины!

И больше ничего "вытянуть" из него не удалось.

...Маша постоянно подтрунивала над подругой, утверждая, что "рыцарь печального образа" влюблен в нее без памяти. Было ли это правдой или всего лишь плодом Машиного богатого воображения – неизвестно, поскольку, Андришина "любовь" (если таковая действительно существовала) не проявляла себя ни словами, ни поступками, не считая еженедельных букетов на Катином столе и странных взглядов, которые парень частенько украдкой бросал на нее. От таких, случайно пойманных, взглядов женщину бросало то в жар, то в холод, и она предпочитала пореже смотреть в эти бездонные глаза, полыхавшие иногда мрачным огнем, точно адское пламя, пожирающее душу, стремилось вырваться наружу.

Как-то, в начале ноября, Катя задержалась на работе чуть дольше обычного. Артемка уехал на каникулы к бабушке, Костя работал допоздна, и спешить домой не было необходимости. На улице лил дождь – мелкий, нудный осенний дождь, не прекращавшийся уже неделю. Казалось, что одежда, волосы, сам воздух насквозь пропитались холодной влагой. Покидать уютную лабораторию не хотелось, и молодая женщина наслаждалась тишиной и одиночеством, грея озябшие пальцы о чашку с крепким чаем и задумчиво наблюдая, как по оконному стеклу сбегает струйки воды.

Когда Катя, наконец-то, вышла из института, уже начинало смеркаться. Поеживаясь от холода и стараясь обходить лужи, она побрела домой. Внезапно красная иномарка, резко затормозив, преградила ей дорогу.

– Садитесь, Катя, я отвезу вас домой. – Андрей вышел из машины и распахнул перед ней дверцу.

– Да нет, спасибо, я автобусом, – соврала Катя, поскольку денег на автобус у нее не было.

– Я думаю, здесь вам будет удобнее, чем в автобусе, – парень улыбался, щурясь от висевшей в воздухе водяной

пыли. На черных кудрях поблескивали капельки дождя.

Уже не первый раз Катя подумала, что вызывающий цвет автомобиля как-то не соответствует характеру Андрея. Ему больше подошла бы черная или белая машина, особенно, учитывая, что в одежде парня присутствовали только два этих цвета. Бесспорно, они очень "шли" ему, но создавалось впечатление, будто он носит траур. А, может быть, так оно и было? Еще одна "загадка от Андрея", по меткому выражению Маши.

Внутри иномарка оказалась еще шикарней, чем снаружи. Никогда раньше Катя не ездила в таких машинах. Она удобно устроилась на внушительном сидении с меховым покрытием "под шкуру ягуара". Играла тихая музыка, по ветровому стеклу бесшумно сновали дворники. Большие красивые руки Андрея уверенно лежали на руле, чеканный профиль четко вырисовывался на фоне запотевшего стекла. Скосив глаза, Катя украдкой любовалась этими благородными чертами до тех пор, пока что-то не попало ей в глаз. Женщина отчаянно заморгала, на ресницах показались слезы, но боль не проходила. Катя полезла в сумку за зеркальцем и платком.

Андрей заметил ее движение:

– Что-то не так?!

– Наверное, соринка в глаз попала...

Он остановил машину и включил в салоне свет.

Тщетно Катя пыталась уголком носового платочка извлечь посторонний предмет, слезы застилали глаза, и она ничего не могла разглядеть в крошечное зеркальце.

– Давайте, я попробую, – на лице Андрея появилось сочувствие.

– Спасибо, я сама!

– Катя! – что-то в голосе парня заставило молодую женщину насторожиться, ей показалось, что в нем зазвенела боль. – Почему вы меня боитесь?! Мне кажется, я не давал для этого повода. Уверяю вас, я не маньяк и не убийца! Поверьте, я не сделаю ничего, что могло бы повредить вам!

Никогда, Катя, слышите, никогда!

Последняя фраза прозвучала с таким жаром, что Катя была немало удивлена. Внезапно всплыли в памяти слова Маши: "Мне кажется, что за этой изысканной вежливостью и хорошими манерами, за нарочитой холодностью скрывается необузданный дикий темперамент". Была ли она права? Во всяком случае, такой взрыв эмоций Катя наблюдала впервые. Отразились ли эти мысли на ее лице, или Андрей понял, что "перегнул палку" и вышел из образа, но он быстро овладел собой и произнес уже совершенно спокойно:

– Так вам помочь или вы предпочитаете мучиться?!

– Помоги! – Катя сказала это так тихо, что Андрей скорее догадался по движению губ, чем услышал ее слова.

Он забрал у нее платок и осторожно приподнял голову за подбородок. Бог ты мой! Какие у него были руки! Сильные, ласковые... Катя была потрясена: неужели он действительно любил ее?! Сколько же требовалось мужества, чтобы так тщательно скрывать свои чувства?!

Андрей наклонился к ней так близко, что Катя ощутила его дыхание на своем лице. Восхитительный аромат французских духов смешивался с запахом дорогих сигарет, образуя вокруг парня неповторимую ауру. Бездонные глаза в ореоле пушистых ресниц влажно блестели всего в двух десятках сантиметров от ее глаз. И вновь, как в первый раз, Кате показалось, что эта мерцающая бездна обволакивает ее, затягивает, манит куда-то в черные глубины... И внезапно ей захотелось, не задумываясь ни о чем, ринуться в эту пропасть, ощутить вкус его волнующих, слегка приоткрытых губ, и хоть на несколько минут почувствовать себя любимой, желанной и... счастливой. Она судорожно вздохнула.

На какое-то мгновение женщине показалось, что он сейчас поцелует ее, но Андрей, осторожно проведя краешком платка по ее нижнему веку, сказал внезапно охрипшим голосом:

– Это была ресница... – и лишь задержал ее лицо в своих ладонях чуть дольше, чем это было необходимо...

Воспоминания превалила как всегда опоздавшая на работу Маша. Она принесла с собой ощущение весенней свежести (невзирая на мороз на улице), пленительный запах французских духов и чарующую, ей одной присущую улыбку.

– Привет, Катюха!
Я немножечко опоздала...
– прозвучало традиционное приветствие.

Катя тоже невольно улыбнулась – каждое утро Маша начинала именно с этой фразы.

– Привет!

– Меня никто не искал?

– Все знают, что это бесполезно!

Маша засмеялась. Смех у нее был такой же обворожительный, как и она сама – словно зазвенели, отразившись эхом от пробирок, хрустальные колокольчики.

– Смотри, что я с собой сотворила! – девушка жестом, полным грации и изящества, откинула с головы капюшон дорожной кожаной куртки.

Катя невольно сощурилась: Машка умудрилась выкрасить волосы в огненно-рыжий цвет. Небрежно перехваченные на макушке заколкой, пушистые после химической завивки, волосы золотым водопадом лились на плечи, обтянутые стрейчевым свитерком леопардовой расцветки. Экстравагантный цвет волос еще больше подчеркивал красоту

янтарных Машиных глаз. На прошлой неделе она была жгучей брюнеткой, перед этим – шатенкой, но никаким покраскам и завивкам не удавалось испортить ее прекрасные кудри, натуральный цвет которых даже сама Маша едва ли могла вспомнить.

– Довольно смело, но тебе идет! Сейчас ты похожа на рыжую кошку.

– Я и есть – кошка, – усмехнулась Маша. – Кошка, которая гуляет сама по себе... А ты почему такая грустная? Случилось что-то?!

– Нет! Ничего не случилось. Просто... неважно себя чувствую.

– То-то я смотрю, ты сегодня бледная какая-то! Темку к бабушке уже отправила?!

– Завтра поедет. Сегодня – последний день четверти.

– Отправляй ребенка и перебирайся на недельку ко мне, хоть отдохнешь немного.

– Ну да! А Костя?! Как же я его брошу?!

– Носишься со своим Костей, как дурень со ступою! Было бы с кем! Большого эгоиста, чем твой муж, я еще не встречала. Он из тех мужчин, которые будут подыхать с голоду, но сами в жизни не подойдут к плите.

Катя промолчала – подруга была права.

– А чего это ты сидишь в пальто?! Тоже только что пришла?!

– Нет, я здесь уже давно! У меня нет первой пары, сейчас буду проверять лабораторные по "неорганике" у первокурсников.

– Андрюшка не приходил? – Маша закончила прихорашиваться перед зеркалом и, обернувшись к Кате, заметила на столе цветы. – Ага! Приходил! Обалденный букет!

– Я его еще не видела.

– Ну, разумеется! Мальчик играет в доброго домового! Кстати, у него в четверг защита. Ты пойдешь?

– Не знаю... Ты заметила, что на этот раз цветы желтые?

– Хм! Действительно!

– Маша! – Катя замылась, тщательно подбирая слова. – Ты не знаешь, он уедет после защиты?

– А что, тебя это волнует?! Я думала, тебе безразлично! – усмехнулась девушка.

Пытаясь скрыть от глаз Маши румянец, совсем некстати заливший щеки, Катя отвернулась к шкафу и, вешая пальто, ответила сухо:

– Просто поинтересовалась!

Хитро прищулив один глаз, Маша расцвела в улыбке:

– Понятия не имею! ...Ладно, подруга, меня давно ждут студенты!

Однако, уже выйдя из лаборатории, Маша просунула голову в приоткрытую дверь и заговорческим шепотом произнесла:

– Не переживай! Твой Ромео вряд ли уедет! Декан предложил ему место на кафедре биологии. Так что, желтый букет – всего лишь хитрый ход! – и, послав Кате воздушный поцелуй, исчезла из поля зрения.

Даже под пыткой не призналась бы Катя, что нахлынувшая от этих слов радость охватила все ее существо.

Тихо напевая, она надела белый халат и, вооружившись красной пастой, достала со стеллажа внушительную стопку листов с лабораторными. Студентам повезло – у Екатерины Александровны Приходько было хорошее настроение, следовательно, двойки им не грозили.

Но не успела она проверить и десяток работ, как в дверь тихо постучали. Это был характерный стук Андрея: три коротких удара и два длинных. Катя мельком взглянула на себя в зеркальце, лежавшее в ящичке стола. Господи, до чего же она бледная! Ужас! Однако подкрашиваться времени не было, да она и не пользовалась косметикой, разве что, изредка помадой – Косте нравилось все "натуральное".

– Войдите, открыто! – крикнула Катя, предварительно слегка покусав губы, чтобы хоть немного вернуть им естественный цвет.

В дверях появился Андрей, как обычно, в исключительно элегантном черном костюме и белоснежной рубашке с черным галстуком – словно только что со свадьбы... или с похорон.

– Доброе утро, Катя! Как ваши дела? – пристальный взгляд впился в лицо молодой женщины.

– Доброе утро, Андрюша! Спасибо, все в порядке! А как ты?

– Спасибо, нормально! Я не помешаю?

– Что ты, конечно нет!

Обмен любезностями, ставший за полгода ритуалом, завершился. Андрей повесил на вешалку пиджак и, казалось, углубился в работу. Катя продолжила проверку лабораторных, прерванную появлением парня, однако, изредка украдкой поглядывала на него. Андрей тоже бросал на женщину свои странные взгляды, что-то чертя на листе бумаги. Это продолжалось, примерно, с полчаса. Наконец, Катя незаметно так увлеклась проверкой работ первокурсников (некоторые из них были довольно оригинальны), что перестала наблюдать за своим молчаливым "коллегой". Вот тогда-то и приземлился к ней на стол бумажный самолетик. Катя вздрогнула от неожиданности и, недоуменно повертев в руках этот летательный аппарат, обернулась к Андрею. Тот улыбался краешком рта, положив подбородок на скрещенные пальцы.

Пытаясь унять биение сердца, Катя развернула послание. Это был превосходный карандашный рисунок, точнее, ее портрет, выполненный опытной рукой талантливого художника. Она была изображена сосредоточенно склонившейся над листами бумаги с ручкой в руке. Ясно, что Андрей нарисовал ее только что. Поистине, каждый день Катя открывала в этом парне что-то новое. Казалось, вот уже она изучила его характер, привычки, склонности... но нет – именно в этот момент он поворачивался к ней совершенно неизвестной стороной своей многогранной, ни с чем несравнимой индивидуальности.

– Ты прекрасно рисуешь! – воскликнула Катя восхищенно.

– Немного! – усмехнулся парень. – Моя сестра рисует гораздо лучше.

Катя не верила своим ушам! Это были первые сведения о жизни Андрея, которые он снизошел сообщить.

– У тебя есть сестра? – спросила она осторожно, боясь спугнуть его каким-нибудь слишком уж "личным" вопросом. Но, похоже, сегодня Андрей впервые был склонен покровенничать.

– Есть! Она младше меня, – он помолчал немного, как бы раздумывая, стоит ли говорить дальше, однако, продолжил. – Юлька учится в Петербурге в Академии Художеств.

– А ты?! Почему ты с таким талантом не стал изучать живопись?! – в Катином голосе звучал неподдельный интерес. Неужели Андрей все-таки разговорился?!

– Во-первых, я не считаю, что у меня дар Божий! Вот Юля – другое дело! Она такие картины пишет – глаз оторвать невозможно! А я – так, дилетант-любитель, – мягко улыбнулся Андрей.

Катя не могла не заметить, с какой теплотой говорит парень о сестре.

– А, во-вторых, – продолжал он, – начертано же на вратах Рима: "Каждому – свое..."

– И все же, если не секрет, почему ты пошел на биохим? Ведь это – довольно скучная специальность.

– А вы, почему выбрали для себя эту "довольно скучную специальность"? – вопросом на вопрос ответил тот.

– Я хотела поступать в медицинский, – вздохнула Катя.

– Так в чем же дело?!

– Побоялась! Там всегда такой огромный конкурс! А ближе всего к медицине – биология и химия...

Катя не договаривала. Испугал ее не только большой конкурс, с детства она боялась крови и покойников. Поэтому знала: практические занятия в морге закончатся обморо-

ком, а через "анатомичку" в мединституте проходят все: от хирургов до психиатров.

– А я всегда хотел заниматься биологией, а если быть более точным – генетикой.

– Вот как?! – удивилась Катя.

– Да-да! С самого раннего детства меня чрезвычайно интересовал вопрос: почему я – точная копия отца, а сестра – матери. Мы с ней совершенно непохожи. Тогда я еще ничего не знал о законах Менделя, и все эти доминантные и рецессивные признаки были для меня тайной за семью печатями.

– Андрюша, – расхрабрилась Катя, забыв, что излишнее любопытство наказуемо, – твоя семья живет в Киеве?

Его лицо, такое ясное и открытое мгновение назад, тотчас же словно окаменело.

– Нет! – резко ответил парень таким тоном, что Катя поняла: продолжение разговора вряд ли последует.

Очевидно, своими вопросами она неволью переступила ту черту, за которой таился загадочный мир Андрея, доступ куда он так тщательно охранял. Чуть приоткрытая дверца в тайну этого удивительного человека, захлопнулась перед самым носом.

Воцарилось неловкое молчание. Катя, делая вид, что работает, внимательно наблюдала за Андреем. А он сосредоточенно производил какие-то опыты, разглядывал полученные результаты в микроскоп, делал попутно записи в тетради. Катя мысленно ругала себя за поспешность. Надо же такому случиться, чтобы этот проклятый вопрос о местожительстве его семьи так опрометчиво сорвался с губ! Возможно, он сам рассказал бы ей... Хотя, вряд ли! Слишком уж он скрытен. Да и что, собственно, нового узнала она из этих неожиданных откровений?! Только то, что у него где-то есть сестра? Негусто! Казалось, Андрей вот-вот поведаст ей какую-то поразительную, а возможно, и ужасную историю своей жизни, но он, как всегда, сказал лишь то, что считал необходимым сообщить, не более...

Тем временем парень взял лезвие, протер его спиртом и, совершенно хладнокровно разрезав себе палец, начал выдавливать кровь на предметное стекло микроскопа.

– Андрей! Ты что, с ума сошел?! Зачем ты это делаешь?! – ужаснулась Катя, сглотнув подступивший к горлу комок. В глазах начинало темнеть...

– Хочу проверить, как воздействуют некоторые реактивы на красные кровяные тельца... Что с вами?! Катя!

– Нет, ничего! – успела пробормотать Катя, теряя сознание.

Быстрота реакции Андрея была мгновенной. Каким-то невероятным прыжком перескочив через стол, он подхватил падающую женщину уже у самого пола. Если бы Катя могла в эту минуту видеть его лицо, она была бы немало удивлена тому волнению, что отразили эти, практически всегда бесстрастные, черты.

– Катя?! Боже мой, Катя! Да что с вами такое?!

Он слегка похлопал по мертвенно бледным щекам, однако это ни к чему не привело. Тогда парень осторожно опустил молодую женщину на пол, подложив ей под голову упавший со стола учебник химии, и бросился к стеллажу с реактивами. Найти бутылочку с аммиаком было делом одной минуты. Едкий запах нашатыря и носовой платок, намоченный в холодной воде, заставили ее губы слегка порозоветь. Андрей приподнял Катю; и теперь они оба сидели на полу, причем она фактически лежала в его объятиях. Женщина уже пришла в себя, но необыкновенная слабость мешала ей высвободиться из этих сильных и таких ласковых рук. Не открывая глаз, прислонившись к широкой груди Андрея, и слушая мощные удары его сердца, она чувствовала себя, словно во сне.

– Катя, Катенька! – тихонько шептал Андрей, нежно прикасаясь губами к ее волосам, и еще что-то шептал на каком-то неизвестном Кате языке. А, может быть, просто показалось?! В ушах шумело, слегка подташнивало, но, тем не менее, было так хорошо и спокойно, как не бывало уже

много лет. Андрей одним рывком легко поднял Катю с пола и сел вместе с ней на стул, не выпуская из объятий. Как странно! Вот уже второй раз за сегодняшний день ее обнимают... Но сколь различны эти объятия! Какая натянутость, какая скованность ощущалась в движениях и словах Кости, и как заботлив и ласков Андрей... Он осторожно приподнял ее голову за подбородок (как тогда, в машине), и Катя почувствовала на своих щеках нежные поцелуи, словно трепетные крылья бабочки, легонько коснулись лица. Молодая женщина замерла, боясь шелохнуться и нарушить это очарование. Она даже представить себе не могла, что мужчина умеет так целовать! Однако постепенно поцелуи становились все более и более страстными, и вот уже Катя ощутила, как его губы прижались к ее губам. Это было уже слишком! Женщина вздрогнула и нашла в себе силы открыть глаза. Андрей тотчас же отпрянул назад. Лицо его мгновенно приняло свое обычное выражение, а голос приобрел прежнюю твердость. Как великолепно этот мальчик умел владеть собой! Чего не скажешь о Кате...

– Вам лучше?

– Да! – чуть слышно прошептала она. И тут только, сообразив, что все еще сидит у него на коленях, предприняла попытку встать.

Андрей поднялся, усадил Катю на стул, а сам присел на корточки у ее ног.

– Если бы я знал, что вид крови так подействует на вас... – парень участливо смотрел на нее снизу вверх, и в таком ракурсе его лицо выглядело еще более привлекательным. – Простите меня, ради Бога! Вам действительно уже лучше?! – теперь его голос звучал мягко, вкрадчиво, а бездонные глаза буквально гипнотизировали ее.

– Все в порядке! – пробормотала Катя, заливаясь румянцем. Ей было мучительно стыдно за этот дурацкий обморок и за свое поведение. Как она, замужняя женщина, могла позволить целовать себя?! Но как чудесны были эти поцелуи! Сколь велика магическая сила его обаяния, и как

трудно противостоять ей!

– Ну вот, ваши щечки уже и порозовели, – улыбнулся этот "змея-искуситель", – а пальчики все еще, как лед...

Не отрывая взгляда от ее глаз, он спрятал Катины пальцы в больших теплых ладонях и, поднеся к губам, стал согревать своим дыханием. О, что это был за взгляд! Ни один мужчина никогда так не смотрел на нее! Катя хотела отвести глаза, но не могла, замороженная этой сверкающей бездной.

А он подносил ее руки все ближе и ближе к губам, и вот уже по озябшим пальцам заскользили легкие бережные поцелуи. Да что же такое происходит?! Как он смеет?! Нужно оттолкнуть этого дерзкого мальчишку, встать и уйти! Но Катя не могла двинуться, пригвожденная к стулу этими дьявольскими глазищами, становившимися все темнее и темнее, если только непроглядная тьма может стать еще более непроглядной. А он, тем временем, целовал уже ее ладони и тонкие запястья, нежно прикасаясь к синим жилкам, где лихорадочно бился пульс. По телу молодой женщины прошла дрожь.

– Боже мой! Андрей, что ты делаешь?! – простонала она.

Парень неожиданно вздрогнул от звука ее голоса и, оттолкнув Катины руки, резко поднялся во весь рост. Затем, словно очнувшись ото сна, провел ладонью по глазам и пробормотал едва слышно:

– Хотел бы я знать, что я делаю!

Он подошел к столу, налил из графина воды в стакан и протянул его Кате. Она медленно отпила несколько глотков, чувствуя, как постепенно успокаивается биение сердца. Зубы несколько раз стукнули о граненое стекло.

– Спасибо, – прошептала Катя, возвращая стакан.

Андрей залпом допил воду, прикоснувшись губами к тому краю, откуда пила женщина, и улыбнулся:

– Ну вот, теперь я буду знать все ваши мысли, – однако улыбка получилась грустной.

Он хотел еще что-то сказать, но открылась дверь, и вошла Маша.

– Фу! Ну и запах! – брезгливо сморщила она свой хо-рошенький носик. – Вы тут что, нашатырный спирт пили?!

Бутылка с аммиаком все еще стояла открытая.

– Нет, мы тут производили кое-какие опыты, – как ни в чем не бывало, ответил Андрей.

– А что у вас с лицами?! Да что тут произошло?! – не унималась Маша.

– Ничего особенного, просто...

– Просто, – поспешно перебила его Катя, – Андрей порезал палец, а я, как кисейная барышня, при виде крови упала в обморок.

– Ну, ты даешь! – ахнула Маша.

– Уже все в порядке! – Катя выдавила улыбку.

– Ладно! Как это ни прискорбно, но я вынужден вас покинуть... Мне нужно в библиотеку, – и Андрей деликатно удалился.

Машка проводила его восхищенным взглядом.

– Черт! – процедила она сквозь зубы. – Как он напо-минает мне черного ягуара. Эти мягкие грациозные движе-ния дикого зверя... а в них таится мощь и угроза. Хотела бы я хоть раз побывать в его когтях!

– Что же тебе мешает?! – спросила Катя усталым бес-цветным голосом.

– Нет, Катюха! Даже если не брать в расчет, что он глаз с тебя не сводит, этот парень – второй мужчина в моей жизни, на которого мои чары абсолютно не действуют. А я не настолько влюблена в него, чтобы тратить время и энер-гию, пытаюсь воспламенить эту античную статую.

– Кто же был первый?! – спросила Катя, пытаюсь спра-виться с неожиданным приступом тошноты. Однако это ей не удалось. Несчастливая едва успела добежать до раковины, как ее буквально вывернуло наизнанку.

Маша бросилась к подруге... Когда, спустя некоторое время, Катя, тяжело дыша, сидела за столом, спрятав лицо в

ладонях, Маша, покусывая губы, задумчиво протянула:

– Да-а, дела! Так, говоришь, упала в обморок при виде крови?! И давно это у тебя такие обмороки?

– С сегодняшнего дня, – глухо ответила та.

– Слушай, подруга, ты, часом, не беременная, а?!

Катя испуганно вскинула голову:

– Да ты что?!!

– Я-то ничего! Просто... признаки уж больно похожи!

Катя почувствовала, как внутри у нее все похолодело – вот оно, ощущение неосознанной тревоги, преследующее ее с самого утра! Маша с безжалостной определенностью облекла мысли в слова... Неужели она действительно беременна?! Господи, что скажет Костя?!

– Нет! Нет, конечно! Этого не может быть! – попыталась защититься Катя от ужасной реальности. – У меня же недавно были месячные!

– А чего ты, собственно, так испугалась?! – удивилась Маша. – Ты же хотела второго ребенка. Катюха! Это же замечательно!

– Да! Конечно, я хочу ребенка! Но Костя...

– Черт бы побрал твоего Костю! Слушать о нем не желаю! Эгоист проклятый! Брось ты его, к чертовой матери! Я тебя не понимаю, честное слово! Дался тебе этот Костя! Андрей – такой парень! Красивый, умный, богатый... И любит же тебя – слепому видно! Да ты за ним, как за каменной стеной будешь...

– Маша! Маша! Подожди! – остановила Катя поток красноречия подруги. – Не об этом сейчас разговор! Ты лучше посоветуй, что мне делать!

– Как что делать?! Конечно же, рожать!

– Да угомонись ты! Рожать!.. И потом, неизвестно еще – может быть, это ложная тревога.

– Да, действительно! – несколько умерила свой пыл Маша. – Значит, купи тест для определения беременности, в любой аптеке продается.

– Ой, Машка, нет у меня сейчас денег на тесты. К тому

же, если я и в самом деле залетела, все равно надо будет идти к врачу. Опять деньги! – Катя чуть не плакала.

– Займу я тебе деньги! К тому же, сразу идти в больницу необязательно.

– Видишь ли, у меня частенько побаливает сердце... Даже не знаю, как мне поступить!

– Вот оно в чем дело?! – Маша задумалась, – Тогда тебе, в самом деле, нужен врач. Хороший врач! – девушка подошла к окну и, созерцая пейзаж, некоторое время напряженно молчала, словно решаясь на что-то. Затем обернулась к подруге и решительно сказала:

– Ладно! Есть один такой врач. Мой знакомый. Он не возьмет с тебя ни копейки, даже если решишь делать аборт... Вот завтра мы к нему и пойдем!

– Машенька! Спасибо тебе, конечно, огромное, но неудобно...

– Неудобно спать на потолке! – резко прервала ее Маша. – Все! Разговор на эту тему окончен! Завтра идем!

– Но...

– Никаких "но"!

– Маша! – взмолилась Катя. – Мне завтра нужно отправлять Артемку к бабушке.

– Хорошо! Пойдем послезавтра, – согласилась та, – а за это время постарайся убедить своего олуха-мужа, что другой возможности может и не представиться...

Катя удивленно взглянула на подругу: в ее голосе неожиданно прозвучала боль, о существовании которой у всегда такой жизнерадостной Маши нельзя было даже подумать.

Однако девушка быстро овладела собой:

– Сколько у тебя сегодня пар?

– Две.

– Я тебя заменю, потом разберемся, что к чему... Поезжай домой, выпей горячего чая и ложись спать.

– Декан...

– Декана я беру на себя! Не переживай! Отдыхай! Все

образуется! – Маша ласково чмокнула подругу в щеку. – Андрюшка тебя отвезет...

– Нет-нет! Я сама!

– Тьфу на тебя! – изумилась девушка. – Ты чего это подпрыгнула, как скаженная?! Он тебя укусил, что ли?!

Катя смущенно опустила глаза:

– Не говори глупости...

– Так что же между вами произошло?!

– Он попытался меня поцеловать, – чуть слышно прошептала Катя.

Маша как-то странно посмотрела на подругу, словно увидела ее впервые, и неожиданно сказала:

– Господи, Катька! Какая же ты дура!

VI

Давно уже скрылся за поворотом автобус, увозящий расплющившего о стекло нос Артемку, а его родители все еще стояли на промерзшем неприветливом автовокзале и смотрели вслед.

Наконец, Костя, не глядя на жену, произнес:

– Ладно! Нечего тут стоять! Пойдем домой, – в голосе сквозило сожаление.

– Ему там будет лучше, – неуверенно произнесла Катя.

– Не сомневаюсь! Идем!

Его тон был сух, а брови, как обычно, мрачно сведены

на переносице. Казалось, Костя начисто позабыл о вчерашнем утреннем разговоре с женой. Катя внутренне ждалась: она робко надеялась, что муж хоть немного оттаит, но он вновь отгородился от нее ледяной стеной отчуждения. По горькому двухлетнему опыту несчастная женщина знала, что бесполезно биться об эту стену, бесполезно пробовать достучаться до Костиного сердца. Кроме боли и страданий попытки наладить отношения ни к чему не приведут.

– Ты долго еще собираешься здесь мерзнуть?! – раздраженный голос мужа вывел Катю из задумчивости.

– Да-да! Идем!

Они долго шли молча. Казалось, напряженность, словно грозовые тучи, все больше и больше сгущалась вокруг этой странной пары, связанной узами брака и разделенной нелюбовью.

Наконец, Катя не выдержала:

– Ты еще пойдешь сегодня на работу? – надо же было хоть как-то разрядить эту гнетущую атмосферу.

– Нет! Кузьмич меня отпустил до конца дня.

– Уйдет он на пенсию или это только обещания?!

– Еще не говорил. В четверг у него юбилей – шестьдесят пять стукнет... Я буду поздно.

– Угу! – поздно он придет или рано – ровным счетом ничего не меняло: так или иначе, вечер пройдет, как обычно: каждый будет заниматься своими делами и они едва ли перебросятся десятком слов. С ним или без него, Катя будет чувствовать себя одинокой и ненужной.

– А если он все-таки уйдет, кто будет начальником цеха?

– Да откуда я знаю?! – для Кости это был "больной" вопрос. Он считался одним из трех претендентов на эту заманчивую должность. Несомненно, руководство завода при назначении нового начальника учтет советы и рекомендации Кузьмича, но кого захочет видеть тот своим преемником – одному Богу известно.

На этом разговор закончился, и они опять замолчали,

теперь уже до самого дома.

В отсутствие сына Костя чувствовал себя "не в своей тарелке". Заняться было решительно нечем, а перспектива общения с женой его нисколько не прельщала. Нельзя сказать, чтобы он совсем не любил ее. Нет, где-то в глубине души (в самых отдаленных ее глубинах) он чувствовал к Кате привязанность и даже что-то неопределенно напоминающее нежность. Но той всепоглощающей страсти, от которой перехватывало дыхание в первые месяцы и даже годы их совместной жизни, не было уже и в помине. Она не могла сохраниться после десяти лет супружества и кочевой жизни по общежитиям. Это же естественно! Но жена не понимала, не хотела этого понять и принять. Кажется, она все еще продолжает любить его, невзирая на то, что он совершил. Ее любовь и гнетущее чувство вины тяжким грузом лежат на Костином сердце вот уже два года. Но он не жалеет, что в его жизни была Ольга, нисколько не жалеет. Промелькнула сверкающим метеором и исчезла, оставив в памяти кровотокающую рану... Эх, если бы не сын...!

Костя маялся, не находя себе места: по телевизору был перерыв на всех каналах, книги, пылящиеся на полке, он давно уже перечитал, а делать что-либо по дому... Нет уж, увольте! Это – женские дела! Он не помогал жене по хозяйству не из-за своеобразного протеста, не потому, что хотел наказать ее за что-то или продемонстрировать свое "я". Нет! Костя совершенно искренне считал, что всеми этими "мелочами" должна заниматься жена, а мужчина – глава семьи, хозяин – обязан зарабатывать деньги, делать ремонт и раз в неделю исполнять обязанности носильщика, снизойдя до похода с супругой на базар. (То обстоятельство, что в последнее время деньги в дом приносила в основном Катя, он как-то упускал из вида.) К сожалению, вольно или невольно, он постепенно прививал свои взгляды Артемке, а тот, обожая отца, старался во всем походить на своего кумира. Впрочем, вряд ли можно было обвинять Костю в таком наивном эгоизме. Так его воспитали родители, это

был образ жизни семьи, четкие воспоминания детства. Он никогда не видел отца у плиты или с веником в руках. Боже упаси! Попросить мужа помочь, не говоря уже, вменить ему в обязанность что-нибудь сделать из категории "женской работы", очевидно, даже в голову не приходило Костиной матери. Она боготворила его, впрочем, отец того заслуживал – за всю жизнь она не слышала от него грубого слова, никогда не видела "в стельку" пьяным, и в деньгах семья не нуждалась. У отца были "золотые руки": он и по столярному делу мастер, и по слесарному, и телевизор починить, и кран отремонтировать... Если у кого-то что-то ломалось – сразу звали Анатолия Петровича; слесаря или электрика пока дождешься! Ну и, разумеется, – кто трешку, кто пятерку... Он никогда не назначал цену, не требовал плату за свою работу. Считал: каждый даст столько, сколько может и сколько считает нужным, все равно ведь следующий раз к нему же и обратятся – больше не к кому. Но в обиде никогда не оставался: люди денег не жалели, знали – Петрович сделает "на совесть". И мальчишек своих – Сережку и Костю – научил всему, что умел сам, и не единожды пригодились им в жизни отцовские советы. Сейчас родители постарели: не те уже у отца руки, что прежде, да и глаза видят все хуже и хуже.

Серега, отслужив в армии, семнадцать лет назад подался на север за "длинным рублем", а потом и стариков туда переманил. Живут они сейчас со старшим сыном в Мурманске, внуков нянчат. Впрочем, нянчат – неверно сказано. Костины племянники – близнецы Колька и Валерка – переросли дядю уже почти на голову, а младшая Танюшка – ровесница Артемке. Так что, гляди, лет через пять-семь нянчить придется уже правнуков. Трое детей у брата... Что ж, владелец малого предприятия, при его доходах, Сергей может позволить себе такую роскошь. А тут хоть бы одного прокормить да на ноги поставить! Костя тяжело вздохнул: что за сволочная жизнь пошла?! Родителей поехать проведать – и то нельзя. Теперь они "за границей" живут, Россия

для Украины чужим государством стала. Съездить втроем в Мурманск и обратно – Костина полугодовая зарплата, которую все никак не вы платят. Пять лет уже родителей не видел! Брат с хлопцами приезжал в прошлом году – в гостинице остановились – дома, смешно сказать, спать гостей положить некуда. Серега, конечно, ничего не сказал, только взглядом, полным сострадания, оглядел все это убожество. Костя готов был в тот момент от стыда сквозь землю провалиться. А ведь брат приехал, так сказать, в Костину квартиру. Слава Богу, он еще общаг не видел! Уезжая, Сергей незаметно оставил на полочке журнального столика пачку денег в твердой американской валюте. Сам предложить не рискнул, знал – младший брат никогда в жизни не возьмет подачку. Костя, обнаружив деньги, распахнулся, заказал с братом телефонный разговор: наговорил сгоряча черт знает чего. Полгода потом не переписывались. Ну, ничего, помирились – Сережка недавно письмо прислал. А денег тех хватило на три месяца на продукты и долги за квартиру заплатить... Будь оно проклято, такое существование!

Наконец, Косте удалось отыскать журнал столетней давности и, схватившись за него, как утопающий за соломинку, он поскорее уселся в кресло, воздвигнув между собой и Катей эту хрупкую преграду в надежде, что она спасет его от разговоров с женой. А та, явно, хотела с ним о чем-то поговорить, но, видимо, не решалась. Поэтому Костя, предчувствуя неладное, изобразил на лице глубокую заинтересованность какой-то дурацкой статьей, проклиная себя, что прямо с автовокзала не отправился на работу. Жена сидела в другом кресле с вязанием в руках, и, время от времени спицы, ударяясь одна о другую, нервно позвякивали, страшно раздражая Костю. Сейчас она начнет жаловаться, что опять нет денег, как будто он их рисует, или сетовать на то, что он мало уделяет ей внимания. И все это таким тихим жалобным голосом, что душа переворачивается, словно он один виноват во всех смертных грехах. Как ему надоело это нытье! Ну почему Ольга никогда не устраивала

сцен и ничего не требовала?! Ольга! При одном воспоминании о ней сладко замирает сердце. Удивительная женщина! Нет, Костя никогда не был ловеласом и первые семь лет вообще не изменял жене. Потом случалось иногда, в командировках, но все это было лишь минутными увлечениями – ничего серьезного. Совсем другое дело – Ольга! Они познакомились случайно, больше трех лет назад, когда Катя с Темкой уехала навестить тещу, а он, маясь вечерами от безделья и одиночества, принял приглашение приятеля и отправился к нему на день рождения. Сейчас, спустя несколько лет, Костя часто спрашивал себя: хочет ли он, чтобы вновь повторился тот вечер, теперь уже зная, чем все это закончится?! И понимал, что многое отдал бы уже за то, чтобы хоть издали увидеть Ольгу, услышать ее голос. Увы, это было невозможно!

На дне рождения не было ни одного знакомого лица, Косте быстро стало скучно и он начал уже подумывать, как бы уйти, чтобы приятель не обиделся, как вдруг звонок в дверь привлек всеобщее внимание. Хозяйка дома вышла в прихожую, через минуту там раздались женские голоса и, наконец, в комнате появилась новая гостья.

– Оленька! – радостно воскликнул виновник торжества и, раскрыв объятия, двинулся ей навстречу. – Друзья! Познакомьтесь: Ольга – моя... десятилетняя сестра!

Женщина рассмеялась и звонко чмокнула "брата" в щеку, оставив яркий след губной помады.

– С днем рождения, дорогой! Прошу простить за опоздание – я только что из Киева...

Костя никогда не верил в любовь с первого взгляда – считал это романтическими бреднями и рассказами писателей, однако, когда их взгляды случайно встретились, у него отчего-то перехватило дыхание. Что это была за женщина! Обворожительна, прекрасна, великолепна! Костя не мог подобрать эпитета, достойного ее. И дело не в том, что Ольга была исключительно красива и утонченно элегантна. Она так естественно и раскрепощено держалась, ее улыбка

была столь обаятельна, а смех искренен, что очень скоро она стала душой компании, и Костя напрочь забыл, что полчаса назад ему было здесь неуютно и скучно. Весь вечер он не сводил с нее глаз.

Приятель, подсев к нему, проследил направление этого восхищенного взгляда:

– Куда это ты так смотришь? А-а, старина, у тебя губа – не дура! – рассмеялся он. – Хочешь, познакомлю?!

– Неудобно как-то! – промямлил Костя, мысленно подпрыгивая до потолка от радости.

– Да брось ты! – беспечно отмахнулся приятель от соображений вежливости и морали и потащил друга знакомиться.

Вечер пролетел как одно мгновение. Домой Ольгу провожал Костя...

Шел дождь, и она предложила подняться к ней и выпить по чашечке кофе. Ну, какой же мужчина откажется от такого предложения?! О существовании жены Костя в этот момент как-то не думал... И был обжигающий крепкий кофе с коньяком и дорогие ароматные сигареты, и нежная тихая музыка, и непрекращающийся дождь за окном. Ну разве можно добираться через весь город по такому ливню, тем более что транспорт уже не ходит?! А рядом была потрясающая женщина и ее такие манящие, такие желанные полураскрытые влажные губы, и великолепная, взволнованно вздымающаяся от учащенного дыхания грудь, едва прикрытая шифоновой блузкой... В конечном счете, что ждет его дома – четыре стены и засохшие бутерброды?!

Их роман длился почти год... Ольга рассказала Косте, что десять лет назад ее муж умер от саркомы; они счастливо прожили вместе девять лет и, очевидно, потому что к последующим кандидатам молодая вдова предъявляла слишком уж завышенные требования, личная жизнь так и не сложилась. После смерти мужа Ольга осталась одна с восьмилетней дочерью и ей пришлось через многое пройти, чтобы вырастить ребенка. Костя был ошарашен, узнав, что

Ольгина дочь – уже студентка второго курса Киевского театрального института. Ольге едва ли можно было дать тридцать, но она, смеясь, сообщила, что ей тридцать семь, нисколько не смущаясь и не скрывая своего возраста. Он был без ума от этой женщины, их отношения все больше и больше затягивали его, все сильнее отдаляя от жены. А та молчала и то ли действительно ни о чем не догадывалась, то ли делала вид. Костя врал ей про собрания, сверхурочную работу, друзей, которым, якобы, срочно понадобилась его помощь... Врал не слишком-то умело, пытаясь любой ценой выкроить хоть пару часов, чтобы провести их с любимой. Катя продолжала упорно молчала, с ангельским терпением проглатывая эту ложь. Вскоре Костю уже перестало интересоваться, верит ли она этим сказкам...

Каково же было его удивление, когда в один прекрасный день его простушка-жена совершенно спокойно заявила:

– Костя! Больше так продолжаться не может!

– О чем ты, Катенька?! – попытался он выиграть время, чтобы прийти в себя и выдумать что-нибудь относительно правдоподобное.

– Только не пытайся врать! – сразу же пресекла эту попытку Катя. – Артист из тебя никудышный, просто тошно выслушивать такую откровенную брехню.

– Катя, я не понимаю... – Костя был сам себе противен.

– Все ты прекрасно понимаешь! Я видела твою любовницу. Да, она очень красивая! Очень! Мне до нее, конечно, далеко! Очевидно, тебе дорога эта женщина, раз уж ваши отношения продолжают столько времени. Поначалу я думала, что это – мимолетное увлечение, но все оказалось гораздо серьезнее... Подожди, не перебивай меня! Выслушай! Я слишком долго слушала тебя, теперь твоя очередь! Зачем же мучиться, Костя?! Я тебя не держу, решай сам. Раз уж ты меня больше не любишь...

– Нет, я тебя люблю...

– Не ври! – резко одернула его Катя. – Ради Бога, хоть в этом не ври! Ты меня разлюбил, Костя! Уже давно! – внезапно она расхохоталась ему в лицо. Сколько презрения было в этом смехе! – Неужели ты думаешь, я не знала о твоих "командировочных" похождениях?! Как же ты глуп в таком случае! Нет! Конечно, я не шпионила за тобой, не видела твоих пассий, и у меня нет никаких фактов... Но, Костя! Ведь все это было написано на твоём лице! Ощущалось в жестах, в словах... И знай на будущее: любящая женщина всегда чувствует, когда ей изменяют. Это идет на уровне подсознания, интуиции, но всегда – безошибочно. Всегда! Женщина может долго обманывать мужчину, но мужчина женщину – никогда! Мой тебе совет: помни об этом, если вдруг когда-нибудь тебе надоест твоя нынешняя любовь!

Костя был потрясен! Неужели она говорит правду?! Или это – только пустая бравада?! Не может быть, чтобы Катя все знала! Не может такого быть! Но как она держится, а?! Какое самообладание! Какая сила характера! И это у нее-то, у его тихой, скромной, даже какой-то "забитой" Кати! У Кати, с которой он прожил почти десять лет, которую, казалось, изучил, как свои пять пальцев, которая постоянно заглядывала ему в глаза с собачьей преданностью и, затаив дыхание, ловила каждое его слово. Как, оказывается, он плохо знал свою жену! Костя почувствовал невольное восхищение и уважение к этой хрупкой, всегда такой спокойной и кроткой женщине. Ее невозмутимая покорность в последнее время раздражала его. Возможно, он полюбил Ольгу именно потому, что та олицетворяла собой тип женщины, совершенно противоположный Катиному. За нежной чувственностью Ольги скрывалась непоколебимая воля и "железный" характер. Но она была достаточно умна и опытна, чтобы пользоваться своим оружием лишь в крайних случаях; поэтому Костя мог только догадываться, насколько опасна может быть эта, с виду совершенно безобидная красавица, если попытаться загнать ее в угол. Такие особы, оставаясь Женщиной в высшем смысле этого

слова, обладают расчетливым умом политика, изворотливостью дипломата, хваткой бизнесмена и завидным хладнокровием киллера. Обзавестись врагом в лице такой прекрасной амазонки было равносильно самоубийству. Но именно это и привлекало Костю, пресытившегося тихой, бесцветной семейной жизнью. Нечего и говорить, что ему даже в голову не приходило рискнуть подчинить себе эту "тигрицу". Но и она не пользовалась ситуацией и не стремилась поработить своего возлюбленного, прекрасно понимая, что он и без того уже у ее ног.

Костя признавал себя бесконечно виноватым перед женой, но, вместе с тем, был настолько очарован этой женщиной, что после разговора с Катей почувствовал даже что-то вроде облегчения и молча пошел собирать вещи. Единственное, что его волновало: как бы Катя (а она все еще любила его – в этом не было никаких сомнений) не натворила сгоряча каких-нибудь глупостей.

Но жена словно прочитала его мысли:

– Я вижу, ты уже принял решение? – холодно спросила она, оглядев мужа с ног до головы странным взглядом, в котором смешались презрение, любовь, боль и жалость.

– Да! – кратко ответил он, с дурацким видом переминаясь с ноги на ногу, не выпуская из рук два огромных старых чемодана.

Нужно, наверное, что-то сказать на прощание этой женщине, десять лет прожившей с ним под одной крышей и мужественно делившей все беды и невзгоды... Нужно что-то сказать матери своего сына, которую он так подло предал... Нужно хотя бы попытаться извиниться и, может быть, объяснить что-то... Но все слова, как нарочно, вылетели из головы.

Катя взяла инициативу в свои руки:

– Совесть твоя может быть спокойна: ни выбрасываться из окна, ни вешаться я не стану. Так же, как не стану, рыдая, умолять тебя остаться. Но знай: до окончания развода сына ты не увидишь! Да, вот еще что: если вдруг передума-

ешь и решишь вернуться – я приму тебя, но не обольщайся: только ради ребенка... Прощай, Костя!

Ее голос был ровным, а глаза сухими. Это потом, отправив Артемку в школу и позвонив из автомата на работу, что заболела, она будет выть, словно раненая волчица, раздирая зубами в клочья уголок подушки... но муж этого уже не увидит.

Костя поселился у Ольги. Первые две недели все шло замечательно: она просто светилась от счастья, помолодев еще лет на десять, а Костя был на седьмом небе... Но шло время, и он все сильнее скучал по сыну. Катя сумела ударить по самому больному месту! Будучи далеко не образцовым мужем, Костя, тем не менее, был прекрасным отцом. С сыном их связывала не только любовь, но и дружба, а также полное взаимопонимание. Катя знала это, как знала и то, насколько тяжело будет Косте без сына. Это он, ослепленный любовью, был не в состоянии трезво оценивать обстановку и даже не догадывался, как жестоко наказал сам себя за уход из дома. А Катя женским чутьем предугадала, какие нравственные мучения ожидают ее непутевого мужа, понимая, что рано или поздно он окажется перед выбором: сын или любовница. И тогда... Кто знает, что случится тогда! Вот потому-то Катя и запретила ему видеть сына, пока не будет оформлен официальный развод, хотя идти в суд не спешила, да и Косте, видимо, было не до того. Артемке же она не стала ничего объяснять, сказав, что папа срочно уехал в длительную командировку.

Постепенно Костина жизнь превратилась в крошечный ад. Он похудел, побледнел, стал нервным и раздражительным, в довершение ко всему, каждую ночь ему снился Темка. Он ходил кругами около школы и своего бывшего дома, чтобы хоть издали увидеть сына. Но когда это ему изредка удавалось – становилось еще хуже, а нарушить данное жене слово не позволяла гордость. Катя оказалась права: перед Костей встала неразрешимая дилемма – единственный сын, в котором он души не чаял или женщина, ко-

тору боготворил...

Ольга, безусловно, видела, что творится с ее новым мужем, да Костя и не делал из этого тайну. Разумеется, нравственные мучения любимого человека не способствовали Ольгиному счастью. Она тоже заметно осунулась, но ни разу ни в чем не упрекнула Костю, не сказала ни одного худого слова о его жене, стараясь не заводить разговоров на эту щекотливую тему.

Лишь однажды в ответ на Костин возглас: "Как она могла так поступить со мной?! Это жестоко!", ответила:

– Ты не вправе ни в чем обвинять ее, милый! Ты сам поступил с ней гораздо хуже. Увы, в этом есть и моя вина. Твоя жена лишь пытается защитить вашего ребенка от ужасной действительности. Наверное, было бы лучше, если бы ты сам поговорил с ним, прежде чем уходить из дома, попытался бы все объяснить... Ну, раз уж ты это не сделал, она сама делает это постепенно, стараясь как можно меньше травмировать психику мальчика... Она – мать, и, насколько я понимаю, очень хорошая мать! На ее месте я вела бы себя так же, если не жестче.

Костя чувствовал себя последним мерзавцем: его любили две прекрасные женщины, а он, искалечив жизнь одной, так и не смог сделать счастливой другую. Самое трудное в жизни – самому принимать решения! Костя не знал, что же ему предпринять... Иногда он готов был вернуться к жене, но как оставить Ольгу? Как сможет он прожить без нее: без этих сияющих глаз, без этих нежных губ, без восхитительных страстных ночей любви?! Никогда, ни с одной женщиной не было ему так хорошо, как с Ольгой! Ни одна не дарила ему такие чарующие ласки! Ее по-девичьи стройное, гибкое тело, словно специально создано для любви. Она была такой раскрепощенной, такой естественной, напроць лишенной ложной стыдливости, обладала такими познаниями в искусстве любви, что каждая ночь, проведенная в ее объятиях, становилась неповторимой.

Ни разу ничего подобного не испытал он со своей за-

конной женой. Возможно, потому что запретный плод – сладок?! Но, скорее всего, дело было не только в этом. Катя всегда была очень сдержана в проявлении эмоций, слишком "хорошо воспитана", словно только что вышла из стен монастыря или из института благородных девиц. Костя чувствовал себя в постели с ней скованно, ему казалось, что если он хоть однажды даст волю фантазии – это будет расценено женой как распущенность. Он был первым и единственным мужчиной в ее жизни, и сначала такая чрезмерная скромность умиляла, но время шло, а ничего не менялось. Костя готов был проклинать пуританское воспитание супруги! А когда подросток Артемка – стало и того хуже.

Костя скосил глаза на жену, вяжущую сыну свитер, и горько усмехнулся: когда, интересно, он видел ее последний раз обнаженной?! Даже и не припомнишь сразу! "Исполнение супружеских обязанностей" (а в последние два года этому "процессу" вряд ли можно было подобрать другое название) происходило исключительно под одеялом с выключенным светом и, буквально не дыша, чтобы, не дай Бог, не разбудить ребенка.

Его ухмылка не ускользнула от Кати, и она спросила не без ехидцы:

– Что, статья интересная попалась?!

– Да, интересная! – с вызовом ответил Костя, уловив ее тон.

– Ну-ну!

Тут только до него дошло, что уже довольно продолжительное время он сидит, тупо уставившись на одну и ту же страницу и, при этом, держит журнал вверх ногами. "Да наплевать! – подумал Костя, резко приводя злополучный журнал в надлежащее положение и яростно перелистнув несколько страниц. – Что я, должен ей еще и о мыслях своих отчитываться?! Пусть думает обо мне, что хочет! ...Ах, Ольга, Оленька, как же мне тебя не хватает!"

Четыре месяца прожили они с Ольгой. Четыре месяца, чувствуя, что сходит с ума от тоски по сыну, не мог Костя ни на что решиться. Ольга поддерживала его, как могла, даже предложила завести общего ребенка. Но Костя пришел в ужас, как только представил себе эти кошмарные бессонные ночи, наполненные непрерывным криком младенца, эти повсюду развешенные пеленки... Представил женщину, красотой которой не уставал восхищаться, подурневшей, с огромным животом, с отвратительными пигментными пятнами на лице... нет! Только не это! И потом, о каком ребенке может идти речь, когда через год-два Ольга уже станет бабушкой?! Зачем ему этот ребенок?! Ему нужен – его сын! Его Артемка!

В тот день Ольга была особенно нежной и ласковой, только временами прекрасные серые глаза заволакивались грустью, да рассеянно блуждала по губам печальная улыбка. Но Костя, всецело поглощенный своими переживаниями, не замечал этих тонкостей.

А ночью эта потрясающая женщина превзошла сама себя. Даже сейчас, при воспоминаниях о той сладострастной, безумной, незабываемой ночи, огонь пробегает по жилам и замирает сердце... Если бы Костя мог тогда знать, что больше никогда уже не увидит Ольгу!

В ту ночь ей удалось заставить его, опьяненного любовью, забыть обо всем на свете. Утомленный, он уснул, когда уже начинало светать, сжимая ее в своих объятиях. А когда проснулся, вместо Ольги на постели лежало письмо... И вновь, словно наяву, всплыли перед глазами строки, написанные стремительным и, вместе с тем, красивым Ольгиным почерком.

"Костя! Милый мой! Сейчас, когда ты читаешь эти строки, я уже далеко. Прости меня, любимый! Это было очень жестокое, но единственно правильное решение. Ты оказался не только превосходным любовником, но и хорошим отцом. Я прекрасно понимаю, как трудно было тебе сделать выбор между мной и сыном. Не обвиняй себя в бес-

характерности и трусости – это не так, милый! Но я не могла допустить, чтобы твоя жизнь стала сплошным кошмаром, поэтому решение приняла я. Мы никогда больше не увидимся, Костя! Эту квартиру вместе со всей мебелью я продала. Ты можешь пожить в ней еще неделю, а потом – возвращаясь к жене и сыну. Твое место – там! Не пытайся разыскать меня – это бесполезная трата времени и сил – я никому не сказала, куда уезжаю. Поверь, родной мой, так будет лучше! Я навсегда сохраню о тебе самые светлые и прекрасные воспоминания. Ты – первый мужчина после смерти Игоря, за которого я, не раздумывая, вышла бы замуж. Впервые за десять лет я полюбила... Но, видимо, – не судьба! Я не хочу, чтобы ты держал на меня зло за то, что я не поговорила с тобой, а оставила это письмо. Я боялась не выдержать, боялась, что твои уговоры и ласки заставят меня изменить решение. Поверь – причина лишь в этом.

Не говорю тебе: постарайся меня забыть. Знаю – это невозможно, да я, честно говоря, и не хочу, чтобы ты так легко вычеркнул из памяти нашу любовь. Скажу лишь одно: постарайся быть если не счастливым, то хотя бы спокойным. И знай, что принесенная тобой жертва не напрасна. Что может быть дороже уважения собственного сына?!

Обо мне не беспокойся, все будет в порядке, ты же знаешь, я – сильная...

Прощай, любимый! Год, проведенный с тобой, был самым лучшим в моей жизни. Прости меня!

Ольга"

Костя тяжело вздохнул и на мгновение прикрыл глаза, пытаясь воссоздать в памяти Ольгины черты.

Катя подняла голову от вязания и посмотрела на мужа. О чем он думает, ведь, явно же, не читает?! Судя по выражению лица – об этой женщине. Катя ощутила, как в глубине души мерзким ледяным комочком шевельнулась старая обида, а, может быть, и ревность. Не может муж забыть свою любовницу! Вспомнила, какой он был жалкий, словно

побитый пес, стоя под дверью с теми же двумя чемоданами, с которыми уходил за новым счастьем. Что тогда творилось в ее душе! Какие только чувства там ни бушевали! Впрочем, она с самого начала предполагала, что Костя вернется... На мгновение мучительно захотелось захлопнуть дверь перед его носом, крикнуть что-нибудь обидное, унизить, попытавшись хоть как-то отомстить за все страдания.

Но в этот момент из комнаты вылетел Темка и с восторженным криком повис у отца на шее:

– Папа! Папа! Наконец-то ты приехал! Какая долгая была командировка! Я так соскучился!

Костя стоял ошеломленный, крепко прижимая к груди сына и не отрывая взгляда от глаз жены. Какая мука была в этом взгляде!

– Спасибо! – прошептал он одними губами.

Тогда, два года назад, принимая его обратно, измученного угрызениями совести, разбитого, несчастного, Катя сказала:

– Давай считать, что ничего не случилось. Все будет по-прежнему!

Увы, "по-прежнему" не получилось! Она так и не смогла простить его, и Костя это чувствовал, и все больше и больше отдалялся от жены. Он считал, что Катя презирает его, и не понимал, как можно любить и презирать одновременно. Сам он жил лишь любовью к сыну и воспоминаниями об Ольге. Все другие женщины для него просто перестали существовать, и поэтому последние два года жене он не изменял.

Кате неприятно было видеть эту легкую и такую нежную улыбку, блуждающую на губах погруженного в воспоминания мужа. Ее такой улыбкой он не одаривает!

– Костя!

– Что?! – он тотчас же очнулся и поскорее схватился за журнал.

– Я хочу поговорить с тобой.

Костя внутренне содрогнулся: ну вот, начинается!

Какого черта он не пошел на работу?!

– Костя?! Ты меня слышишь?! – не унималась Катя.

– Угу! – промычал он, отчаянно желая, чтобы вместо журнала их сейчас разделяла бетонная стена. – Говори! Говори! Я тебя внимательно слушаю!

Катя решила: момент был неподходящий, но с Костей "подходящих" моментов последнее время просто не бывает:

– Давай заведем еще одного ребенка!

Из-за обложки мгновенно появилось изумленное лицо мужа:

– Что-о-о?! О чем это ты?! – казалось, до его сознания не вполне дошел смысл сказанного Катей.

– Я хочу ребенка! – повторила она тихо, но твердо. – Может быть, это улучшит наши отношения...

– Катя! Ты что... беременна?!

Вопрос был задан таким тоном, что Катя, еще не сознавая, что она делает, поспешно ответила:

– Нет-нет! Что ты?! Это я так... теоретически.

Муж облегченно вздохнул:

– А! Фу! Ну, слава тебе, Господи! А то я уж подумал, что ты совсем с ума сошла.

– Ну почему, Костя?! – чуть не плача воскликнула Катя.

– Катенька! Ну что ты, в самом деле?! Ты только подумай: все эти пеленки-распашонки, эти вопли, бессонные ночи... зачем тебе это надо?! Мы же уже говорили на эту тему.

– Странно! Я думала – ты любишь детей...

– Я не люблю детей, Катя! Я люблю, конкретно, Темку! И не хочу делить эту любовь надвое! И потом, о каком ребенке может идти речь?! Ты забыла, что у тебя с сердцем?! Забыла, как тебя буквально вытащили с того света, когда ты рожала Артема?! Тебе не терпится поскорее отправиться?!

– Ну, может быть, на этот раз все обойдется?! – неуве-

ренно протянула Катя.

– Я не хочу тебя потерять, Катя! – сказал Костя тихо, старательно отводя взгляд.

У нее комок подкатил к горлу, она сглотнула и так же тихо спросила:

– Ты говоришь правду?

– Да! – выдохнул муж. – Но давай больше об этом не будем.

– Мне так хочется иметь малышку...

Он поднялся с кресла, подошел к ней сзади и положил руки на плечи:

– Катюша! Ты хоть подумала, как мы будем жить, а?! Тут же даже детскую кроватку поставить негде. А деньги... Ты у себя в институте хоть изредка живую копейку имеешь, а если уйдешь в декрет, что тогда?! Ну, устройсь я где-нибудь ночным сторожем или дворником по совместительству, так на эти крохи вчетвером, разве что с голоду не умрем... да и то – весьма сомнительно. А переезжать жить к твоей маме в этот, так называемый, город, где стоят все – аж полтора! – предприятия и даже транспорт не ходит или идти на поклон к моему брату – нет уж, увольте! Лучше повеситься! Одна надежда, что я стану начальником цеха, вот тогда у нас, возможно, хотя бы квартира нормальная появится. А пока... – он тяжело вздохнул и устало продолжил, ласково поглаживая ее по плечу. – Пойми, Катенька, при теперешней жизни второй ребенок для нас – непозволительная роскошь.

– Непозволительная роскошь... – словно эхо, с горечью прошептала Катя, стараясь сдержать слезы и сознавая, что на этот раз муж, к сожалению, прав, и все кончено.

VII

Крепко держа подругу за руку, словно опасаясь как бы та не передумала, Маша решительно постучала в дверь с надписью "Заведующий отделением".

– Войдите! – раздался в ответ приятный бас.

Маша судорожно вздохнула и устремила в кабинет, увлекая за собой Катю.

За внушительным столом сидел худощавый высокий мужчина лет тридцати семи в белом халате; не красавец, но довольно приятной наружности с небольшой окладистой бородкой и аккуратно подстриженными темно-каштановыми волосами. Изящные очки в тонкой позолоченной оправе придавали его лицу интеллигентный вид, а длинные холеные пальцы могли бы принадлежать пианисту или хирургу.

– Слушаю вас! – произнес он, не поднимая головы, внимательно изучая какой-то документ.

– Здравствуй, Дима! – сказала Маша внезапно охрипшим голосом.

Он вздрогнул и резко поднял голову, на лице отразилось крайнее изумление:

– Маша?! Ты?! Неужели чудеса все еще случаются?!

– Нет, Дима, чудес не бывает. Кому, как не тебе это знать?! – Маша быстро овладела собой и теперь вела беседу в своем обычном слегка насмешливом тоне, чего не скажешь о ее собеседнике – вид у него был весьма растерянный. – Помнится, ты когда-то говорил, что если мне понадобится твоя помощь, я могу обратиться к тебе в любое

время дня и ночи.

– У тебя что-то случилось?! – в его голосе появилось беспокойство.

– Нет! Со мной все в порядке! Моей подруге нужна консультация хорошего гинеколога, а ты – один из самых лучших в городе.

– Ты мне льстишь, Маша! К тому же, я не гинеколог, а, скорее, хирург, специализирующийся в этом направлении... Но я всегда рад помочь тебе... и твоей подруге... особенно учитывая, что мы с тобой уже очень давно не виделись.

– Отлично! Знакомьтесь! Твою пациентку зовут Катя... Катюша, перед тобой – Дмитрий Викторович Королев – действительно один из самых лучших специалистов в городе, невзирая на его скромность; заведующий гинекологическим отделением областной больницы и, – тут Маша выдержала эффектную паузу, – мой бывший муж!

Катя была шокирована: никто в институте не знал, что Маша была замужем, да, к тому же, носит фамилию мужа.

По окончании осмотра, который проходил в смежной комнате и занял довольно продолжительное время, Дмитрий Викторович и Катя вернулись к Маше, которая не знала, куда себя деть от тревоги за подругу.

– Ну что я могу вам сказать, Катя, – врач жестом пригласил ее присесть, – показания УЗИ подтвердили мои предположения: вы беременны, в этом не может быть сомнений.

Несмотря на то, что Катя шла сюда, будучи почти уверенной, что именно это она и услышит, все же известие застало ее врасплох.

– Господи! Что же мне теперь делать?! – вырвалось у нее.

– Не знаю! – сухо ответил Дмитрий Викторович. – Вам решать!

– Как это – что делать?! – воскликнула Маша. – Рожать, конечно!

- Сколько у вас детей? – поинтересовался доктор.
- Сын, одиннадцать лет.
- А вам сколько, простите за любопытство?
- Тридцать один.
- Прекрасный возраст – самое время завести второго ребенка! – улыбнулся он. – С моей стороны – никаких противопоказаний. Можете рожать на здоровье!
- Ты сказала о своих обмороках? – спросила Маша.
- Нет еще.
- Ну, ты даешь! Зачем ты сюда, в таком случае, пришла?! Дима, эта особа пару дней назад на работе потеряла сознание и в последнее время она очень неважно выглядит.
- Расскажите мне о своем самочувствии, – мягко сказал врач, поправляя очки.
- Да Маша уже, вроде бы, все сказала, – неуверенно протянула Катя.
- Все с вами ясно! – вздохнул Дмитрий. – Давайте сделаем так: я буду задавать вопросы, а вы отвечайте, хорошо?
- Катя кивнула.
- Вам становится плохо только в определенное время суток, например, утром, или это можно ждать в любую минуту?
- Нет, это не зависит от времени.
- Тошнота, рвота?
- Да.
- Сколько раз в день у вас бывают эти обмороки и как долго они продолжаются?
- Вчера мы не могли привести ее в чувство минут десять! – встала Маша.
- Однако, – пробормотал врач, – это довольно серьезно. Токсикоз токсикозом, но это уже слишком. Похоже, что у вас довольно сильно понижен гемоглобин. В глазах темнеет периодически?
- Да, бывает.
- Я выпишу вам направление на анализ крови... – он

достал бланк. – Что у нас сегодня? Четверг? Так, завтра сдадите анализы, а в понедельник подойдете ко мне. Не пугайтесь! Это не смертельно! – на его лице возникла профессиональная улыбка врача, успокаивающего нервного пациента. – Сейчас появилось много новых, достаточно эффективных лекарств для лечения малокровия. Гемоглобин мы вам поднимем. На малыше это никак не отразится! Поверьте, это не повод делать аборт, но если вы все-таки решите по-другому, то думайте быстрее – у вас срок уже десять недель. Дней через пятнадцать я не рискну брать на себя такую ответственность. Аборт сам по себе – явление крайне нежелательное, а при таком сроке – категорически недопустимое!

Но Катя уже не слушала его. Сообщение о сроке беременности было равносильно нокауту, и несчастная женщина некоторое время не могла опомниться.

– Но как же так?! – наконец выдавила она из себя. – Ведь у меня совсем недавно были месячные! Я вообще не понимаю, как это получилось! Я же предохраняюсь – принимаю таблетки!

– Ну-ну! Не стоит так волноваться! Это случается иногда, довольно редко, но бывает. Не стану забивать вам голову латинскими терминами, но в народе говорят, что месячные идут "поверх". У некоторых женщин это продолжается все девять месяцев беременности... Кроме того, ни одно из современных контрацептивных средств не дает стопроцентной гарантии. Увы! И потом, будьте со мной до конца откровенной: не получилось ли так, что в один прекрасный вечер вы просто забыли принять таблетку?

– Да! – обреченно кивнула Катя. – Кажется, да! Один или даже два раза...

– К сожалению, этого вполне достаточно!

Катя нервно сплетала и расплетала пальцы, повторяя шепотом:

– Боже мой! Боже мой! Как же так?!

– Не надо так нервничать! – он успокаивающим жес-

том положил ладонь на ее руку. – Ничего страшного не произошло...

Внезапно пальцы его сомкнулись вокруг ее запястья там, где бился пульс. Выражение лица стало серьезным. Не отпуская ее руки, врач посмотрел на секундную стрелку часов.

– Что у вас с сердцем?! – голос звучал резко. – Я вас спрашиваю, что у вас с сердцем?! Вы были у кардиолога?

– Да, – виновато вздохнула Катя, – у меня небольшой порок...

– Так какого же, извините, черта вы молчали?! ...Простите! Но вы, очевидно, не осознаете всей серьезности ситуации, иначе я просто не могу найти оправдание вашей беспечности по отношению к своему здоровью! Я, конечно, не специалист в данном вопросе, но могу вам сказать одно: при нормальной работе сердца такого пульса не бывает!

– Что же теперь делать? – испуганно спросила Маша.

– Прежде всего, не паниковать! – Дмитрий задумчиво потер указательным пальцем левую сторону носа (Маша невольно улыбнулась – как хорошо ей был знаком этот жест, обязательно предшествующий принятию важного решения) и снял телефонную трубку.

– Аркадий Соломонович?! Это Королев. Будьте так любезны, не откажите в консультации! У меня тут сидит одна очаровательная девушка в положении... Да-да! Моя знакомая, – он рассмеялся. – Нет! Совсем не то, что вы думаете... Подруга моей первой жены. Это существенно меняет дело?! Спасибо, польщен! Так вот, Аркадий Соломонович, с моей стороны противопоказаний для родов никаких, но ее сердце мне решительно не нравится. Вы у нас – специалист по "сердечным делам"... Да... Да... Когда? Хорошо! Заранее благодарен вам от всего сердца! – он положил трубку на рычаг и почти весело подмигнул Кате и Маше. – Порядок!! Пойдемте со мной!

Втроем они поднялись по лестнице этажом выше. Надпись над входом гласила: "Отделение кардиологии". На

двери, в которую Дмитрий Викторович вежливо постучал, висела табличка "Заведующий кардиологическим отделением Берман А.С.". Катя слышала эту фамилию. Берман был известнейшим не только в городе, но и далеко за его пределами кардиохирургом. Он славился своим импульсивным характером, чудачествами и тем, что вытаскивал с того света, казалось бы, обреченных "сердечников", когда другие врачи лишь беспомощно разводили руками. Однако, "простым смертным" попасть к нему на прием было практически не возможно. Катя не могла поверить в такое везение: вот сейчас-то, наконец, и выяснится, что там такое у нее в сердце...

– Войдите, голубчик! – донеслось из-за двери.

Берман оказался маленьким сухоньким старичком с пегой козлиной бородкой, обширной лысиной, стыдливо прикрытой зачесанными набок редкими прядями, и огромным крючковатым носом. На первый взгляд ему можно было дать лет семьдесят, но живые угольно-черные глазки блестели молодо и задорно, да и голос был, не по возрасту, бодр и громогласен. Катя представляла себе его совсем другим. Трудно поверить, что этот щедедушный человечек способен был, держа пари, просидеть в финской сауне чуть ли не полчаса; делая по несколько сложнейших операций в день, проводить за хирургическим столом по двенадцать-пятнадцать часов и устроить грандиозный скандал меру города, когда тот отказался выделить больнице необходимые средства. О Бермане ходили легенды...

– Здравствуйте-здоровствуйте! – радостно воскликнул он, стремительно вскакивая из-за стола и подбегая к вошедшим. – Безумно рад вас видеть, голубчики! Присаживайтесь, пожалуйста! Чувствуйте себя как дома! – он смешно картавил, произнося нечто среднее между "р" и "г".

Похлопав коллегу по плечу (куда он, разумеется, не достал, поэтому будет точнее – по руке чуть выше локтя), Аркадий Соломонович галантно поцеловал ручки обеим дамам.

– У вас прекрасный здоровый вид, душечка, – обратился он к Маше, – с вашим сердечком все в полном порядке, по крайней мере, с точки зрения кардиологии, за раны от стрел Амура медицина не отвечает... Вот у кого пошаливает сердечко! – повернулся он к Кате. – Эти темные круги под вашими прекрасными глазками все мне рассказали.

У Бермана они провели больше двух часов. Кате сделали электрокардиограмму, фонограмму, рентген и УЗИ сердца, взяли несколько анализов крови... Она лишь с ужасом прикидывала, во сколько бы ей все это обошлось, если бы ни Маша и ее экс-муж.

Аркадий Соломонович с проворством двадцатилетнего юноши бегал из кабинета в кабинет, повсюду поднимая невероятный переполох, но неизменно добивался мгновенных результатов. Весь медперсонал отделения выполнял его приказы беспрекословно и, казалось, с охотой, отвечая улыбками на всех этих "голубчиков" и "голубушек", которых Берман, не скупясь, раздавал направо и налево.

Наконец, обследование было закончено, и Аркадий Соломонович с видом Дельфийского оракула уселся напротив Кати, с нетерпением ожидающей своего приговора.

– Ну что я вам, матушка-голубушка, должен сказать... сердце у вас – ни к черту! Как это вы, дорогуша, такая молодая, умудрились довести себя до такого состояния, а?! Чего тут только нет, – изрек он, потрясая результатами анализов, – и порок митрального клапана, и изменения аорты на входе в предсердие, и тахикардия, и аритмия, и нейроциркуляторная дистония, за гемоглобин я вообще молчу... Мне продолжать?! Как можно так халатно, так безнравственно относиться к своему здоровью?! Это же уму непостижимо! Но не стоит падать духом! Все или почти все можно исправить! Ничего нельзя сделать, только когда человек уже лежит в гробу! А пока пациент жив – ни он, ни, тем паче, врач не должны сдаваться!

Он помолчал некоторое время, потом переглянулся с Дмитрием Викторовичем и спросил:

– Голубушка! Так ли вам необходим этот ребенок? У вас еще есть дети?

– Есть.

– Честно говоря, я бы не советовал вам рожать. Слишком большой риск. Я даже не могу сейчас точно сказать, как поведет себя ваше сердце на протяжении всей беременности. Справится ли оно с такой колоссальной нагрузкой?! И как это отразится на ребенке. Все эти заболевания не передаются по наследству, но я не могу дать гарантии, что малыш родится здоровым... Простите меня за бестактность, но как у вас обстоят дела с финансовым вопросом?

Катя густо покраснела.

– Понятно! – сокрушенно покачал головой старый доктор. – Можете не отвечать! Я спросил не из праздного любопытства – дело в том, что если вы решите сохранить беременность, вам придется все девять месяцев провести в больнице под непрерывным наблюдением специалистов. А это, матушка моя, по нынешним временам обойдется вам дороже, чем операция на сердце средней сложности... Приходите ко мне в понедельник – начнем лечиться. Денег я с вас не возьму, не волнуйтесь. Однако предупреждаю сразу – лекарства, которые вам потребуются, стоят дорого. Тут уж я помочь ничем не могу! Попробуем обойтись без операции... хотя. А беременность все же прервите, послушайте старика, иначе для вас эта история может закончиться весьма печально! Приходите в понедельник, я всегда рад, когда меня навешают молодые очаровательные дамы! И не вешайте нос! Как говорят сейчас новые русские – все будет о'кей!.. Димочка, голубчик, задержитесь на минуточку, я хочу с вами переговорить.

– Подождите в моем кабинете, – сказал Дмитрий, протягивая Маше ключ. Вид у него был обеспокоенный.

... Они сидели в просторном кабинете Королева и молчали, не глядя друг на друга. Наконец Маша не выдержала:

– Что ты теперь думаешь делать?!

– Не знаю! – вздохнула Катя.

– Катюха! Да не расстраивайся ты так! Может быть, все еще образуется...

– Да что там образуется, Маша?! Я ведь, когда Темку рожала – чуть не отправилась на тот свет, и беременность очень тяжело проходила... А ведь тогда я была на одиннадцать лет моложе и из всего, перечисленного Берманом, у меня был только порок! Сегодня я узнала о себе много нового! – Катя горько усмехнулась. – Спасибо тебе, Машенька, если бы не ты и не твой..., – она запнулась, – если бы не Дмитрий Викторович...

– Ой, только не начинай, пожалуйста! – отмахнулась Маша. – Скажи-ка мне, лучше: ты с мужем говорила?

– Да так, в общих чертах. Сказать, что я беременная – не рискнула. Просто, уже в который раз, завела разговор о ребенке...

– Ну, а он что?!

– Он сказал, что ребенок в нашем положении – непозволительная роскошь и привел целую кучу великолепно аргументированных доводов.

– Во, паразит! – восхитилась Маша. – Где ты себе откопала такой экземпляр?! Говорю же: бросай его к чертовой матери и выходи замуж за Андрея. У того денег хватит на любую "непозволительную роскошь" и чтобы поправить твоё здоровье – тоже.

– Я не продаюсь.

– Не дури! Ты же прекрасно понимаешь, что я имела в виду не это.

– Маша! Ты только подумай: этому мальчику было всего лишь двенадцать, когда я уже родила сына. Да, он влюблен в меня – не отрицаю; да, он богатый, красивый, умный – этого не отнять; возможно, первое время я действительно буду безумно счастлива с ним... а что потом?

– И что же потом?!

– Лет через пять-семь, когда мы будем идти вместе по улице, все будут думать, что я – его мать, или, в крайнем случае, престарелая тетюшка. Я ему надоем и он меня, по-

просту, вышвырнет. Неужели ты этого не понимаешь?! И ради двух-трех лет призрачного счастья лишать Артемку отца? Жертва того не стоит, и давай больше не будем возвращаться к этому разговору.

Маша только собиралась возразить, как открылась дверь, и вошел хозяин кабинета. Вид у него был довольно хмурый.

– Что сказал Берман? – спросили Катя с Машей в один голос.

– А почему вы решили, что мы с ним разговаривали о Кате?! – недовольно ответил Дмитрий Викторович, – Катя я прощаюсь с вами до понедельника, независимо от того, какое решение вы примите. Я – противник аборт, но в вашем положение – это, как оказалось, единственный выход, учитывая результаты кардиологического обследования... Маша, могу я поговорить с тобой несколько минут?

Поблагодарив Королева и попрощавшись, Катя вышла в коридор и хотела уже спуститься в вестибюль и подождать подружку там, как вдруг услышала, что разговор за дверью идет о ней.

– Ну, Маша, нечего сказать, удружила! – бас Дмитрия Викторовича тонкая дверь заглушить не могла.

– От тебя требуется всего лишь сделать ей аборт. Но если не хочешь, можешь отказаться – мы найдем другого врача.

– Нет уж! Я доведу это дело до конца, со мной у нее, по крайней мере, есть шанс...

– Я тебя не понимаю!

– Не понимаешь, потому что не знаешь, что сказал мне Берман.

– Ага! Значит, он тебе все-таки что-то сказал?!

– Да, Маша! Он сказал, что у твоей подружки, по сути, не один, а два порока митрального клапана: неприкрытие (очевидно, это следствие первых родов) и... как бы тебе это объяснить, не вдаваясь в терминологию... в общем, у нее в митральном клапане дырка, такой порок может быть только

врожденным.

– И что это значит?

– Это значит, что ей нужна операция по замене митрального клапана и, возможно, части аорты. Ни о каком ребенке не может быть и речи. Поэтому, уговори ее сделать аборт. Это звучит чудовищно, но другого выхода нет, иначе ребенок, которому она собирается дать жизнь, убьет свою мать, даже не успев родиться. Девяносто процентов из ста, что так и будет. Самое смешное, что она могла бы дожить со своим сердцем если не до глубокой старости, то до весьма преклонного возраста, когда бы не эта злополучная беременность, которая дала толчок всем дремавшим болезням.

– Боже мой! – вздохнула Маша.

– Но даже это еще не все!

– Как, еще что-то?!

– Берман сказал, что она может умереть во время аборта. Пятьдесят на пятьдесят.

– Но почему?!

– Наркоз! Сердце может не выдержать.

– А если без наркоза?

– Да, Берман тоже предложил этот вариант, но я не уверен, что боль и страх нанесут меньший вред. Риск огромен! Если честно, то при таких условиях проводить операции мне еще не приходилось. Берман даст своего анестезиолога, обещал сам присутствовать, если сможет, но... Теперь понимаешь, что ты мне подсунула?! Только, Бога ради, не вздумай передать ей наш разговор!

Когда Маша спустилась в вестибюль, Катя совершенно спокойно сидела на стуле, ожидая подругу. Только по нервно сплетенным пальцам, да по ужасающей бледности можно было определить, как она взволнована. Маша подозрительно посмотрела на подругу: слышала ли она, что сказал Дима? Нет, вроде бы непохоже.

Катя не уловила весь разговор, однако, услышанного было вполне достаточно. Странно, но она не чувствовала страха, скорее, удивление: неужели ей осталось жить всего

три дня?! Неужели ребенок, которого она так хотела, убьет ее?! Как странно, как несправедливо! Корольев сказал: пятьдесят на пятьдесят. Ну что ж, какой-то шанс у нее все-таки есть, тем более что на операции будут два первоклассных врача и опытный анестезиолог. Хоть в этом ей повезло!

Маша заметила, что подруга ее не видит, занятая своими мыслями.

– Катя! Катя! – окликнула она ее, изо всех сил стараясь казаться веселой. – Знаешь что, давай зайдём в какой-нибудь барчик, выпьем по чашечке кофе. Он там такой "крепкий", что, думаю, твоему сердцу несколько не повредит. Пойдем, Катюха! Помни, что тебе сказал Берман: не надо вешать нос, все будет о'кей!

VIII

В маленьком полутемном кафе почти не было людей. В углу за барной стойкой скучала эффектная девица в униформе, постукивая по прилавку длиннющими ногтями, покрытыми черным лаком. Увидев новых посетителей, она несколько не оживилась.

Подруги заказали кофе и сели за дальний столик у окна.

На улице уже смеркалось, там падали, срываясь с низкого пасмурного неба, редкие снежинки, лениво кружа в морозном воздухе. А здесь было тепло и уютно. Играла тихая музыка – что-то старое, полузабытое и нежное времен

восьмидесятых, сладко волнующее душу и вызывающее легкую ностальгию по безвозвратно ушедшей юности. Почему-то появилось ощущение, что все проблемы остались там, за дверью этого островка спасения и покоя. Словно и не она, Катя, всего пятнадцать минут назад стояла перед лицом безжалостной действительности, словно не она слышала суровый приговор врачей. Но не было страха, не было отчаяния и обреченности... Ничего не было – ни мыслей, ни чувств. Какое-то полное отупение и безразличие.

Маша, закурив, с наслаждением затянулась дымом и, откинувшись на спинку стула, прикрыла глаза. Напряжение, в котором она пребывала несколько последних часов, медленно сходило с лица.

– Дай мне сигарету, – неожиданно попросила Катя.

Янтарные глаза удивленно округлились:

– Ты же никогда не курила?!

– А вот сейчас закурю.

– Не дури, Катька! Зачем тебе это?! – но сигарету все же дала, а на языке так и вертелся вопрос: слышала ли Катя, что сказал Дима? Но спросить не решилась.

Катя неумело прикурила, закашлялась:

– Фу, какая гадость! – нервно рассмеявшись, смяла сигарету в пепельнице.

Маша внимательно наблюдала за подругой сквозь ажурную пелену дыма.

– Катя! Не терзай ты себя! Ну, не Судьба, значит, этому ребенку появиться на свет. Ты в этом не виновата! Подлечишь сердце, а через пару лет видно будет... Ты ведь еще молодая. Вон, на Западе, в сорок с лишним рожают и ничего! Раз сам Берман обещал тобой заняться – будешь, как новенькая! – Маша сделала несколько затяжек, то ли просто докуривая, то ли подбирая слова. – И за аборт не волнуйся – Дима первоклассный хирург, а операция пустяковая...

Катя одарила подругу странным взглядом, но тотчас же опустила глаза.

– Ты никогда не говорила, что была замужем...

Маша горько усмехнулась, гася сигарету:

– Я старалась об этом забыть. К сожалению, безуспешно.

– Маша, если тебе неприятен этот разговор...

– Катя! – перебила ее подруга. – Если я отважилась встретиться со своим бывшим мужем теперь – впервые через пять лет после развода – то что может значить разговор?! Я слишком долго носила на сердце этот камень, пора уже, наверное, попытаться если не сбросить, то хотя бы поговорить об этом. Почему бы не сейчас?! У тебя есть время?

– Да.

Действительно ли Маша хотела облегчить душу, поделившись с подругой сокровенным, или решила, что сейчас нельзя оставлять ее наедине со своими, отнюдь не веселыми, мыслями, – Катя не могла определить. Но она жадно ухватила за возможность выслушать эту неожиданную исповедь, ибо ничто так не помогает хотя бы на время забыть о своих неприятностях, как рассказ о чужих бедах.

– Начать надо, наверное, не с развода, – сказала Маша, вновь закуривая, – и даже не со свадьбы... причина всех моих неприятностей появилась гораздо раньше... В детстве у меня была нормальная, вполне благополучная семья. Родители хорошо зарабатывали; старшая сестра, к тому времени выйдя замуж, переехала жить в Киев, а я не доставляла маме с папой особых хлопот. В отличницы я никогда не лезла, но училась довольно неплохо, занималась балетными танцами, закончила музыкалку... В общем, обычный среднестатистический ребенок.

– Но вот, в девятом классе у нас появился новенький. Сейчас-то я понимаю, что ничего такого особенного, кроме смазливой внешности, в нем не было. Но тогда! О, тогда мне казалось, что это – единственная и неповторимая любовь. Одна на всю жизнь! Все мы, наверное, так думаем в шестнадцать лет и воображаем себя Джульеттой. Это уже потом оказывается, что никакой любви не было и впомяне, а была, разве что, влюбленность, да и то – весьма сомни-

тельно. Но в шестнадцать лет все видится только в двух цветах: либо в розовом, либо в черном. И никаких полутонов!

– Ромка тоже проявлял ко мне интерес и, в конце концов, мы стали встречаться... Кино, дискотеки, нежные объятия, страстные поцелуи лунными ночами (точнее – поздними вечерами, поскольку в двадцать три ноль-ноль я должна была быть дома), нашептывание на ухо разных романтических бредней, дурацкие клятвы и прочая подобная ерунда... Его родители искали какие-то полезные ископаемые где-то в Африке, он жил с бабушкой, и ни она, ни мой отец с матерью не возражали против этой "дружбы", даже не догадываясь, насколько далеко зашли наши отношения. А мы, опьяненные новизной ощущений, не слишком-то мучались угрызениями совести.

– Надо отдать должное, Ромка был неплохим парнем: добрым, веселым, щедрым... Он никогда не был занудой, выполнял все мои прихоти. Подруги мне завидовали: еще бы – такого красавца отхватила! А я была горда и счастлива, и жизнь казалась мне чудесной сказкой до тех пор, пока... пока не оказалось, что я беременна.

– Какой ужас! – вырвалось у Кати.

– Во-во! Действительно – ужас! Это произошло в самом начале десятого класса. Если бы ты только знала, что творилось, когда я обрушила на головы родителей это "радостное известие".

– Могу себе представить.

– Нет! Вряд ли можешь, – усмехнулась Маша. – Собрали "семейный совет", на который приехала даже Таня из Киева. Мать, отец, сестра и Ромкина бабка сидели за столом, а мы, как преступники в зале суда, стояли напротив. Позеленевший жених с дрожащими губами и трясущимися руками, повторял, словно заезженная пластинка: "Вы не беспокойтесь, я на ней женюсь..." А самому-то тоже еще семнадцати нет!

– Приговор был почти единодушен: аборт и немед-

ленно, пока никто ничего не узнал! Возразить решила только Таня. "Мама! Прошу тебя, подумай, – сказала она тогда, – у Машки после этого может не быть детей. Не калечь девочке жизнь!". "Она себе ее сама искалечила, – орала мать. – Это ты подумай – как мы с отцом людям в глаза смотреть будем?! Позор-то какой!". Отец молчал, но это зловещее молчание было красноречивее слов: он, безусловно, поддерживал мать. Ромкина бабка причитала, как заведенная: "Господи, господи, что же теперь делать?! Горе-то какое!", а "жених" был, вообще, в каком-то шоковом состоянии. Я же, обалдевшая от слез и упреков, измученная тошнотой и безысходностью, с трудом соображающая, не имела сил ни бороться, ни думать о последствиях. Для меня в тот момент важно было только одно – чтобы весь этот кошмар поскорее закончился.

– Таня так, чтобы не слышала мать, спросила: "Ты любишь его?". Я, захлебываясь рыданиями, смогла только кивнуть в ответ. "Тогда решайся! Поехали, будешь жить с нами – Шурик не станет возражать, – родишь ребеночка, закончишь вечернюю школу, а через год Ромка приедет и вы поженитесь. Ну же, сестричка!". Но у меня не хватило духа воспользоваться предложением сестры, тем более что этот шаг означал бы полный разрыв с родителями. Сколько раз потом я проклинала себя за трусость! Ведь если бы я родила этого ребенка, моя жизнь сложилась бы по-другому. Но... – Маша тяжело вздохнула и потянулась за очередной сигаретой.

– Зачем ты так много куришь?! – мягко спросила Катя.

– А! – прикуривая, Маша безнадежно махнула рукой.
– Какое это теперь имеет значение?! Моя жизнь никому не нужна, и даже для меня самой не представляет никакой ценности. Так что – годом раньше, годом позже... Слушай дальше. Мать нашла врача, и все проблемы были решены. В больнице сказали сразу: "Первый аборт – весьма нежелателен, в восьмидесяти случаях из ста это грозит последующим бесплодием". Как в воду смотрели! Но мать это не остано-

вило. Нет, я не обвиняю ее, не подумай! Во всем виновата я сама, но мне тогда было всего лишь чуть больше шестнадцати...

– Разговоры на эту тему в семье больше не велись, словно ничего и не было. Однако, недели через две, вернувшись из школы, я нашла на тумбочке две книжки: "Сексуальная жизнь" и "Современные методы контрацепции", – Маша ехидно ухмыльнулась. – Не иначе, мамочка проявила заботу... Десятый класс я закончила как все "порядочные девушки". С Ромкой мы продолжали встречаться, но желание выйти за него замуж как-то поубавилось. Я поступила в институт, его призвали в армию. Первые полгода мы часто переписывались, я ждала, скучала, даже ездила к нему пару раз. Но вскоре меня завертела студенческая жизнь – сессии, экзамены, новые друзья, новые интересы... Да и от него письма стали приходить все реже и реже. Детская любовь постепенно и безболезненно угасла в нас обоих... Сейчас мой бывший "герой романа" женат и имеет двоих детей. Он растолстел, на макушке уже просвечивает лысина... От стройного спортивного красавца осталось только жалкое подобие. Я часто вижу его, спешащего на работу на "толчок" с неподъемными торбами или с тележкой-кравчучкой; иногда одного, иногда вдвоем с безобразно жирной супругой. Когда он один, мы приветливо здороваемся, изредка перекидываемся парой слов, но никогда не говорим о ребенке, который так и не родился и которому сейчас было бы уже двенадцать лет...

– Вот тебе, Катюша, предисловие к драме... На этом мои беды не закончились. Рано или поздно, за все приходится платить, и я очень дорого заплатила за свою ошибку... С Димой я познакомилась на следующий день, после того, как мне исполнилось девятнадцать. Это был подарок Судьбы ко дню рождения... Родители моей подружки уехали на дачу, а мы устроили у нее в квартире небольшую вечеринку. Дима приходился Рите каким-то очень дальним родственником; он был старше нас и в компании "стоящей

на головах" молодежи, явно чувствовал себя неуютно. Не знаю почему, но мне сразу понравился этот скучающий в уголке с журналом в руках мужчина. Ты же видела – язык не повернется назвать его красавцем, впрочем, сейчас, с бородой, он стал гораздо интереснее, чем в молодости; но было в нем что-то такое, что, безусловно, привлекало внимание. Я никогда не страдала излишней застенчивостью, поэтому, взяв два бокала с каким-то коктейлем, подошла к нему. Мы познакомились, разговорились. Оказалось, что ему уже двадцать восемь лет, он закончил с "красным" дипломом медицинский институт, работает хирургом и готовится к защите кандидатской диссертации. Кроме того, Дима, как бы между прочим, сообщил, что не женат! Обаяние его личности, тонкое остроумие, умение вести беседу уже через десять минут разговора заставляли забыть о его заурядной внешности, а через полчаса начинало казаться, что он – божественно красив. Я была просто очарована этим человеком!

– Уже на следующий день мне стало ясно, что я люблю его. И если существует любовь с первого взгляда, то эта была – с первого слова, – Маша тихонько рассмеялась, вызвав у Кати ответную улыбку. – Это волшебное чувство было даже не сравнимо с тем, что связывало нас с Ромкой... А еще через неделю выяснилось, что я тоже любима. Если бы ты знала, как я была счастлива!

– Мы поженились ровно через два месяца после знакомства... Первый раз, побывав у Димы дома, мне стало ясно, что я – не их поля ягода. Катька, переступив порог этой квартиры, мне показалось, что я попала в музей: огромный дом, великолепная старинная мебель – антиквариат, не имеющий цены! А видела бы ты эти столовые сервизы! Этот китайский фарфор в серебре! Но роскошь была не кричащая, не вульгарная – нет! Во всем чувствовалась мера, любовь и тонкий художественный вкус хозяев. Еще бы! Семья – интеллигенты в седьмом колене, аристократы, близкие родственники каких-то там князей: то ли Трубецких, то

ли Дашковых, я никогда не вдавалась в подробности – свекровь пыталась как-то поведать их родословную, но Димка не дал ей этого сделать, со смехом сказав, что еще в семнадцатом году дворяне вымерли, как мамонты, а интеллигенция сейчас – всего лишь "прослойка в пироге коммунистического общества". Но, так или иначе, семейка – белая кость: мама – знаменитая скрипачка, лауреат черт-те каких конкурсов, кандидат искусствоведения; папа – доктор наук, известнейший нейрохирург; единственный сын – без пяти минут кандидат... И я – быдло рабоче-крестьянское! Можешь себе представить?!

– Нет, жаловаться грех – относились они ко мне неплохо, но называли только на "Вы", да и у меня как-то язык не поворачивался говорить им "мама" и "папа". Свекровь никогда ни в чем меня не упрекала, не "учила жизни" и, вообще, в наши отношения не вмешивалась, может быть потому, что мы жили отдельно – Димкины родители сразу же купили нам небольшую двухкомнатную квартирку – но чувствовалось, что она не в восторге от этого брака и хотела бы иметь более подходящую для их круга невестку.

– Зато моя маман была на вершине блаженства: ее "чучундре" с запятнанной репутацией подвалило такое счастье! Она называла Диму "сыночком", он ее – "мамой", был с ней всегда корректен и предупредителен, но холоден и не стремился часто бывать в гостях у моих родителей. Да и я, признаться, тоже! Странно, но свекровь, проявляющая ко мне вежливую сдержанность, стала для меня роднее матери. Я бесконечно благодарна этой прекрасной женщине. За четыре года моего замужества она преподала мне много уроков, ненавязчиво, как бы между прочим, никогда не читая нотаций. Я научилась вести себя в обществе, одеваться, поддерживать светские беседы; невоспитанная девчонка с плохими манерами превратилась в "леди". И меня "приняли в клан", я стала "своей". День, когда свекровь впервые назвала меня "дочкой", стал вершиной моего счастья. Большого и желать было нечего!

– Ах, Катенька, эти четыре года пролетели как один миг! Ни разу мы с мужем не поссорились, между нами не возникало никаких разногласий – мы понимали друг друга, как говорится, буквально с полуслова. Я начисто забыла и о Ромке, и о той истории. Перед свадьбой я попыталась честно все рассказать Диме, но он просто закрыл мне рот поцелуем, заявив, что все, что было у меня до встречи с ним – больше не существует, и он не хочет ничего об этом слышать. И я окончательно успокоилась.

– Через год безоблачного счастья Дима заявил, что пора бы подумать о ребенке. Но мне удалось уговорить его подождать еще хотя бы год, чтобы я могла спокойно закончить институт. Оказалось, что мой муж безумно любит детей (очевидно, именно это и определило специфику его медицинского образования). В жизни мне еще не приходилось встречать такого яростного противника абортов.

– Чем ближе была защита диплома, тем более настойчивым становился мой муж, да я и сама хотела, чтобы у нас появился малыш. Поэтому, желая сделать Диме приятный сюрприз, я перестала принимать таблетки, ничего ему об этом не сказав. Но время шло, а я все не беременела. Катя, ты не представляешь, как мне стало страшно, когда однажды вспомнила слова докторши, делавшей мне аборт: "В восьмидесяти случаях из ста первый аборт заканчивается последующим бесплодием!". Неужели я попала в эти проклятые восемьдесят процентов?! Я пыталась успокоить себя тем, что иногда, если женщина очень хочет иметь ребенка, но почему-то боится, она, чисто по психологическим причинам, а не потому, что бесплодна, просто не может какое-то время забеременеть. Об этом мне как-то рассказал Дима: парадоксально, но – факт! Однако месяц проходил за месяцем, а ничего не менялось. Я была в ужасе! Институт я, к тому времени, уже закончила, и отнекиваться становилось все труднее.

– И вот, наконец-то, я рискнула пойти к врачу – другого выхода у меня не было, нужно было выяснить, что же со

мною такое, пока за это выяснение не взялся сам Дима. Он – тогда уже кандидат наук, подающий большие надежды молодой хирург – работал заместителем заведующего гинекологического отделения первой городской больницы, поэтому я пошла в областную. Какого черта я не поехала на консультацию в другой город?! Но тогда я не могла предположить, что мир настолько тесен, а Судьба так настроена против меня. Я сдала все анализы, прошла всевозможные осмотры... Приговор был однозначен: детей у меня не будет никогда! Как говорит твой муж, ребенок оказался для меня непозволительной роскошью.

– Бедненькая! – вырвалась у Кати. Она забыла о своих несчастьях, всей душой сопереживая и сочувствуя подруге.

– Мне бы, дура, прийти домой и все рассказать мужу... Ведь он любил меня, очень любил! Он бы все понял! Но... мне не хватило смелости! И я начала врать и придумывать всевозможные отговорки: то мне необходимо сначала поднять гемоглобин, то мне нужен, непременно, только мальчик, то я хочу, чтобы ребенок родился именно весной... Я вертелась, как угорь на сковородке, все больше и больше погрязая во лжи. Черт меня знает, на что я надеялась?! На то, что "помешанному" на детях Диме "перехочется" иметь своего ребенка?! Я прекрасно понимала всю абсурдность этой надежды. Так прошел почти год, и неизвестно, сколько бы времени мне еще удавалось водить за нос моего замечательного доверчивого мужа, если бы не произошло одно событие, окончательно доломавшее мою жизнь...

– Диму перевели работать на должность заведующего отделением в ту самую областную больницу, где мы с тобой сегодня побывали, в ту самую, куда я ходила на консультацию... Мне всегда казалось, что врачи должны хранить врачебную тайну, как священники – тайну исповеди. Надо же быть такой наивной! Меньше, чем через месяц после перевода на новую должность, мой муж пришел домой хмурый, как туча. Я никогда не видела у него такого лица! По взгляду, брошенному на меня, я с ужасом поняла, что тот, с по-

зволения сказать, врач, которому я, по невероятной дурусти, рассказала всю свою историю, посочувствовал своему коллеге и начальнику, что его жена, вследствие сделанного в юности аборта, не может иметь детей.

– Поверь мне, подружка, тот день был самым кошмарным в моей жизни! Мне хотелось провалиться сквозь землю, умереть – все, что угодно, только бы не видеть этих родных глаз, полных гнева, боли и удивления. Он не кричал, не оскорблял меня – он, вообще, ни разу в жизни не повысил на меня голос – он просто молча взял чемодан и стал собирать свои вещи.

– Но ты хоть попыталась объяснить ему, поговорить?!

– Конечно! – устало ответила Маша. – Он не хотел слушать никаких оправданий. Я рыдала, валялась у него в ногах, умоляя остаться и простить. Но он только поднял меня, усадил в кресло, вытер мне слезы носовым платком и сказал: “Не надо унижаться, Маша! Давай расстанемся по-человечески”. И все это с таким ледяным спокойствием, что кровь стыла в жилах. Лучше бы он орал или ударил меня, но – нет, что ты! – этот интеллигент до мозга костей не мог себе позволить проявление таких низменных человеческих эмоций! – Маша яростно скомкала в пепельнице недокуренную сигарету.

– Я поняла, что умолять и унижаться действительно бесполезно. Черт возьми, у меня ведь тоже есть гордость! Вот вдвоем с этой гордостью я и осталась! – Маша горько усмехнулась.

– Когда вещи были собраны, Дима сел напротив и просто сказал: “Маша! Я должен был узнать это от тебя самой, а не от своих подчиненных. Я говорил тебе: все, что было до меня – не имеет значения, и не отказываюсь от своих слов. Если бы у тебя хватило мужества все мне объяснить, мы вместе нашли бы какой-то выход. Возможно, взяли бы ребенка из Детского дома. Но ты, сначала догадываешься, а потом, уже твердо зная, что детей у тебя быть не может, предпочитала врать и изворачиваться. Сколько лет ты

делала из меня дурака, Маша?! Я простил бы тебе, не задумываясь и твою "первую любовь", и эту глупость с абортom, я простил бы тебе все, что угодно, потому что ни одну женщину никогда я не любил и уже не люблю так, как тебя... Но простить эту ложь... Не могу, Маша, и боюсь, что никогда не смогу! Мне очень жаль, поверь... За развод не беспокойся, у меня есть знакомый адвокат, он быстро сделает все, что нужно. Эта квартира – твоя. Я никогда не докачусь до того, чтобы судиться: кому – шифоньер, кому – шлепанцы... Прощай, Маша! Если вдруг когда-нибудь тебе понадобится моя помощь – обращай в любое время дня и ночи". И уже на пороге обернулся и бросил через плечо: "Эх, Машка! Лучше бы ты мне изменила!". Если бы ты знала, с какой болью это было сказано! Это были последние слова, которые я слышала от своего, теперь уже бывшего, мужа с того вечера и до сегодняшнего дня, вот уже пять лет.

Маша замолчала и задумалась, отрешенно глядя окно, полностью уйдя в воспоминания. Давно наступил вечер, в кафе зажгли свет. Должно быть, отвратительное освещение бросило эти темные тени под прекрасные янтарные глаза, сейчас покрасневшие, но сухие. Должно быть, из-за освещения ее лицо выглядит таким осунувшимся и постаревшим. Катя не могла поверить: неужели всегда веселая, беззаботная, легкомысленная Маша и эта несчастная, раздавленная Судьбой женщина – один и тот же человек?

Вошел очередной посетитель, хлопнув дверью, и вернулся Машу в реальность.

– Уже стемнело, – сказала она бесцветным голосом, – тебе, наверное, давно пора домой...

– Что ты, Машенька, у меня полно свободного времени!

Маша невесело усмехнулась:

– Спасибо тебе, Катюша! В общем-то, я уже почти все рассказала. О чем рассказать еще? Как я полгода рыдала, практически не переставая, как забыла, что такое нормальный сон и аппетит? Рассказать, как это жутко лежать сутка-

ми на диване и следить, сквозь пелену слез, как движется по циферблату секундная стрелка и сознавать, что с каждым ее рывком уходит жизнь? И отчаянно молить Бога, сначала чтобы Дима вернулся, а потом, потеряв всякую надежду, молить уже о смерти, поскольку жизни без Митьки я себе не мыслила? Не знаю, так ли мучился мой бывший муж или нет, но вскорости он женился на какой-то смазливой сопливой девчонке – то ли танцовщице, то ли манекенщице. Я понимала, что он не любил ее, что это было сделано от отчаянья и безысходности... Так же, как я по этим же причинам пыталась довести себя до могилы. Моя семья была в трансе: родители срочно продали квартиру и увезли меня в Киев в надежде, что там я забуду Диму. Ту квартиру, где мы с ним провели четыре счастливейших года, я не позволила продать – чувствовала, что еще вернусь сюда.

– Переезд в столицу мало что изменил в моем состоянии – я все так же продолжала "таять". Если бы я могла хотя бы возненавидеть его! Наверное, мне стало бы чуть легче. Ведь говорят же, что от любви до ненависти – один шаг. Но даже на это я не имела право: его поведение было беззаконным, а вина целиком лежала на мне.

– Не знаю, сколько времени я продолжала бы изводить себя, и чем бы все это закончилось, если бы однажды утром, подойдя к зеркалу, я не увидела изможденный, обтянутый пергаментной кожей скелет с красными, как у кролика, опухшими от слез глазами и седыми прядями в волосах. Это страшилище, в которое я превратилась, выглядело старше моей матери. Что называется, краше в гроб кладут! Довести себя до могилы мне не удавалось, видимо, я не заслуживала даже смерти. А покончить счеты с жизнью самостоятельно мне, конечно же, не хватило смелости. Я смотрела на себя в зеркало, и во мне постепенно воскресала Женщина. Не отдавая себе отчета в своих действиях, я расчесала тусклые включенные патлы; рука сама потянулась к пудренице... Если уж я была осуждена на жизнь, нужно было попытаться вырвать из когтей Судьбы все, что возможно!

– Мне нужно было забыть Диму, постараться не думать о нем. Нужно было чем-то заполнить свой день до отказа, чтобы на душевное самоистязание просто не оставалось ни времени, ни сил. Это был единственный способ выкарабкаться из той бездны отчаяния, в которой я пребывала. Я поступила в аспирантуру, пошла на курсы водителей, парикмахеров, визажистов, модельеров; я стала заниматься конным спортом; тренажерный зал и библиотека были в те годы моим вторым домом... Я, буквально, "доползала" до постели во втором часу ночи, а в шесть утра начиналось все сначала. И лишь благодаря этому бешеному ритму через год я стала такой, как сейчас. Только известие о том, что у Димы родился сын, на какое-то время выбило меня из колеи. Но к тому времени я была достаточно "закалена" и уже не плакала. Знаешь, с тех пор я, вообще, никогда не плачу – просто не могу, разучилась; наверное, весь запас слез я выплакала за те ужасные полгода.

– Через какое-то время в моей жизни стали появляться мужчины. Их было много, пожалуй, даже слишком много. Я хотела, чтобы их губы стерли из моей памяти Митькины поцелуи, чтобы их руки уничтожили воспоминания о его объятиях. Изредка мне удавался этот самообман, но проходило время – иногда ночь, иногда неделя – и каждый раз я убеждалась, что мой очередной любовник – лишь жалкая пародия на Диму. Вовсе не потому, что эти мужчины были плохи сами по себе. Нет, большинство из них были хорошими, порядочными людьми, почти все предлагали мне замужество и безоблачное счастье. Но у меня хватило ума не превращать в ад жизнь ни в чем неповинных людей. В итоге я вынуждена была с грустью констатировать факт, что по-прежнему люблю своего бывшего мужа. Он не был у меня первым, не стал последним, но навсегда остался единственным мужчиной в моей жизни, единственным, кого я, действительно, любила.

– В столице время летело для меня необычайно быстро. Я досрочно закончила с отличием аспирантуру, защити-

ла кандидатскую по химии, а затем и по биологии. Я изменилась, Катя, очень изменилась: повзрослела и стала сильной, знающей себе цену женщиной, готовой противостоять любым невзгодам, не опасаясь сломаться. Какое-то время я проработала в университете, но Киев всегда оставался для меня чужим; переулки и скверы родного города властно призывали обратно. Но главная причина моего возвращения была не в этом: я боялась себе признаться, что возвращаюсь домой, подчиняясь лишь одному мучительному, неудержимому желанию вновь увидеть Диму. Нет-нет, я ни в коем случае не собиралась попадаться ему на глаза и, тем более, разговаривать со своим экс-мужем. У него была жена, сын – своя жизнь, вмешиваться в которую я не имела права. Но видеть его издали, иногда... В таком невинном и, честно говоря, сомнительном удовольствии я не могла себе отказать.

– Не могу тебе передать, какие чувства охватили меня, когда я переступила порог квартиры, где была так счастлива и где моя семейная жизнь потерпела полный крах. Я вернулась туда преображенной, воскресшей из пепла отчаянья и боли, словно птица Феникс. Однако, обстановка, вещи, посуда – сами стены – будили во мне воспоминания, которых лучше было бы избежать. Я не могла остаться жить в этой квартире, не рискуя "сорваться". И я обменяла ее на другую – ту самую, где живу сейчас, предварительно распродав мебель, на которой сидел, лежал, к которой прикасался когда-то мой муж... Окна новой квартиры выходят в тот переулок, по которому каждое утро Дима идет на работу. Теперь ты понимаешь, чем вызваны мои ежедневные опоздания на лекции?! По той же самой причине любую свободную минуту в институте я провожу возле окна нашей лаборатории – ведь через него видна областная больница... Часто я вижу его вместе с сыном – очевидно, по дороге на работу Дима заводит ребенка в садик. Мальчик очень похож на своего отца, но мне кажется, внешне он будет более привлекательным, когда вырастет. А вот Димину супругу мне ни разу не довелось увидеть...

– Только, находясь на смертном одре, я рискнула бы вновь взглянуть в глаза человеку, с которым была когда-то так счастлива, которого люблю по сей день. Но ты – моя единственная подруга и тебе была нужна помощь.

– Маша, если бы я только знала, что значит для тебя этот визит к "знакомому врачу", ни за что не пошла бы!

– Брось, Катюха! Все нормально! Я даже благодарна тебе. Наверное, сама бы я никогда не решилась на этот шаг. Всю прошлую ночь я не спала, думала, как пройдет эта встреча... Смогу ли я "держать себя в руках"?! Как видишь, смогла.

Горькая повесть была досказана, Маша замолчала. Молчала и Катя, потрясенная услышанным. Все слова сочувствия были бы бесполезны и банальны. Играла тихая музыка, засидевшиеся допоздна посетители расходились по домам. В пепельнице высилась гора окурков со следами алой помады... Изящный тонкий пальчик с ярко-красным ноготком задумчиво описывал круги по краю чашки с нетронутым остывшим кофе.

IX

Ни в четверг вечером, ни утром следующего дня Катя не решилась рассказать мужу о своей беременности и неутешительных прогнозах врачей. Да и стоило ли рассказывать?! Что это могло изменить?! Искать сочувствия у человека, который, лежа рядом с ней в постели, мечтает о другой женщине и шепчет во сне: "Ольга... Оленька" – по меньшей мере, глупо! Однако, с другой стороны, именно он – отец этого ребенка... Именно он останется с Артемкой, если ее сердце не выдержит операции. Нет, нуж-

но найти в себе силы и поговорить с Костей! Сегодня же вечером, ведь времени остается все меньше и меньше. Мучительно хотелось поехать к матери, обнять ее и сына, может быть в последний раз. Но мама удивится ее приезду, начнет расспрашивать, волноваться... Зачем пугать ее раньше времени, даст Бог – все обойдется?!

Весь день в ожидании предстоящего разговора Катя не могла найти себе места. На семинарских занятиях она едва слушала отвечающих; студенты тихонько посмеивались: "Какая наша Катя сегодня задумчивая! Уж не влюбилась ли?!".

В лабораторию заходил Андрей, защитивший вчера диплом на "отлично", но все такой же невозмутимо спокойный и загадочный, словно это событие являлось лишь незначительным эпизодом в его жизни. Но сегодня Кате было не до него – она рассеянно отвечала что-то невпопад, забыла даже поздравить парня с окончанием института. Андрей понял, что Катины мысли витают где-то далеко и, сославшись на срочные дела, деликатно удалился.

Маша, после вчерашних откровений, выглядела слегка осунувшейся и с расспросами к подруге не приставала.

День прошел незаметно. Поразительно, но чувствовала себя Катя вполне сносно: ни тошноты, ни головокружения; разве что – сердце слегка покалывало, однако, к этому она давно уже привыкла. Может быть, Берман просто перестраховывается, и ничего такого ужасного у нее нет?! Но, будучи скорее пессимисткой, нежели оптимисткой, она сама едва ли в это верила.

По дороге домой вспомнила, что Костя сегодня придет поздно – юбилей у начальника цеха – и, скорее всего, "под мухой". Странная смесь досады и облегчения... Впрочем, это всего лишь отсрочка, и неприятный разговор неизбежен. Тянуть-то дальше некуда!

Вечер прошел в обычных хлопотах по хозяйству, а позднее – наедине с телевизором. Часы показывали уже начало двенадцатого, а Кости все не было. Что ж, сегодня,

скорее всего, поговорить не удастся! Катя собралась было лечь спать (чего это ради она должна с тревогой дожидаться возвращения мужа, если ему нет никакого дела до нее?!), как вдруг услышала звук открываемой двери. Наконец-то! Как ни старалась Катя обмануть себя притворным безразличием, на душе кошки все-таки скребли – не то нынче время, чтобы ночами по улицам ходить!

Костя вошел тихо, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить жену.

– Ты не спишь? – спросил он удивленно, и губы расплылись в улыбке – в той самой улыбке, какой очаровал он ее тринадцать лет назад – озорной, мальчишеской, искренней.

Поразительно – даже морщина на лбу разгладилась, глаза радостно блестят... Что это с ним?! А Костя, бросив на кресло пиджак, внезапно подхватил жену на руки и закружил по комнате, смеясь:

– Катюха! Что я тебе расскажу!

Катя от неожиданности только ойкала, испуганно поджимая ноги, чтобы, не дай Бог, что-нибудь не зацепить и не разбить: комната-то – одно название – размером с тюремный каземат.

– Костя! Костя! Поставь меня на пол, немедленно! Да что случилось-то?!

– Катька! Кузьмич в понедельник уходит на пенсию! Я – начальник цеха! Слышишь, котенок, я – начальник цеха!

Повинуясь внезапному порыву, Катя кинулась мужу на шею. Он обнял ее, прижал к себе:

– Катя! Теперь мы, наконец-то, заживем по-человечески! Руководству завода и начальникам цехов зарплату не задерживают – Кузьмич мне как-то по пьянке проболтался! А возможностей сколько! Знаешь, какие они аферы прокручивают?!

– Ты смотри – поосторожнее! – сразу заволновалась Катя.

– Что я, по-твоему, дурак что ли?! Не переживай! Че-

рез год-полтора будем жить в новой квартире, а не в этом скворечнике! И у Темки будет своя комната, и у нас спальня, и еще хотя бы одну надо, чтобы гостей принимать. Брата сразу в гости приглашу – пусть увидит, что не он один чего-то в жизни добился! И мама твоя пусть к нам приезжает, и к моим, наконец-то, съездить сможем! – он взял ее лицо в свои большие, шершавые от мозолей ладони, заглянул в светящиеся счастьем изумрудные глаза. – Все у нас с тобой будет, Катюша! Все будет по-другому, вот увидишь!

– Дай-то Бог! – вздохнула Катя.

Вздох заглушил жадный поцелуй мужа, причинивший ей боль. Она слегка уперлась руками ему в плечи, пытается оттолкнуть. Не тут-то было! Он целовал ее лихорадочно, неистово, словно опасаясь, что она может исчезнуть. От него исходил тяжелый, тошнотворный запах перегара. Катя вновь предприняла тщетную попытку освободиться от объятий мужа, – навалившиеся на ее плечи проблемы не располагали к любовным играм, да еще и с подвыпившим, находящимся в каком-то полубредовом состоянии, мужчиной. Но он, словно первобытный дикарь, "сграбастал" свою жертву в охапку и поволок на диван, нимало не интересуясь, хочет ли она этого...

Приглушенный свет торшера мягко освещал комнату. Они лежали рядом на диване обнаженные, занятые каждый своими мыслями. Костя, удовлетворив свои потребности, с мечтательной улыбкой созерцал потолок, строя планы на будущее, казалось, напрочь забыв о присутствии жены.

Катя раздраженно накручивала на указательный палец кончик косы, разочарованная и злая. Косте всегда было наплевать, что она чувствует в постели, но сегодня это "занятие любовью" скорее было похоже на изнасилование. И в лучшие времена, когда муж приходил домой выпивший, она старалась отодвинуться на самый край дивана, чтобы не нюхать этот жуткий запах, но сейчас – это просто невыносимо! Теперь он лежит с дурацкой улыбкой и о чем-то мечтает. Остается надеяться, что не о своей драгоценной

Оленьке. Это было бы уже пределом всему! Катя чувствовала себя дворовой собачонкой, которую чем-то довольный хозяин приласкал мимоходом и тут же отпихнул ногой прочь. Было обидно, и хотелось заплакать или наговорить ему гадостей. Обдумывая, что будет в данном случае приемлемей, Катя перевернулась на спину.

Костя скосил глаза на жену. Сейчас в полумраке комнаты она не казалась такой бледной и изможденной, как обычно. Пожалуй, если ее откормить, она будет очень даже ничего! А то худющая, как скелет – вон, ребра торчат и размер груди, словно у тринадцатилетней девочки. Он заметил, как яростно теревит Катя свою косу, и ему стало стыдно: да, пожалуй, вел он себя сегодня в постели, как свинья. С Ольгой бы никогда себе такого не позволил! Костя протянул руку и ласково провел кончиками пальцев по впалому животу, замаливая грехи.

Катя вздрогнула, отбросила его руку и внезапно выпалила:

– Костя! Я жду ребенка!

Наверное, если бы в комнате появились инопланетяне или наступил Судный день, это не произвело бы такого впечатления на Костю, как эти три простых слова! Он шарахнулся, словно она была зачумленная:

– Что ты сказала?! Повтори, что ты сказала?! – срывающийся шепот был страшен.

– То, что ты слышал! – огрызнулась Катя, но уже менее уверенно, осознав, что не с этой фразы следовало начинать и не под это настроение.

Через секунду они уже стояли друг против друга на коленях на диване и выглядели бы довольно нелепо, если бы не трагизм ситуации.

– Ты! Ты! Как ты посмела! – яростно хрипел Костя, не давая ей возможности ничего объяснить. – Какое ты имела право?! Ты брехала, что принимаешь таблетки! Брехала! Дрянь! Этого не будет! Все мои планы, все – к черту! Этого ребенка не будет! Слышишь ты, упрямая дура, не будет! Я

уйду от тебя к чертовой матери! Поняла?! Тебе не удастся сделать из меня идиота! Не надейся!

Он остановился на мгновение, чтобы передохнуть, прежде чем обрушить на нее новую порцию оскорблений. Таким Катя никогда его не видела! Он был взбешен, слепая ярость заглушила в нем все другие чувства. Она попыталась воспользоваться этой передышкой, чтобы успокоить разошедшегося ни на шутку супруга. Но он не дал ей даже рта раскрыть!

– Если ты посмеешь родить этого ребенка, я тебя брошу, ясно тебе?! Я разведусь с тобой и заберу у тебя Артемку! Клянусь, что так оно и будет, если ты не сделаешь аборт!

– Ты со мной разведешься?! Да у тебя не хватит духу это сделать! – теперь уже и Катя не помнила себя от гнева и возмущения. – Ты же трус! Трус! Тебя хватает только на то, чтобы таскаться за юбками, а когда приходится решать – ты предпочитаешь переключать это на женщин! Думаешь, я не знаю, что ты вернулся не из-за сына, а потому, что твоя Ольга тебя бросила! И молодец! Правильно! Кому такое ничтожество нужно! Если бы не Артемка – ноги бы моей тут не было! Я тебя презираю! Ничтожество! Ничтожество!

– Замолчи! Заткнись, дура! Да ты мизинца Ольгиного не стоишь! Ты посмотри на себя! Посмотри – на кого ты стала похожа! Лахудра! Уйдет она! Катись! Да на тебя ни один мужик не позарится!

– Мужик! Это ты-то – мужик?! – Катя задышалась от злости. – Да ты никогда не был настоящим мужиком ни в жизни, ни в постели!

– Ах, в постели?! В постели?! Да это ты – бревно бесчувственное! Ханжа чертова! Тебе что, есть с кем меня сравнивать?!

– Нет! Я в отличие от тебя не шлююсь с кем попало! И напрасно! Давно уже пора бы наставить тебе рога! По крайней мере, узнала бы, что такое настоящая любовь – когда мужчина думает о женщине, а не только о себе!

– Да заткнешься ты или нет, наконец-то?! – Костя схватил ее за плечи и встряхнул. – Опомнись! Уже все пределы переходишь, дура!

Нет, он не ударил ее! Конечно же, у него и в мыслях такого не было! Просто, не рассчитав силу, оттолкнул. И она, потеряв равновесие, упала с дивана и, ударившись головой об угол журнального столика, потеряла сознание...

Очнулась уже на диване от холодной воды, которой перепуганный муж щедро обрызгивал ее.

– Катя! Елки-палки! Я не хотел! Честное слово! – вид у Кости был виноватый и взволнованный.

Катя прикоснулась рукой к ушибу – на лбу вздулась шишка; хорошо хоть до крови не разбила. Ярость, ослеплявшая ее несколько минут назад, внезапно улетучилась. Осталась только усталость и опустошенность, но видеть мужа, а тем более, лечь спать рядом с ним – в данный момент это было выше Катиных сил. А тот, с побелевшими губами, не знал, что сказать и сделать.

– Катя! – промямлил он. – Я тебе наговорил черт-те чего... – это должно было означать извинения.

Но теперь уже Катя не хотела слушать никакие оправдания. У нее пропала всякая охота объяснять мужу, зачем она начала этот разговор. Ни о каком понимании, ни о какой поддержке с его стороны не могло быть и речи. Она поднялась с дивана, но тут же вынуждена была ухватиться за Костю – голова кружилась неимоверно. Только сотрясения ей не хватает! Но через минуту предметы перестали "двигаться" по комнате, и Катя молча начала одеваться.

– Куда это ты?! – искренне удивился Костя, он не мог даже вообразить, что его жена куда-то собралась идти ночью. Конечно, раньше у них никогда не было таких скандалов, но это же – не повод...

– Я поживу несколько дней у Маши, – спокойно ответила она, словно это было нечто само собой разумеющееся.

Такого поворота событий Костя не ожидал. Одно дело наговорить друг другу гадостей, но совсем другое – уйти из

дома.

– То есть как это – у Маши?!

– Так, у Маши! Больше мне деваться некуда. Я не могу тебя сейчас видеть... Поэтому, по крайней мере, пока не придет Темка, я поживу у нее... А дальше – будет видно.

– Ну и катись! – разозлился Костя. – Пока не сделаешь аборт – можешь не возвращаться!

– Не переживай! Не вернусь! – огрызнулась Катя, направляясь в прихожую.

Костя понял, что это – серьезно и испугался:

– Катька! Стой, я тебе говорю! Перестань дурить, слышишь?! – он ухватил ее за рукав пальто, надеясь удержать.

– Да отцепись ты! – Катя резко рванула рукав и хлопнула входной дверью перед его носом.

Блуждая по промерзшим неосвещенным ночным улицам, она чувствовала себя самым несчастным существом на свете...

Заспанная Маша в накинутом на кружевную сорочку изящном пеньюаре открыла дверь и, ни слова не говоря, удивленно воззрилась на Катю.

– Машка! – Катя говорила тихо, неуверенно, боясь расплакаться. – Можно я у тебя переночую? Ты одна? Я тебе не помешала?

– Заходи, конечно! – Маша пропустила подругу в комнату и тут только заметила на ее лбу огромный фиолетовый синяк. – Это что?! Это он тебя так?!

– Нет! – всхлипнула Катя и солгала, все еще пытаясь выгородить мужа. – Это случайность. Он не виноват. Я сама упала.

– Ага! Сама упала! А потом решила нанести мне визит в три часа ночи! Ты и после этого будешь говорить, что любишь его?!

В ответ Катя лишь разрыдалась. Маша усадила ее на диван, принесла горячего чая.

– Я не понимаю, ты что мазохистка, что ли? – спроси-

ла девушка, стеля подруге постель. – Зачем ты калечишь свою жизнь, Катя?! Брось его! Брось сейчас, когда у тебя есть великолепная возможность устроить свою жизнь. Брось, пока ты еще молодая!

– Я не могу! Не могу из-за Артема! Тебе этого не понять! – давилась рыданиями Катя. – Он боготворит отца! Если на суде его спросят, с кем он хочет остаться, я уверена, что сын, не задумываясь, выберет его! Я не смогу жить без Темки!

– Увы! Мне этого, действительно, не понять! Ты хорошая мать, но это не дает тебе право хоронить себя как женщину! Где твоя гордость?! Он уже вытер об тебя ноги, а лет через десять, когда Артем вырастет, твой бесценный супруг просто вышвырнет тебя за ненадобностью, как износившуюся вещь. Вот тогда ты уже не будешь нужна никому! И сын вряд ли сумеет оценить такую жертву! Одумайся, подружка! Одумайся, пока не поздно! Что ты будешь делать тогда?! Рядом уже не будет такого Андрея, готового для тебя на все! Судьба редко дает нам шанс изменить свою жизнь! Если ты сейчас не воспользуешься им – будешь потом проклинать себя до последних дней, попомнишь мое слово!

– Хватит пророчествовать! И без тебя тошно! – взмолилась Катя. Слезинки, срываясь с подбородка, капали в чашку с чаем.

Маша обняла подругу, ласково поцеловала в щеку:

– Такая, Катюха, наша бабья доля – слезы по мужикам проливать! Не стоит он твоих слез, ей-богу, не стоит. Но ты поплачь, Катенька, поплачь! Тебе легче станет, вот увидишь! Как говорят: "С бедой надо переспать ночь!", утром все будет восприниматься не так трагично, посмотришь! А сейчас плачь – со слезами беда прочь утекает – так моя бабушка-покойница говорила когда-то. Царствие ей небесное!

Маша вздохнула и прошептала едва слышно:

– А у меня, вот, слез уже не осталось. Все выплакала!

Х

Маша оказалась права: наутро все выглядело уже не таким ужасным и непоправимым, разве что синяк на лбу стал еще страшнее. Однако изучение в зеркале своего отражения вряд ли способствовало улучшению Катиного настроения – на людях с такой отметиной показываться было, решительно, невозможно.

– Замечательно! – Катя в сердцах чертыхнулась. – Как я теперь на улицу выйду?!

– О чем это ты?! – крикнула Маша из ванной.

– О своей физиономии! Что мне теперь делать?!

– Челку! – ответ был лаконичен и прост как все гениальное.

Эта мысль даже не могла прийти Кате в голову:

– Ну да! Я никогда в жизни не носила челку!

– Все бывает в первый раз, – спокойно ответила Маша, входя в комнату, – разумеется, если ты предпочитаешь дней десять не вылезать из квартиры – можешь и дальше молиться на свою косу.

Скрепя сердце Катя вынуждена была согласиться с подругой, однако посещение парикмахерской в таком виде ее тоже мало прельщало.

– Зачем тебе парикмахер?! – удивилась Маша. – Дело-то – отрезать прядь волос! Сейчас все будет о'кей! – и она вооружилась ножницами.

Золотистый локон упал на колени, вызвав острое чувство сожаления. Маша фыркнула, заметив выражение лица подруги, и быстро заплела уцелевшие волосы в косу, кото-

рая почти не стала тоньше.

Оценив творение рук своих, Маша разочарованно протянула:

– Мда-а! Синяк, конечно, мы замаскировали, но лучше выглядеть ты не стала! – она выдержала эффектную, почти мхатовскую, паузу и торжественно закончила: – Катя! Косу нужно обрезать!

– Делать мне больше нечего! – возмутилась Катя. – Мало тебе того, что ты натворила, хочешь и последнее откромсать?!

– Ну, хозяин – барин! Ходи, как чучело! Завтра в институте выпускной, ты будешь выглядеть просто великолепно! – съязвила она.

– Не пойду я ни на какой выпускной! Не то у меня настроение.

– Нет, ты пойдешь! Пойдешь! – вспыхнула, как искра, Маша. – Ты пойдешь, хотя бы для того, чтобы в последний раз увидеть Андрея!

– Как – в последний раз?! – опешила Катя. – Ты же говорила, что декан предложил ему работу на кафедре...

– Декан-то предложил, да он пока не согласился! От такой работы без причины не отказываются! Так что на вечер ты пойдешь! И будешь там самая красивая, самая веселая и самая обаятельная. И плевать на твое настроение! Ты сама должна создать себе настроение! Ты должна быть сильной, Катенька, уверенной в себе...

– Как ты? – грустно улыбнулась Катя.

– Нет! Не как я! – ответила Маша серьезно. – Чтобы стать

такой, как я – нужно испытать слишком много боли, пройти через такие душевные муки, которые и врагу не пожелаешь... Тебе нужно просто поверить в себя. Доверься мне, подружка! Смени свой имидж, стань совсем другой, сначала внешне, и ты увидишь, как изменится мир вокруг тебя, как по-другому будут воспринимать тебя люди. Для того, чтобы выглядеть красавицей не обязательно ею быть, достаточно

уверенности, что ты красива, и тогда в это поверят все. Природа редко создает абсолютно совершенную красоту! Из всех людей, что я встречала за свою жизнь – и мужчин, и женщин – Андрей – самое великолепное ее творение. Но таких – единицы, а нам, грешным, надо самим корректировать ее работу и исправлять ошибки... Послушай меня, давай сделаем тебе другую прическу, подкрасим седину, выберем макияж...

– Но, – неуверенно начала Катя, – я не знаю, как-то непривычно в стрижке, да и...

– Если ты сейчас упомянешь своего мужа – я тебя удушшу твоей же косой! – взорвалась Маша.

Катя едва сдержала улыбку – Машка была неотразима в своем благородном стремлении сделать из подруги "фото модель" и устроить ее личную жизнь... Что ж, возможно она и права, даже, скорее всего – права. Катя усмехнулась – что значит потерять косу, если через пару дней, может статься, ей суждено потерять жизнь?! Два дня, осталось всего два дня... А что она видела за свои тридцать с лишним, что было у нее, кроме общаг, кастрюль, слез и вечной нехватки денег?! Быть может, и впрямь стоит послушаться Машку и попытаться стать совсем другой, хотя бы на то недолгое время, что ей суждено прожить?! Катя обхватила пальцами свое золотистое сокровище – толщина косы не давала пальцам сомкнуться. Жаль, конечно, но, в общем-то, – не велика потеря! Если все обойдется, года за два-три можно будет отпустить новую, хотя, стоит ли?! Это в восемнадцать лет волосы такой длины – украшение, а в тридцать пять – анахронизм.

– Режь! – решительно сказала Катя, взмахнув рукой, будто отсекая что-то и отбрасывая прочь.

Маша, словно пятилетняя девочка, от радости захлопала в ладоши и бросилась целовать подругу.

Катя, смеясь, отмахивалась от объятий.

– Давай, делай из меня Мисс Вселенную! Только, на выпускной я все равно не пойду – не в чем!

– Как это – не в чем?! – Маша стремглав бросилась к шкафу, и оттуда начали вылетать прямо на пол всевозможные наряды. – Сейчас мы тебе что-нибудь подберем... Не в чем!!! Ты будешь у нас самая красивая! ...Вот!

Маша выудила из недр шифоньера изумрудно-зеленое платье из тончайшего велюра, точно в тон Катиных глаз. У молодой женщины перехватило дыхание: платье было великолепно, но... обладательница этого роскошного наряда была на полголовы выше подруги и излишней худобой не страдала.

– Примерь! – Машино великодушие не знало границ.

– Ты будешь в нем неотразима, голову даю на отсечение! Все мужики просто попадают!

– Машенька! Спасибо тебе, дорогая! Но, видишь ли, это не мой размерчик! – улыбнулась Катя.

– Мда-а, – смутилась Маша, – об этом я как-то не подумала!

Однако смущение длилось не долго – тотчас же была разложена швейная машинка, и в руке у девушки мелькнули ножницы.

– Нет! Не надо! – только и успела крикнуть Катя, ужаснувшись этим приготовлениям. – Что ты собираешься делать?!

– Ты же сказала, что это – "не твой размерчик"! – просто ответила Маша. – Значит, сейчас сделаем твой!

– Ты с ума сошла!!!

– Нисколько! Мне это платье смертельно надоело, к тому же, мне никогда не шел зеленый цвет. Одевай!

...Спустя несколько часов Катя, облаченная в свежеперешитое платье, теперь облегающее ее тоненькую фигурку, словно вторая кожа, в стрижке "аля Миррей Матье" макагонового цвета и искусно выполненном макияже в золотисто-коричневых тонах, боязливо взглянула в зеркало.

Из недр зазеркалья огромными изумрудными глазами на нее смотрела поразительно красивая женщина – хрупкая и нежная, словно сотканная из воздуха.

– Это... я?! – легким вздохом изумления сорвалось с губ.

– Ты, моя дорогая, ты! – Маша возникла в зеркале за спиной этого чудесного создания, но даже ее яркая красота не смогла затмить очарования, словно ореол окружающее женщину в зеленом.

– Ты похожа на дриаду! – восхищенно шепнула Маша подруге.

Катя с удивлением, почти с испугом, вглядывалась в свое отражение, не в силах свыкнуться с мыслью, что красавица в зеркале – это она, Катя, а не сказочное видение, которое вмиг растает, стоит только проснуться. Она невольно протянула руку к своему двойнику. Маша расхохоталась. Это был ее триумф! Подвижное выразительное лицо отражало восторг и гордость Художника, созерцающего свое Творение.

– Что ты со мной сделала?! – одними губами прошептала Катя, не отрывая взгляда от прекрасной незнакомки.

– Тебе не нравится?!

– Нравится! Очень нравится! – с жаром, словно очнувшись, воскликнула Катя, оборачиваясь к подруге. – Но... но... это – не я!

Маша снова рассмеялась, теперь уже тихо и ласково, своим дивным серебряным смехом:

– Я просто вытащила наружу то, чем наградила тебя Природа и что ты так старательно стремилась похоронить! Впервые увидев тебя, я подумала: "Эта женщина божественно красива – редкой, изящной, утонченной красотой! Неужели она этого не видит?! Неужели не найдется человека, который поможет ей открыть свое настоящее "Я"?! Ведь стоит приложить минимум усилий, и она преобразится!" И я поклялась, что этим человеком стану я. Долго же ты сопротивлялась! – Маша лукаво улыбнулась. – Очевидно, твоему мужу нужно было раньше дать тебе в лоб.

Однако, ей тут же пришлось пожалеть о своей неудачной шутке: при упоминании о муже Катя сразу же помрач-

нела и как-то сникла.

– Как знать, – поспешила исправить досадную оплошность Маша, – быть может, новая внешность поможет тебе вернуть любовь мужа.

– Думаешь?! – с сомнением и в то же время с надеждой спросила Катя.

– Уверена! – безапелляционно заявила Маша. И невозможно было понять: действительно ли она в этом уверена или хочет заставить поверить подругу.

– Мне кажется, ты ему просто приелась.

– Что ты имеешь в виду?!

– Подумай сама, мужиков постоянно тянет к чему-то новому. Это у них в генах заложено! Вспомни: древний человек, инстинкт продолжения рода, поиск новых самок, наиболее полно отвечающих критериям деторождения, наконец, полигамные браки...

– Прошли миллионы лет!

Маша рассмеялась:

– Ты считаешь, что на уровне биологических инстинктов мы так уж сильно отличаемся от далеких предков?! Что ты тогда скажешь по поводу восточных гаремов?

– Это традиции Ислама... – неуверенно протянула Катя. – Думаю, такое количество жен объясняется, прежде всего, соображениями престижа.

– И только-то?! – лукаво усмехнулась Маша. – А, по моему, безразлично верит ли мужчина в Аллаха, в Иисуса или в Будду, он все равно остается мужчиной... Разве нет?! Впрочем, мы несколько отвлеклись от темы. Раз уж природу мужиков изменить невозможно, надо попытаться как-то приспособиться и обратить их стремление к новизне себе на пользу... Если отбросить феминистские амбиции и женскую солидарность, то твоего мужа тоже можно понять – в течение двенадцати лет ежедневно перед его глазами мелькает одна и та же женщина, именуемая Женой. Причем, в большинстве случаев, эта самая жена одета в старый халат и стоптанные шлепанцы, небрежно причесана (о косметике я

уже не говорю!), к тому же, постоянно чем-то недовольна, ворчит и "пилит" своего благоверного по поводу и без повода...

Катя молча опустила голову – возразить было нечего. Несколькими штрихами, с достоверной точностью, эта молодая девушка, в которой, казалось, сосредоточилась женская мудрость не одного десятка поколений, нарисовала драму Катиной семейной жизни. Да и только ли Катиной?!

– Не обижайся, Катюша, – мягко и грустно сказала Маша, – я сейчас говорю не только о тебе. К сожалению, это беда многих женщин, практически всех. Вряд ли их можно винить в этом. Мужчин семейный быт так не засасывает, а на женские плечи после замужества обрушивается слишком много обязанностей, гораздо больше, чем прав. И, невзирая на это, каждая женщина стремится выйти замуж и побыстрее надеть на себя хомут, который потом она, словно ломовая лошадь, будет тянуть всю жизнь. Но это, опять-таки Природа, теперь уже женская! А любовь, она, как костер, – постоянно надо подбрасывать поленья, иначе погаснет.

– Господи, Машка, тебе всего лишь двадцать восемь! Откуда ты все это знаешь?!

Маша невесело усмехнулась:

– У меня было достаточно свободного времени, чтобы подумать об этом.

Остаток вечера прошел в душевных беседах. Маша пустила в ход все свое обаяние и красноречие, чтобы отвлечь подругу от грустных мыслей. И это ей почти удалось, – временами Катя напрочь забывала о том, что предстоит ей в понедельник. А времени оставалось все меньше и меньше...

Торжественное вручение дипломов было назначено на час дня. По подсчетам ректората официальная часть должна была занять часа два и плавно перейти в вечеринку с шампанским и танцами, грозившую затянуться до рассвета. Все

утро женщины провели у зеркала. Маша испытывала неизъяснимое удовольствие, любуясь прихорашивающейся подругой. Перемена, произошедшая во внешности, неминуемо должна была повлечь за собой более глубокие радикальные изменения, затрагивающие образ мыслей, манеру поведения и, возможно, душу. И сейчас, наблюдая, как расправились вечно сгорбленные плечи, как гордо приподнялся подбородок, и даже взгляд стал другим, – девушка понимала, что Катя меняется, и этот процесс уже не остановить.

А та, пристально рассматривая свое отражение, внезапно прошептала:

– Это похоже на сказку о царевне-лягушке!

Маша звонко рассмеялась:

– Это доказывает только то, что в каждой лягушке томится царевна, нужно только дать ей свободу!

– Спасибо тебе, Машенька! – Катины глаза говорили красноречивее слов.

– Пустяки! Я сама получила громадное удовольствие, наблюдая процесс превращения куколки в бабочку. Смотри только, Царевна-лягушка, как бы твой Иван-царевич не подложил тебе какую-нибудь свинью! Знай себе цену и помни: ты – обалденно красивая, уверенная в себе, самостоятельная женщина, способная составить счастье любого мужчины, а их – миллионы, свет клином на твоём муже не сошелся!

Катя только улыбнулась в ответ, но это была уже не обычная робкая, смущенная улыбка вчерашней Кати. Нет, так могла улыбаться только женщина, не просто уверенная в своей исключительной красоте, а сознающая, что она – личность, индивидуальность, права которой никто не смеет попирать. Такой улыбкой сводила мужчин с ума сама Маша, такой улыбкой пленила три года назад Катиного мужа Ольга.

XI

До института добрались на такси, хотя Маша жила всего в трех кварталах. Невзирая на Катини протесты по поводу бессмысленной

траты денег, девушка решительно заявила, что она "не намерена месить грязь модельными туфлями на шпильке и подметать тротуар французским платьем за шестьсот баксов".

– Неужто и впрямь за шестьсот долларов?! – ахнула Катя.

Маша только пожала плечами в ответ.

Платье действительно поражало великолепием: по черному велюровому фону были разбросаны еще более черные пятна с направлением ворса в противоположную сторону. Создавалось впечатление, будто Маша облачена в шкуру пантеры. Этот шедевр парижских модельеров так облегал сверху донизу фигуру, что казалось, девушка не сделает и шага, но разрез на левой стороне юбки эффектно обнажал, чуть ли не до бедра, классически стройную ножку и успешно решал проблему передвижения. Помимо перечисленных достоинств, платье было столь глубоко декольтировано, что едва прикрывало роскошную грудь, которой позавидовала бы любая топ-модель. Дорогое старинное кольцо из "тигрового глаза" в серебре дополняло наряд, подчеркивая необычный цвет Машиных глаз. Но лучшим украшением, несомненно, были небрежно рассыпанные по

плечам тяжелые огненно-рыжие кудри. Маша была великолепна: ни дать, ни взять – вышедшая на охоту хищная кошка!

Перед входом в актовй зал решимость внезапно покинула Катю, и лихорадочное возбуждение, в котором женщина пребывала последние сутки, сменилось полным упадком сил.

Холодными пальцами она сжала руку подруги и прошептала едва слышно:

– Подожди!

Полный сочувствия взгляд Маши не требовал комментариев:

– Держись, Катюха! Страшно сделать только первый шаг. Сейчас ты произведешь фурор!

Вручение дипломов еще не началось, но все, видимо, уже были в сборе, и зал за закрытой дверью гудел, как потревоженный улей.

Нервным движением пальцев Катя оправила складки платья, свободно и изящно ниспадающие от бедер до самого пола, стыдливо скрывая ножки и, выставляя напоказ лишь носки элегантных туфелек (Машка одолжила – благо, размер ноги одинаковый). Спереди Катин наряд являл собой образец скромности: с длинным узким рукавом, закрытое под самое горло, платье выглядело бы, пожалуй, слишком просто, если бы не цвет и дороговизна материала. Но сзади... Бог мой, сзади! Сзади оно было декольтировано почти до талии! Обнаженная спина являлась на обозрение всем желающим.

На первой примерке, увидев оборотную сторону этой "медали" Катя ахнула:

– Но ведь его надо одевать на голое тело!

– Естественно! – невозмутимо прозвучало в ответ. – Застежка от лифчика выглядела бы здесь, по меньшей мере, странно!

Удивляться не приходилось – это был Машин стиль!

Но Катя, проходя через весь зал к сцене, где за длинным столом сидели преподаватели факультета и представители ректората, во главе с самим ректором, физически ощущала кожей спины любопытные взгляды и готова была провалиться сквозь землю от смущения и страха.

По мере продвижения женщин к сцене, гул голосов постепенно затихал. Восхождению по ступеням сопутствовало гробовое молчание зала.

Первым опомнился декан – протянув своим очаровательным сотрудницам обе руки, он помог им подняться на сцену и сдавленным от волнения голосом произнес:

– Екатерина Александровна! Позвольте выразить свое восхищение! ...У меня просто нет слов!

Дружное громовое "ура", вырвавшееся у семидесяти выпускников, три четверти которых принадлежало к "сильной" половине человечества, прервало изъявление чувств декана и было заглушено аплодисментами. Хлопали все: и студенты, и преподаватели, и приглашенные, и даже сам ректор.

– Что я тебе говорила?! – в Машинном шепоте ликовало само Торжество.

Румянец, нежным отсветом утренней зари заливший Катины щеки, сделал ее еще прекраснее.

Подруги заняли места за столом. На трибуну поднялся ректор и жестом попросил зал соблюдать тишину.

– Господа! – произнес он. – На этой оптимистической ноте поклонения Красоте позвольте наше собрание считать открытым. Я неоднократно слышал, что на биохимическом факультете работает самая очаровательная женщина университета. И что же я вижу?! Слухи оказались необоснованными: этот факультет обладает не одним, а сразу двумя бесценными сокровищами. Честь и слава прекрасным женщинам, не только вносящим свой вклад в науку, но и украшающим ее!

Громовые аплодисменты зала послужили ответом на эту тираду. После чего ректор произнес длинную и доволь-

но скучную речь, отвечающую поводу собрания и не отличающуюся ни новизной, ни оригинальностью, в конце которой попросил извинения у аудитории, что, невзирая на торжественность случая и приятное общество, вынужден их покинуть, поскольку "его призывают неотложные дела первостепенной важности". Затем передал слово декану факультета и удалился в сопровождении своей свиты.

Атмосфера в зале тотчас же стала непринужденней и уютней.

Речь главы университета Катя не слушала, в ушах у нее шумело от пережитого волнения, а взгляд был прикован к первому ряду партера, где сверкали восхищением и любовью антрацитово-черные глаза, завораживающие и заставляющие чаще биться сердце.

Появление на трибуне декана было встречено бурными овациями и восторженными криками молодежи. И в этих аплодисментах была не сдержанная вежливость и холодная дань уважения словам ректора, а искренняя горячая привязанность. Александра Васильевича на факультете любили все: от двоечника-первокурсника до заведующих кафедрами.

– Друзья мои, – тепло начал декан и замолчал на мгновение, собираясь с мыслями. – Я не буду сейчас рассказывать вам о вкладе биологов и химиков в развитие народного хозяйства. За пять с лишним лет учебы вы наслушались более чем достаточно подобных душевспасительных бесед. Я лишь хочу поздравить вас с окончанием университета и пожелать вам, дорогие мои ребята, здоровья, счастья и, конечно же, найти хорошую, интересную и высокооплачиваемую работу по специальности и по душе... А сейчас приступим к вручению дипломов! По традиции, первыми на эту сцену поднимутся обладатели красных дипломов, а их в этом году пятеро! Давно уже не было такого урожая отличников! Мы долго совещались, пытаюсь определить лучшего из лучших, студента... простите, теперь уже – дипломированного специалиста, – которому будет оказана честь пер-

вому получить документ о высшем образовании, и пришли к единодушному мнению: это – Стрельцов Андрей Антонович, дипломная работа которого вполне "дотягивает" до уровня кандидатской диссертации! Прошу вас, коллега! Убежден, вас ждет великое будущее, и вы, несомненно, внесете в науку свой неоценимый вклад!

Андрей легко поднялся по ступенькам – изысканно-элегантный в черной "тройке" в тонкую атласную полоску и, как обычно, безукоризненно белой рубашке. Только традиционный черный галстук сменила на этот раз такого же цвета атласная бабочка.

– Хорош паразит! Ох, хорош – дух захватывает! – слышался восторженный Машин шепот.

И действительно, если Катя стала признанной королевой праздника, Андрей, несомненно, был его королем. В вихре вальса, которым открылась неофициальная часть вечера, закружилась, возможно, самая красивая пара, которую видели стены этого зала за всю историю своего существования.

Андрей не стал рассыпаться в комплиментах, – его удивительные глаза поведали Кате все, о чем он думал и что чувствовал. Но во время танца парень так нежно и бережно держал ее в своих объятиях, словно опасался, что она растает, подобно сказочной фее.

– Они не льстят вам, – шепнул он ей на ухо, – вы и в самом деле – самая красивая!

– А Маша?! – простодушно спросила Катя.

– Маша? – Андрей бросил в сторону танцующей с деканом девушки пристальный взгляд, не выражающий, впрочем, особого восторга. – Да, Маша, безусловно, очень красива, – согласился он, – но...

– Но?! – с интересом переспросила Катя. Впервые ей приходилось слышать, чтобы при обсуждении Машиной внешности употреблялось это "но", да еще и произнесенное таким безразличным тоном.

– Но, – невозмутимо продолжил Андрей, – такой тип

красоты нравится далеко не всем мужчинам.

– Почему?! – изумилась Катя.

– Я объясню. Маша, бесспорно, исключительно красива, но ее красота лишена той хрупкости, того очарования, что присущи вам. Она – очень сильная, очень уверенная в себе женщина, из тех, что "коня на скаку остановит". К женщинам такого типа обычно тянутся мужчины, которым нужна нянька. Им приятно, когда о них заботятся, руководят ими, разумеется, если умная женщина делает это ненавязчиво. По существу, такие мужчины – страшные эгоисты, в большинстве своем слабохарактерные, поскольку боятся взять на себя ответственность за спутницу жизни.

Внезапно Катя подумала о своем муже.

– Хотя возможен и другой вариант, – ослепительно белые зубы сверкнули в мимолетной усмешке, – по-настоящему мужественные представители "сильной" половины человечества с несгибаемой волей и железным характером, считают для себя делом чести приручить такую прекрасную хищницу. Это невероятно льстит мужскому самолюбию! Но такие случаи единичны... Вот почему я получаю эстетическое удовольствие, глядя на Машу и подобных ей очаровательных женщин, но связать свою жизнь с такой пантерой – увольте! – Андрей мягко улыбнулся. – Вот вы – совсем другое дело...

– И что же я? – нарочито небрежным тоном спросила Катя, чувствуя, что краснеет.

– Вы пробуждаете в мужчине самые лучшие качества: вас хочется защищать, оберегать, вас хочется носить на руках и предупреждать все ваши желания. Ради вас тянет совершить какой-нибудь подвиг и просто творить добро. Ощущаешь потребность совершенствоваться, чтобы стать достойным вас...

По мере того, как он говорил, насмешливо-игривый тон исчезал, все серьезнее становилось лицо, и аспидно-черные глаза запылали адским пламенем. Катя, ощущая, что под этим магнетическим взглядом ее щеки пылают ничуть

не меньше, была уже не рада, что затеяла такой опасный разговор. К счастью, танец вовремя закончился и к ним подошли Маша с Александром Васильевичем.

– Катюша, надеюсь, ты не станешь возражать, если я уведу у тебя кавалера? Мне тоже хочется потанцевать с будущим светилом науки! Александр Васильевич не даст тебе скучать!

И хитрая бестия подхватила Андрея под руку, увлекая в водоворот нового танца.

– Окажите честь, Екатерина Александровна, разрешите вас пригласить! – отвесил галантный поклон декан.

– С удовольствием! – пожалуй, слишком уж поспешно согласилась Катя. Она готова была танцевать с самим Сатаной, только бы отделаться от Андрея и привести в порядок свои мысли и чувства.

Он, видимо, услышал ее слова – глаза его в последний раз полыхнули и вновь обрели свой обычный мягкий блеск и загадочную глубину, но в уголках чувственного рта притаилась насмешливая улыбка.

Вряд ли Маше когда-либо приходилось танцевать с партнером, который не сводит глаз с другой женщины. Однако это обстоятельство ее нисколько не обескуражило.

– Что, хороша Катюша?! – вкрадчиво спросила она.

– Да! – лаконично ответил Андрей, не меняя направления взгляда.

– Андрей! Андрюша-а! – Маша прикоснулась указательным пальчиком к его подбородку, заставив повернуть голову – Я хочу поговорить с тобой... по-дружески. Ведь мы друзья, не так ли?!

– Разумеется, – рассеянно кивнул Андрей, пытаюсь отыскать взглядом в толпе танцующих Катю.

– Да посмотри ты на меня, наконец-то! – рассмеялась Маша. – Ой, нет! Лучше не смотри! Глазищи у тебя чернее, чем небо в безлунную ночь!

Парень вежливо улыбнулся:

– О чем вы хотели поговорить со мной, Маша?!

– Скажи мне правду – ты ведь любишь Катю?! – без обиняков спросила девушка, наблюдая, как сползает с губ собеседника улыбка и каменеет красивое лицо.

Андрей ответил не сразу, видимо раздумывая, стоит ли продолжать этот разговор.

– Да, вы правы, – наконец сухо ответил он, и хрипотца в голосе слышалась отчетливей, чем обычно, – я люблю Катю. Но, насколько мне известно, она замужем...

– Она сейчас живет у меня, – прервала его Маша.

– Почему?!

– Это не столь важно, – грустно усмехнулась девушка, – но замужество и счастье – не всегда одно и то же. Хорошее дело браком не называют!

Но Андрею было не до шуток:

– Вы считаете... – нерешительно начал он.

– Я считаю, что пора перестать зыркать глазами и носить втихомолку букеты. Время вздохов прошло! Теперь ты должен действовать решительно, у нее как раз такой период в жизни, что... нет, я думаю, она сама объяснит, если посчитает нужным. Знаю только, что ты, пожалуй именно ты, мог бы дать ей счастье; и сам, благодаря ей, стать счастливым. Не смею проникать за завесу тайны, которой ты себя окружил, но впечатления человека, вполне довольного жизнью, ты не производишь...

– Возможно! – пожалуй, излишне резко оборвал ее Андрей, но смутить Машу было не так-то просто.

– Ты нужен ей! – продолжала она, как ни в чем не бывало. – Нужен, возможно, даже больше, чем она тебе. Хотя, вряд ли сама Катя это сознает!

– Но ее муж...

– Ее муж – ничтожнейший эгоист, не заслуживающий такое сокровище! – отрезала Маша. – Действуй! Завоюй ее! У тебя для этого есть все: молодость, привлекательность, ум, деньги... Только не забудь: Катька – Телец, а это – самый упрямый знак Зодиака!

– Я тоже – Телец, – улыбнулся Андрей.

Танец закончился. Декан с Катей уже направлялись к ним.

– Дерзай! – шепнула Маша. – Да поможет тебе Бог!

– Хотелось бы верить! – пробормотал парень.

Непринужденная болтовня с Александром Васильевичем, его мягкий, добрый юмор развеяли тревожное чувство, вызванное полупамятками Андрея. К Катиному облегчению, парень больше не провоцировал ее на такие разговоры, но был с ней мил, предупредителен и по-дружески нежен. Можно сказать, что этим вечером Катя была почти счастлива, если не считать гнетущей мысли о предстоящей операции, которая периодически выплывала из глубин подсознания, невзирая на все попытки отвлечься. В такие минуты на лицо набегала тень, и губы начинали едва заметно нервно подергиваться. Но тотчас же усилием воли она отгоняла от себя страшные видения и, разгоряченная танцами, шампанским и восхищенными взглядами мужчин, вновь окуналась в бурлящий водоворот молодого веселья и задора. Она звонко и заразительно смеялась шуткам декана, грациозной гибкой змейкой извивалась в танце с Андреем, который ревниво охранял свою даму от излишней назойливости студентов и молодых преподавателей, не давая им ни малейшего шанса пригласить Катю, и, вообще, была необыкновенно возбуждена, словно пыталась всем своим видом и поведением опровергнуть мрачно известную поговорку "Перед смертью не надышишься". Маша одна знала истинную причину этой неумной веселости и временами бросала на подругу тревожные взгляды.

Во время очередного танца Маша внезапно заметила в дверях Катиного мужа. Небритый и небрежно одетый, он имел весьма потрепанный вид. Несомненно, Костя высматривал в зале жену. Поспешно извинившись перед своим кавалером, девушка стремительно ринулась к выходу.

– Где моя жена?! – резко, почти грубо, без всякого вступления, рывкнул Костя.

– Что ты здесь делаешь?! – в тон ему отпарировала Маша.

– Маша, Катя здесь? – этот вопрос прозвучал уже более вежливо, но потемневшие, словно грозовая туча, глаза на осунувшемся, поросшем трехдневной рыжеватой щетиной лице, ничего хорошего не сулили.

– Костя, послушай меня, – как можно мягче начала Маша. Она презирала этого человека, но сейчас ради подруги готова была на все, – сегодня выпускной вечер, естественно, Катя тоже здесь...

В этот момент Костя разглядел жену, танцующую в объятиях Андрея и о чем-то оживленно беседующую со своим неотразимым кавалером. К счастью, она, увлеченная разговором, не заметила супруга. Маша испытала, поистине, дьявольское наслаждение, наблюдая, как Костины глаза, что называется, полезли на лоб от удивления, а лицо вытянулось так, что даже рот слегка приоткрылся. Девушка едва сдерживала смех, созерцая всю гамму чувств, обуревавших Катиного незадачливого "спутника жизни" и, словно в зеркале, отражающихся на его физиономии.

– Что с ней?! – наконец выдал он из себя. – Что она с собой сделала?!

– Она?! Насколько я знаю, это ты способствовал такому чудесному превращению! Синяк на лбу как-то нужно было замаскировать! – елейным голоском пропела Маша.

Этот ядовитый укус вернул Костю к действительности:

– А это что за фраер рядом с ней?!

– Да так, один бывший студент, – как можно небрежнее ответила Маша, бросив при этом в сторону танцующих многозначительный взгляд.

Последняя капля переполнила чашу терпения. Глаза новоявленного Отелло полыхнули ревностью, а лицо исказила судорога.

– Она домой собирается возвращаться?! – прорычал он, делая движение по направлению к Кате.

– Остановись! – теперь Машин голос звучал властно и жестко.

И Костя, действительно, остановился, пораженный столь резким тоном. В который раз эта самонадеянная девица напомнила ему Ольгу. Да, они обе, несомненно, принадлежали к одной породе женщин! Как он ненавидел эту красивую дрянь с желтыми кошачьими глазами! Ненавидел за то влияние, которое она оказывала на его жену; за то, что эта фурия так была похожа на женщину, которую он до сих пор любил и которая теперь где-то далеко, а эта – тут, рядом и одним своим видом будит воспоминания, терзающие и без того измученное сердце!

Маша крепко сжала свои тонкие, но цепкие пальцы на его запястье и стремительно увлекла Костю в коридор. А он, внезапно обессилев и растеряв всю свою решимость и злость, покорно поплелся за ней, словно кролик в пасть к удаву, загипнотизированный ее гневным презрительным взглядом.

– Собирается ли она домой?! – процедила Маша сквозь зубы. – Ты же сам сказал, чтобы она не возвращалась, пока не сделает аборт! Чудовище! Ты еще посмел читать ей лекции о "непозволительной роскоши"?! Вон отсюда! Убирайся! – девушка была вне себя от ярости, которую она, казалось, сдерживала лишь непостижимым усилием воли. – Ты изгадил ей всю жизнь, так не порть хотя бы сегодняшней вечер! Эта дура любит тебя, вот уж не знаю за какие такие достоинства! Никуда она от тебя не денется, не переживай! А сейчас – уходи, или я за себя не ручаюсь!

Костя глазам своим не верил: эта бестия и в самом деле была способна, по меньшей мере, вцепиться когтями ему в физиономию. Он всегда подсознательно боялся и избегал столь бурных сцен с женщинами подобного сорта.

– Передай ей, пусть не валяет дурака и возвращается домой! – растерянно пробормотал он и поспешил покинуть поле боя, впрочем, отчасти успокоенный фразой "Никуда она от тебя не денется!".

Маша несколько раз глубоко вздохнула, небрежным жестом поправила волосы и, приклеив на лицо одну из своих очаровательных улыбок, как ни в чем не бывало, царственной походкой вернулась в зал. Катя даже не заметила ее отсутствия.

Уже не в первый раз за сегодняшний день Катя чувствовала легкое головокружение и ноющую боль в сердце, но принципиально игнорировала эти грозные признаки приближающегося обморока. И вот сейчас перед глазами поплыл красно-черный туман, к горлу подкатила отвратительная тошнота, а сердце болезненно сжалось. Катя прикрыла глаза и всей тяжестью тела повисла на руке Андрея, тщетно пытаясь превозмочь приступ.

– Вы плохо себя чувствуете?! – участливо спросил парень, не давая Кате упасть, поскольку колени у нее уже начали подгибаться.

– Здесь очень душно... – едва слышно пролепетала несчастная.

– Сейчас мы выйдем на свежий воздух. Спокойно! Спокойно! Держитесь за меня. Не волнуйтесь, никто ничего не заметит!

Поддерживая бедняжку за талию, он буквально вынес ее из зала. Никто из присутствующих, действительно, не обратил внимания на эту сцену, за исключением Маши, которая не спускала с подруги глаз. Девушка хотела было вмешаться, но вовремя остановилась, справедливо полагая, что Андрей и сам справится как нельзя лучше и, возможно, постарается не упустить такой превосходный шанс.

В коридоре не было ни одной живой души. Притворив за собой дверь, Андрей подхватил Катю на руки и донес до дальнего окна в той части коридора, которая не освещалась, поскольку завхоз уже пару месяцев "менял" перегоревшую лампу. Там их никто не смог бы заметить. Парень осторожно опустил ее на подоконник, и она тотчас же прижалась влажным лбом к холодному стеклу, а Андрей тем временем

приоткрыл другую фрамугу. Порыв холодного ветра оказался лучшим лекарством. Катя жадно вдыхала свежий морозный воздух, вцепившись пальцами в оконную раму. Андрей бережно накинул ей на плечи пиджак, хранящий тепло его тела. Обнаженной спиной Катя ощутила это тепло и, уже окончательно придя в себя, зажмурилась от внезапно нахлынувшей нежности к этому взволнованному мальчику, в котором сейчас, пожалуй, впервые не было ничего загадочного.

– Вам уже лучше? – в голосе звучала неподдельная тревога.

– Да, Андрюша! Спасибо тебе! – Катя ласково улыбнулась парню.

– Ох, слава Богу! – он облегченно вздохнул. – Вы меня напугали... В зале, в самом деле, нечем дышать.

– Я не хочу туда возвращаться!

– Отвезти вас домой?

– Нет-нет! Только не домой! – непроизвольно вырвалось у Кати.

– А куда? – просто спросил Андрей.

Хороший вопрос! Действительно – куда?! Катя задумалась: вернуться в Машину квартиру и просидеть там одной до утра, наедине со своими мыслями и страхами, ожидая восхода солнца как приговоренный казнь? Нет! Одной оставаться нельзя, иначе она сойдет с ума! Но придумать, где можно провести остаток вечера и ночь, женщина не успела.

– Катя! Если я приглашу вас ко мне в гости? – Андрей говорил быстро, словно опасаясь, что она перебьет его решительным отказом. – Не подумайте ничего плохого! Выпьем кофе, поговорим, послушаем музыку... Потом я отвезу вас, куда захотите. Сегодня праздник, Катя! Не говорите "нет", прошу вас! Возможно, это наш последний вечер...

Он приглашает ее в гости?! Он приглашает ее! Если верить Машкиной "разведке" никто еще не достаивался этой чести. Побывать дома у Андрея... Заманчиво! Еще пару

дней назад она отказалась бы от этого предложения, но сейчас... Возможно, завтра, в это самое время, ее окоченевшее бездыханное тело уже будет лежать в морге, и это сердце, сейчас так лихорадочно бьющееся где-то в горле, не выдержав наркоза, замолчит навеки... Кто знает, что будет завтра?!

– Хорошо! Поехали! Только мне, наверное, нужно переодеться...

– Ни в коем случае! Вам так идет это платье! Накиньте пальто, я подгоню машину к парадному.

...На улице уже было темно; с безлунного низкого неба срывались редкие снежинки и серебрились в смоляных волнистых кудрях. Как он был красив и элегантен в своем черном "с иголки" костюме на фоне кроваво-красной "Феррари"! И как, должно быть, жалко и убого смотрелось ее старенькое пальтишко, наспех наброшенное на шикарный Машин подарок.

– Вы не пройдете здесь в ваших туфельках! – улыбнулся Андрей.

И Катя, не успев ни возразить, ни опомниться, оказалась в его объятиях.

– Держитесь за шею, а то растянемся оба! – и парень, бережно прижимая к груди свою драгоценную ношу, легко перешагнул через сугроб.

"Катя, Катя, что ты делаешь?!" – промелькнула мысль, но великолепная машина уже стремительно неслась по ночному городу.

XII

С замиранием сердца перешагнула Катя порог таинственного убежища, куда до нее "не ступала нога человека". Извечно женское любопытство боролось в ней со всевозможными страхами – порождением разыгравшейся фантазии.

Она чувствовала себя женой Синей Бороды, входящей в запретную комнату. Но Андрей включил свет, и оказалось, что картина, открывшаяся Катиному взору, вряд ли могла поразить даже самое пылкое воображение. Обыкновенная квартира, по всей вероятности двухкомнатная; довольно скромная, если не сказать бедная, обстановка, за исключением разве что магнитофона на столе – уж на что Катя не разбиралась в технике, но и она сразу определила, что вещь эта не из дешевых. В комнате царили чистота и порядок, весьма положительно характеризую по-стояльца этих дешевых апартаментов.

Андрей перехватил разочарованный взгляд Кати:

– Прошу извинить за убожество, – лукаво усмехнулся он, – но квартиру я снимаю вместе с мебелью, а лично мне в этой комнате принадлежит только это.

Он прикоснулся рукой к магнитофону, и оттуда полилась тихая нежная мелодия. Кате не приходилось слышать ее раньше, но что-то она ей напомнила, что-то далекое и милое сердцу.

– Располагайтесь! Я сейчас... – радушно пригласил Андрей и исчез в коридоре.

Катя боязливо присела на краешек дивана. Не сгибая спину, стиснув колени и нервно сплетя пальцы, она затравленно озиралась вокруг. Сейчас только до нее начала доходить вся опрометчивость совершенной ею глупости: она сидит поздним вечером в чужой квартире в каком-то отдаленном, Богом забытом районе города, откуда она понятия не имеет как выбраться, наедине с молодым, судя по горячечному блеску глаз, весьма темпераментным мужчиной, о котором она, в сущности, совершенно ничего не знает. Катя ужаснулась своему положению!

Но тут в комнату вернулся Андрей с запотевшей бутылкой шампанского и двумя бокалами. Окинув удивленным взглядом Катину напряженную позу, он внезапно весело по-мальчишески расхохотался и буквально упал в кресло напротив.

Несмотря на всю щекотливость ситуации, Катя тоже невольно улыбнулась, столь заразителен был этот смех.

Впервые за полгода она наконец-то услышала, как Андрей смеется.

А тот, все еще усмехаясь и вытирая выступившие слезы, сказал:

– Екатерина Александровна! Можете облокотиться на спинку дивана! Бог ты мой, как вы меня, оказывается, боитесь! Успокойтесь, я не употребляю в пищу молодых очаровательных женщин!

Сказано это было таким тоном, что теперь настал Катин черед смеяться. Все страхи, как рукой сняло, и, облегченно вздохнув, женщина удобно устроилась в уголке дивана.

А Андрей, перегнувшись через журнальный столик, взял ее озябшие от волнения пальцы в свои большие теплые ладони и теперь уже совершенно серьезно сказал, глядя прямо в огромные изумрудные глаза:

– Прошу вас, Катя, не обижайте меня недоверием! Клянусь, я этого не заслуживаю, по крайней мере, по отношению к вам. Если вы помните, я уже говорил, что скорее

соглашусь умереть, чем причину вам хоть малейшее зло!

И не давая ей времени что-либо ответить, мгновенно изменив тон, весело воскликнул:

– А сейчас мы с вами выпьем настоящее шампанское – французское – изготовленное лучшими виноделами провинции Шампань.

Отпив глоток, Катя зажмурилась от удовольствия. Вот уж, действительно, напиток богов! Ничего подобного ей не приходилось пробовать.

– Понравилось?! – скорее констатировал факт, чем спросил Андрей, наблюдая за процессом дегустации. – Еще бы! Его даже сравнивать нельзя с тем, что было сегодня на вечер! По существу, все эти, так называемые, "шампанские" – ни что иное, как газированные виноградные вина, а по праву носить это громкое название достойно лишь то, что мы с вами пьем сейчас... Я прихватил из дому пару бутылок для особого случая... Мне кажется, сейчас именно такой случай!

– Вы живете на юге Франции, мосье?! – насмешливо спросила Катя.

– Не совсем, – уклончиво ответил парень, улыбкой давая понять, что оценил шутку, и тут же перевел разговор на другую тему.

– Вы, кажется, разочарованы моим жилищем?! Не смущайтесь, ради бога, я прекрасно осведомлен, что на факультете ходят упорные слухи о моем фантастическом богатстве и некоем таинственном замке, в котором я обитаю. Этакий граф Монте-Кристо... Как видите, они сильно преувеличены, на самом деле все гораздо проще! Да, я действительно, к счастью, не испытываю недостатка в деньгах и мог бы, при желании, снимать номер "люкс" в пятизвездочном отеле... Но меня гораздо больше устраивает эта тихая, скромная квартирка, которую за время моего пребывания здесь никто кроме вас не посещал.

Катя молча с интересом слушала. На языке у нее вертелись сотни вопросов, но стоило ли их задавать, если отве-

том будет лишь вежливая улыбка или шутка, в зависимости от того, что сочтет более уместным этот Мистер Икс. Оставалось лишь жадно ловить каждое его слово в практически несбыточной надежде, что рано или поздно завеса тайны, окружающая Андрея, наконец, приоткроется.

А тот, тем временем, своей легкой бесшумной походкой дикого зверя, направился в другой конец комнаты, где выдернул из розетки вилку калорифера. В квартире, и впрямь, становилось жарко.

– Я – существо, честно говоря, довольно изнеженное, – улыбнулся он, – холод не переношу совершенно. А власти вашего города, видимо, решили приучить население жить в условиях вечной мерзлоты, поэтому пришлось обзавестись обогревателем, но даже для меня здесь сейчас жарковато... Вы позволите?

Он снял пиджак, а затем и жилет, оставшись в рубашке с бабочкой, но вскоре и бабочка легла на спинку кресла рядом с другими деталями костюма. Катя, затаив дыхание, не могла отвести глаз от наглухо застегнутого воротничка. Андрей ухмыльнулся и расстегнул верхнюю пуговицу. Катино сердце, раздираемое любопытством, пропустило один удар. За первой пуговицей последовала вторая, но... этим все и ограничилось. На стройной бронзовой шее она смогла разглядеть лишь витую, в полпальца толщиной, видимо серебряную, цепочку, под тяжестью какого-то кулона уходящую за пределы досягаемости взгляда. На губах Андрея играла сардоническая улыбка. Ясно было, что он забавляется своей гостьей, как кошка мышью, специально дразня любопытство. Катя разозлилась – что, в самом деле, позволяет себе этот мальчишка?!

Андрей заметил, что она обиделась, и тотчас же пошел "на мировую":

– Еще шампанского? – голос звучал мягко и даже слегка виновато.

– Спасибо! – не совсем вежливо буркнула Катя.

– Спасибо – да или спасибо – нет?!

Катя с вызовом поглядела на парня, стараясь придать взгляду пренебрежение, но тут же опустила глаза. Нет, он нисколько не издевается – просто спрашивает, и глаза у него сейчас какие-то грустные, чтобы не сказать, несчастные.

– Спасибо – да! – Катя ласково улыбнулась ему, с удовольствием заметив, как осветила эта улыбка его помрачневшее лицо.

– Бог ты мой! – внезапно воскликнул Андрей, шутливо хлопнув себя ладонью по лбу. – Какой же я дурак! Вы же, наверное, есть хотите!

– Нет-нет! Я не голодна! – поспешно воскликнула Катя, приходя в ужас от одной мысли, что сейчас ее попросят встать к плите "помочь".

– Конечно же, хотите! Я и сам, буквально, умираю от голода! Послушайте музыку или включите телевизор, чтобы не скучать, а я сейчас приготовлю спагетти.

– Спасибо, Андрюша, не надо! Я не люблю... макароны! – вырвалось у Кати.

– Что вы не любите? – парень удивленно взглянул на нее, видимо не понимая, о чем идет речь, и внезапно рассмеялся: – Не бойтесь, я обещаю, что на "макароны" это похоже не будет.

– Тебе помочь? – сдалась Катя.

– Обижаете, Екатерина Александровна! Я пока что сам в состоянии с эти справиться, кроме того, готов поспорить, что вам не удастся приготовить так, как это сделаю я.

Кате было дико это слышать. Такие понятия, как "мужчина" и "кастрюли" как-то не вязались в ее сознании – результат двенадцатилетней семейной жизни.

– Ты что же, сам себе готовишь? – восхищенно воскликнула она.

– Естественно! – с некоторым удивлением ответил Андрей, словно это было нечто само собой разумеющееся. – А также стираю и убираю и нисколько не считаю, что это каким-то образом унижает мое достоинство... Не скучайте! Я мигом! Можно, конечно, приготовить пиццу, но это будет

долго, и я рискую уморить голодом мою очаровательную гостью. Поэтому пойдем по пути наименьшего сопротивления. Надеюсь, мои кулинарные способности вас не разочаруют!

Через полчаса они, весело и непринужденно болтая, уплетали неимоверно длинные и столь же вкусные спагетти под каким-то диковинным соусом, рецепт которого Андрей наотрез отказался дать, со смехом заявив, что это – "секрет фирмы". Потом они пили кофе, над которым парень долго колдовал, что-то подсыпая в него из разных пакетиков – опять-таки, "секрет фирмы".

– Вкусно! – улыбнулась Катя, отпивая глоточек.

– В Италии говорят: "Кофе должен быть черный, как ночь; горячий, как пламя и сладкий, как любовь!"

– Ты был в Италии? – осторожно спросила Катя.

– Был! – и не оставляя ей времени для следующего вопроса: – Разрешите вас пригласить на танец?!

И вот уже Катя, слегка захмелевшая от шампанского и уделяемого ей внимания, оказалась в его объятиях под чарующую музыку Средиземноморья (как только парень упомянул об Италии, она сразу же поняла, откуда эти восхитительные мелодии). Его рука как бы ненароком дотронулась до обнаженной спины, кончики пальцев нежно скользнули вдоль позвоночника вниз – туда, где начиналось (или заканчивалось?) злополучное декольте, на мгновение замерли в нерешительности, вновь медленно двинулись вверх к затылку и запутались в густых шелковистых волосах, ласково перебирая пряди.

От его прикосновения огненная волна прокатилась по спине, и, едва сдерживая стон наслаждения, готовый помимо воли сорваться с губ, Катя попыталась высвободиться из этих страстных объятий, сознавая, что еще секунда – и она сама обовьет его шею и прильнет к широкой груди, вздымающейся от учащенного дыхания в слишком уж опасной близости от ее готового ответить на ласки тела. Но вот уже другая рука, ласково проведя по щеке, бережно приподняла

ее голову за подбородок, заставляя заглянуть в черную бездну мерцающих глаз.

– Ты прекрасна! – шепнул он едва слышно. – Я люблю тебя!

Катя тонула в этих расширенных бездонных зрачках, не в силах отвести взгляд. Его полуоткрытые губы были так близко, что два дыхания смешивались, переплетались, окутывая их волнующей аурой. А проклятые итальянцы все пели и пели что-то такое, от чего хотелось плакать и смеяться одновременно, и, казалось, не будет конца этой песне.

– Я люблю тебя, Катенька! – беспрестанно повторял он, и с каждым разом все большей страстью дышали эти четыре слова.

– Нет! – нашла в себе силы простонать Катя, вряд ли сама понимая, какой именно смысл хочет вложить она в это не слишком-то решительное отрицание.

– Да! Да. Да...

Она закрыла глаза, чтобы не видеть этой сладостной манящей пропасти в ореоле таких же жгуче черных, удивительно длинных ресниц. Ее влажные губы невольно приоткрылись и, тотчас же их обжег восхитительный поцелуй, от которого перехватило дыхание, и закружилась голова. И вот уже она, погрузив пальцы в его смоляные кудри (какие же они оказались мягкие!), словно поплыла на волшебных волнах под дивную музыку любви, трепетно отвечая на его поцелуи со всей невостреманной доселе нежностью и страстью.

Его уверенные ловкие пальцы как-то незаметно успели расстегнуть крошечную пуговичку сзади на шее. Жадные, лихорадочные, но, вместе с тем, умелые поцелуи уже впиваются в обнаженные плечи, причиняя неизъяснимое, почти мучительное, наслаждение. А в секундных перерывах между поцелуями обжигает грудь жаркий шепот:

– Катенька! Любовь моя!

Неукротимый зов плоти, древний, как само Челове-

ство, затмевает рассудок, сметая хрупкие преграды скромности и моральных принципов. Так река в половодье, выйдя из берегов, стремительно несется к морю, разрушая на пути плотины, создаваемые Человеком в безуспешном тщеславном стремлении подчинить своей воле разбушевавшуюся стихию.

Когда они успели оказаться на диване?! Катины руки непроизвольно потянулись к пуговицам его рубашки... Но внезапно парень вздрогнул от этого прикосновения и отпрянул, нарушая очарование сладостного безумия.

– Что случилось?! – шепчет Катя, приходя в себя.

– Ничего! Ничего, милая... – вопрос сливается с ответом и тонет в поцелуе, и Андрей где-то там, за спиной у Кати, смахивает с журнального столика настольную лампу, погружая комнату в спасительный для обоих мрак.

Его сухие горячие ладони ласкают обнаженные плечи, а губы бережно, едва касаясь, скользят по грациозной шее от бархатистой мочки уха вниз к тонким, по-детски трогательно хрупким, ключицам и ниже, ниже к прелестному совершенству изнывающей от желания и восторга груди, все еще каким-то чудом прикрытой таким ненужным сейчас платьем; а трепещущий кончик языка вырисовывает на шелковисто атласной коже замысловатые узоры нежности, любви и страсти. Тоненькая ниточка сознания, все еще удерживающая Катю на краю пропасти, сулящей неизведанное доселе наслаждение, готова вот-вот оборваться.

– Доверься мне, родная, – шепчет он, – я подарю тебе волшебный мир любви, я сделаю тебя счастливой...

И глаза его мерцают во тьме... или это свет фонаря, падающий сквозь неплотно прикрытую штору, отражается в аспидно-черных зрачках? Как все иллюзорно и фантастично во мраке! Расплываются четкие контуры, и становится невозможным определить грань между реальностью и вымыслом... И уже не остается места самобичеванию и угрызениям совести, когда вырастают за спиной крылья, и ты то взмываешь к головокружительным высотам страсти, то низ-

вергаешься в не менее упоительную бездну!

– Ты – моя! Я никому тебя не отдам!

Ну зачем, зачем он это сказал?! Как удалось ему слово в слово повторить фразу, сотни раз слышанную ею от мужа?! Подобно взрыву громыхнули эти слова в ее затуманенном сознании, причиняя почти физическую боль, и мгновенно из глубин памяти всплыло другое лицо, пусть не столь красивое, зато близкое и родное, давно изученное до мельчайших черточек – от насмешливой улыбки из-под пшеничных усов до крошечных морщинок под васильковыми глазами...

И вот уже, очнувшись от сладостного наваждения, Катя уперлась ладонями в широкие плечи и тихо, но решительно сказала:

– Хватит! Отпусти меня, слышишь?! Я не хочу этого!

Ошалевший от неожиданности Андрей разжал руки; она тотчас же выскользнула из объятий и подошла к окну в дальнем конце комнаты, пытаясь прийти в себя.

– Катя! – внезапно раздалось за спиной, и взволнованное горячее дыхание обожгло затылок. Что за дурацкая манера бесшумно передвигаться! – Катя! Ради Бога! Чем я обидел тебя?! Что я сделал не так?!

В хриплом срывающемся шепоте как никогда отчетливо слышен странный акцент. Его ладони легли на плечи и легонько ласково сжали их.

Катя резко дернула плечом:

– Отпусти меня!

Он развернул ее лицом к себе, пытаясь заглянуть в глаза:

– Объясни мне, что произошло! Катенька, я же люблю тебя!

– "Люблю" и "хочу" – разные вещи! – с досадой ответила Катя, злясь больше на себя, чем на него.

– А-а! Вот оно что! – протянул Андрей, убирая руки. – Да! Хочу! Я хочу тебя! – внезапно выкрикнул он. – Было бы безумием утверждать обратное! Но не это главное, пойми!

Я действительно люблю тебя! Почему ты не веришь мне?! Почему, Катя?! Зачем ты пытаешься изобразить меня таким монстром-насильником?! Разве тебе было плохо со мной?!

Кате стало жаль парня:

– Андрюша! – мягко сказала она. – Дело не в тебе! Ты же знаешь, что я замужем...

– Замужество и счастье – не всегда одно и то же!

Катя едва заметно улыбнулась во тьме, уловив в его ответе Машкины интонации – эта вездесущая и тут успела!

– Счастлива я или нет – не имеет значения! У меня есть семья и я не собираюсь становиться твоей любовницей! – мягко, но уверенно сказала она.

– А кто говорит о любовнице?! Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

– А меня ты спросил: я хочу стать твоей женой?! – насмешливо спросила Катя. – Ты с ума сошел! Посчитай насколько я старше!

– Глупости! Бог мой, какие глупости ты говоришь! Да, я сошел с ума! Полгода назад, когда ты налетела на меня с полным подносом пробирок... Помнишь? Я сошел с ума, когда увидел твои изумрудные глаза, твои прекрасные губы! Если бы ты знала, как мне хотелось тогда ощутить их вкус! Катя! Никогда, ни одну женщину я не любил так! Клянусь, я сделаю тебя счастливой! Любое твоё желание, любой каприз будут исполняться, не успеешь ты еще подумать об этом!

– Я не продаюсь, Андрей! – попыталась спрятаться за нарочитым цинизмом Катя.

– Не то, не то ты говоришь, Катенька! – простонал парень. – Я знаю, что чувство нельзя купить, вижу, что ты не любишь меня! Но я, я буду любить, и, поверь, этой любви хватит на двоих! Я дам тебе все, чтобы ты была счастлива...

– Ты опять о деньгах?!

– Да! И о деньгах тоже! И не надо так презрительно усмехаться! Деньги – это свобода, это независимость, это

возможность жить, а не прозябать. Ты – удивительно красивая женщина! Ты создана для любви, для роскоши, а не для того чтобы...

– Довольно! – резко оборвала она его. – Не нужно читать мне нотации! У меня есть сын, который боготворит своего отца, и, даже если бы я любила тебя, я не имею никакого права разрушать жизнь собственного ребенка! Когда у тебя будут свои дети, ты поймешь, о чем я сейчас говорю!

Андрей, не отвечая ни слова, подошел к выключателю; под потолком вспыхнул яркий свет, ослепив на мгновение. Женщина невольно зажмурилась.

– Катя! – услышала она тихий, внезапно изменившийся голос, в котором теперь таилась такая боль, что у нее сжалось сердце. – Посмотри мне в глаза, пожалуйста! Ответь мне на один вопрос, всего на один: ты любишь своего мужа? Но умоляю, скажи правду!

Она нашла в себе силы взглянуть в его лицо. Если бы страдание могло кричать, комната огласилась бы мучительным предсмертным воплем, вырвавшимся из аспидно-черной, сжигаемой адским пламенем бездны. Катя не стала разбираться в вихре нахлынувших на нее чувств, опасаясь обнаружить там то, что помешало бы ей выполнить свой долг. Зрачки ее на мгновение дернулись и метнулись в сторону, пытаясь уйти от гипнотических лучей, и она едва слышно, но твердо прошептала:

– Да, я люблю его! – свято веря, что в этот момент она не лжет сама себе.

Душераздирающий стон послужил ответом на ее признание. И Катя поняла, что сейчас она вынесла окончательный приговор им обоим. Вопрос только – что в этом приговоре?! Парень молча сел на диван, уронив голову на переплетенные пальцы. Сердце у Кати разрывалось при виде этого безмолвного горя, но ничего уже нельзя было исправить.

Наконец, не меняя положения, Андрей заговорил:

– Ну, вот и объяснились! – голос звучал глухо. – Я

чувствовал, что именно этим все и закончится... Не волнуйся, я не стану докучать тебе. Через несколько дней я уеду.

– Как же аспирантура? – осторожно спросила Катя.

– В мире достаточно учебных заведений по этой специальности... Прости, но гуманнее, когда смертельным оказывается первый выстрел. Если я останусь здесь, каждый день встречая тебя в институте, мне будет слишком больно... а тебе, должно быть, неприятно. Поэтому, лучше уж рубить сразу!

Что можно было возразить на это?! Выразить сожаление, что все так получилось? Глупо и банально!

Неловкое молчание затягивалось, становилось осязаемым, все более сгущаясь и нависая над ними свинцовой тучей. Лишь неведомый итальянский певец все пел и пел о любви, а магнитофон с реверсом услужливо перематывал пленку.

– Какой певучий итальянский язык, – наконец произнесла Катя. Нужно же было хоть что-то сказать, чтобы разорвать эту гнетущую тишину.

Андрей неожиданно поднял голову:

– Тебе нравится?

– Да, очень! – смущенно улыбнулась Катя. – Но, к сожалению, я ни слова не понимаю.

– Это очень старая неаполитанская песня. Рыбак, уходящий в море, клянется своей девушке в вечной любви и обещает скоро вернуться. Но поднимается буря, и утлая лодочка тонет... Рыбак не смог сдержать своего обещания, но бедная девушка все ждет и ждет своего любимого, каждый вечер приходя на берег моря...

– Какая красивая и грустная песня... Откуда ты знаешь итальянский?

– Я родился в Неаполе, Катя, и прожил там почти шестнадцать лет. Моя родина – Италия.

Катя не могла опомниться от изумления! Так вот откуда этот оливковый цвет кожи, эти удивительные глаза, этот мягкий певучий акцент!

– Ты – итальянец?! Не может быть!

Андрей невесело рассмеялся:

– Ты опять мне не веришь?!

– Но твое имя, фамилия? Как ты оказался здесь? Кто ты?!

– Боже мой, как много вопросов! – парень усмехнулся и внезапно спросил: – Хочешь, я расскажу тебе сказку?!

И Катя поняла, что от разгадки тайны этого удивительного человека ее отделяют считанные минуты.

ХIII

– Сказку?! – удивленно переспросила Катя.

– Да, сказку. Увлекательную и захватывающую – это я гарантирую, но в отличие от обычных сказок, в моей Добру

не хватило сил одержать победу над Злом, – парень горько усмехнулся. – Впрочем, сказка-то еще не дописана... Ох уж это женское любопытство! Слушай, Катя, слушай сказку! Видишь, я оказался прав, предположив, что это наш последний вечер. Вот уж, что называется, накаркал! Почему бы мне не рассказать тебе все?! Почему бы не раскрыть тайну седой пряди, черного костюма и наглухо застегнутой рубашки?! Ведь завтра ты меня уже не увидишь... Поэтому, я могу позволить себе роскошь быть откровенным. Единственное, о чем я прошу тебя, не стоит никому пересказывать мою сказку, даже Маше... особенно Маше! Хорошо?!

Катя, заинтригованная этим вступлением, лишь молча кивнула в ответ.

– Итак, – со странной усмешкой продолжал Андрей, –

как там обычно начинаются сказки? "В некотором царстве, в некотором государстве жил да был...", не так ли? Будем соблюдать традиции! Слушай! ... Четверть века назад в Италии, а если быть более точным, в Неаполе жил да был один человек! Звали его Антонио Моретти. Был Антонио не так, чтобы очень молод, но еще совсем не стар; не так, чтобы слишком богат, но вовсе не беден; не сказать, чтобы гениален, однако, далеко не глуп... Отца своего Антонио почти не помнил, мать отошла в лучший мир достаточно давно, а братьями и сестрами Господь Бог Антонио обделил, что, впрочем, не особенно огорчало нашего героя, поскольку после смерти родителей небольшая пиццерия перешла в его безраздельное пользование. Благодаря деловой хватке, госпоже Удаче, а также паре-тройке благополучно прокрученных авантюр, вскоре к одной пиццерии прибавилась другая, уже посolidней, а затем – и маленький ресторанчик. Предприятия эти приносили неплохой доход, обеспечивая своему владельцу и его семье весьма приличное существование. Да, я, кажется, забыл сказать, что синьор Антонио был женат! Жена его, синьора Клаудиа Моретти, была одной из самых красивых женщин Неаполя, а, возможно, и всей Италии. Бывшая манекенщица и фотомодель, в дни своей юности, Клаудиа не отличалась кротким нравом и добродетельностью, однако, выйдя замуж за Антонио, со временем стала почтенной матроной, не утратив при этом своей красоты. Надо заметить, что сам синьор Моретти был мужчина видный и весьма привлекательный, никогда не страдавший от недостатка женского внимания... В Италии обычны большие семьи, но синьора Клаудиа, каким-то образом обходя запрет католической церкви на применение противозачаточных средств и аборты, решила не портить великолепную фигуру частыми родами. Посему у четы Моретти был всего один ребенок – необыкновенно красивый мальчик, умудрившийся совместить в своей внешности все самое лучшее, что было у отца и матери. Звали его Сальваторе... Жила семья в очень милом и уютном особнячке, из окон которого

открывалась величественная панорама Везувия...

– Как видишь, синьор Моретти не вправе был жаловаться на Судьбу. Он имел все, чтобы стать счастливым, да он и был счастлив, или, во всяком случае, спокоен и благополучен, до тех пор, пока... пока изменчивой Судьбе не захотелось подшутить над своим баловнем... В один прекрасный день Антонио поехал на недельку в Рим, то ли по делам, то ли просто скуки ради – особого значения не имеет. Вот там-то, в самом сердце Италии, судьба и преподнесла ему удивительный подарок – случилось так, что Антонио познакомился с одной девушкой. Девушку звали Наташа, ей было всего семнадцать лет, и была она дочерью одного из работников посольства Советского Союза. Светлые, платинового отлива волосы, бездонные серые глаза и матовая белизна кожи поразили воображение пылкого итальянца. Русская красавица тоже не осталась равнодушна к достоинствам потомка античных героев. Чувство, мгновенно вспыхнувшее между ними, сравнимо было разве что с извержением Везувия! В одно мгновение Антонио понял, что вся его жизнь до встречи с Наташей – лишь прелюдия к счастью. Его уже ничто не могло остановить: ни семья, ни долг, ни весьма существенная разница в возрасте – новоявленный Ромео был ровно в два раза старше своей Джульетты. Но разве для любви существуют преграды?! И синьор Моретти зачастил в Рим. Недаром сказано: "Смелость города берет!", вскоре Антонио познакомился с родителями Наташи и стал лучшим другом ее отца, который был старше нашего героя всего-то на шесть лет. Несчастный дипломат даже не догадывался, что "пригрел на своей груди" человека, который послужит причиной полного краха его дипломатической карьеры.

– Неизвестно, сколько бы времени продолжался этот тайный роман (влюбленным великолепно удавалось сохранять инкогнито), если бы в один прекрасный день Наташенька, со слезами на глазах, не призналась своему пылкому возлюбленному, что она ждет ребенка. Это послужило

последней каплей в чашу решимости Антонио изменить свою жизнь. Он решил уйти от жены! Но это было не так-то просто сделать. Синьора Клаудиа быстро дала свое согласие на развод, поскольку самым веским аргументом Антонио стали ресторан и пиццерия, обещанные экс-супруге. Чего только не сделаешь для счастья бывшей жены, чтобы обезопасить собственное! Кроме того, синьора даром времени не теряла и, пока муж развлекался в Риме, нашла себе неплохое утешение в лице одного преуспевающего адвоката. Супруги оказались квиты и готовы были расстаться безо всяких скандалов. Итак, с Клаудией проблем не было. Она была согласна, она... но не католическая церковь! Римский Папа дал согласие на разводы всего какой-то десяток лет назад, а до этого времени убедить Ватикан расторгнуть брак было весьма сложно. Расставшись, Клаудиа и Антонио "перед лицом Господа нашего" еще долгие годы оставались мужем и женой. А время подгоняло, и наш герой решил объясниться с отцом своей возлюбленной. Андрей Николаевич был шокирован этим признанием и выгнал "лучшего друга", применив при этом чисто русские и совсем не дипломатические выражения, а дочь посадил "под замок", взяв таймаут для обдумывания сложившейся ситуации. Однако Наталья Андреевна оказалась во имя любви способна на решительные действия. Однажды утром окно ее комнаты на втором этаже оказалось открытым, а веревка из порезанных простыней красноречиво объясняла способ бегства. Записка, оставленная беглянкой, гласила примерно следующее: "Дорогие папочка и мамочка, простите, если можете! Я так люблю Тони, и он меня тоже очень любит! Я без него не могу жить! Прощайте!". На основании этого сумбурного послания можно было сделать два вывода: то ли девушка сбежала к своему соблазнителю, то ли, чтобы покончить с собой. Так или иначе, в посольстве разгорелся ужасный скандал! Андрей Николаевич был срочно отозван на Родину и позорно изгнан из коммунистической партии, а заодно и из рядов дипломатического корпуса. Спасибо, что хоть не

посадили! Из, ставшей теперь запретной, Москвы он переехал в Ленинград вместе с безутешной женой, где они благополучно проживают по сей день.

– А беглянку так и не нашли! Все допросы Антонио Моретти ни к чему не привели: он клялся всеми святыми, что понятия не имеет, куда подевалась русская девушка, и очень натурально рыдал, высказывая предположение, что несчастная бросилась в море. У синьора Моретти были весьма влиятельные друзья, и его вскоре оставили в покое. А там и Наташа появилась, жива и здорова.

– Не стоит рассказывать, сколько трудностей пришлось преодолеть влюбленным, сколько потратить времени, сил и денег, чтобы решить проблемы развода, брака и Наташиного гражданства. Этот сюжет уже не для сказки! Важно, что они, наконец-то, были вместе и были счастливы.

– Спустя положенное время, Наташа родила мальчика, которого назвали в честь дедушки Андреем. По-итальянски это имя звучит как Адриано... – парень отвесил шутливый поклон. – Разрешите представиться! Адриано Моретти – сын итальянского бизнесмена Антонио Моретти и дочери русского дипломата Натальи Стрельцовой!

– Непостижимо! И впрямь, как в сказке! – улыбнулась Катя.

– Да, история моего появления на свет весьма романтична. Но я продолжу... Отец вынужден был начинать с начала не только в личной жизни, но и в бизнесе. Фактически, в тридцать пять лет, он остался с тем, с чего начинал в восемнадцать – маленькая пиццерия в одном из самых живописных уголков Неаполя. Ему вновь пришлось самому встать к плите, а Наташе – за барную стойку. Но Фортуна и тут не оставила своего избранника – спустя четыре года "империя Моретти" насчитывала уже три ресторана, около десятка кафе и шикарное казино. Молодая жена принесла не только счастье, но и удачу – синьор Моретти уже входил в число самых богатых людей города. Его старший сын Сальваторе, не найдя общий язык с отчимом, переехал в дом от-

ца и вскоре, несмотря на молодость, стал его правой рукой. Отец с сыном превосходно ладили друг с другом, возможно поэтому, Сальваторе так спокойно и безболезненно воспринял развод родителей и очень скоро подружился со своей юной мачехой, которая была старше пасынка всего-то на три года...

– Потом родилась Юлия. В отличие от меня, сестра оказалась точной копией матери – она была такая беленькая, что невозможно было даже предположить, что в ней течет итальянская кровь. Мать была всецело поглощена малышкой, отец – делами, а я оказался предоставлен самому себе, точнее, гувернантке, которой до меня было ровно столько дела, насколько это оправдывало ее жалование. Не знаю, что бы из меня получилось, если бы не Сальваторе. Фактически, именно брат занимался моим воспитанием. Чтобы ты не утруждала себя арифметическими операциями, скажу, что к моменту рождения нашей сестренки, мне было пять лет, а Сальваторе уже двадцать. Не подумай, ради Бога, что я жалуюсь! Родители меня любили, разумеется, просто младших всегда любят больше... да Юльку и невозможно не любить! Я все это рассказываю тебе лишь для того, чтобы ты поняла, как много значил для меня брат. С пеленок я воспитывался в двух культурах – итальянской и русской, в совершенстве овладев обоими языками. Не очень-то просто определить, кто ты, когда в тебе текут две таких разных крови. Не знаю, заслуга это или вина Сальваторе, но именно благодаря ему я осознал, что я – итальянец. Моей Родиной была и навсегда останется милая сердцу Италия. Мне очень неуютно в России! Эти снега, эти морозы! Боюсь, что я не только внешне очень мало похож на мать... Но мы несколько отклонились от основного сюжета сказки!

– Итак, как я уже сказал, воспитывал меня брат. Если бы ты только знала, какой удивительный это был человек! Казалось, не было ничего такого, чего бы он не знал и не умел! Это он, а не отец, научил меня плавать и стрелять из пистолета и винтовки, это с ним мы лазили по отвесным

скалам, не раз, находясь на волосок от смерти, это он научил меня приемам карате и фехтованию, верховой езде и вождению машины. Сам Сальваторе не однажды участвовал в автогонках и водил машину, как бог. Машины были его слабостью! Свой первый автомобиль брат собрал сам из частей, позаимствованных на автомобильных свалках. В детстве мальчишки ищут себе кумира – образец для подражания. Для меня этим кумиром стал Сальваторе! И кто же виноват, что в один прекрасный день отец обнаружил, что для меня авторитет брата гораздо выше его собственного авторитета?!

– Только не подумай, что Сальваторе был таким праведным ангелом! Боже упаси! Как и у каждого человека, у него были свои недостатки: не единожды я видел своего кумира в стельку пьяным или окровавленным, после какой-нибудь драки. Один раз даже он чуть было не угодил в тюрьму. Какие-то подонки на улице приставали к женщине – разве Сальваторе мог спокойно пройти мимо?! Завязалась драка, сверкнули ножи (брат тоже всегда носил с собой нож, а потом уже пистолет), и в этой потасовке он пырнул одного из мерзавцев... Этот парень умер потом в больнице... Дружки его с перепугу разбежались, их так и не поймали, свой нож Сальваторе выбросил в море, а женщина, конечно же, свидетельствовала в его пользу. Нашли хорошего адвоката, и дело удалось замять, ограничившись формулировкой: "Непредумышленное убийство в целях самозащиты"... Самое интересное, что брат нисколько не мучился угрызениями совести! Узнав, что парень скончался, не приходя в сознание, он лишь слегка побледнел и процедил сквозь зубы: "Одной сволочью на свете стало меньше!" Вот таким был Сальваторе! Ловкий и гибкий, унаследовавший от матери прямо-таки кошачью грацию, он умел передвигаться бесшумно. Мужественный, безрассудно смелый и, в тоже время, обладающий способностью трезво рассуждать в любой ситуации, он мог быть мягким и добрым, или жестоким и безжалостным, если это было необходимо. Друзья назы-

вали его "Ягуар".

– Это у него ты научился так внезапно, без единого шороха возникать за спиной?! – спросила Катя.

– Да, и этому тоже! Сознательно или бессознательно, я подражал брату во всем, а, учитывая, что внешне мы очень похожи, это было совсем не сложно... Подожди минуточку!

Парень вышел в другую комнату и вскоре вернулся с двумя фотографиями. С нескрываемым интересом вглядывалась Катя в лица семьи Моретти. На одной фотографии был запечатлен сам синьор Антонио с супругой Натальей Андреевной и детьми – Адриано и Юлией.

– Это снято два года назад в Киеве, – пояснил Андрей, – они приезжали, когда я учился в университете.

Парень говорил правду – если он и не был "точной копией отца", то уж, во всяком случае, на мать сын несколько не походил. Наталья Андреевна отличалась нежной, трогательной красотой, выглядела очень элегантно и молодо и рядом со своими детьми смотрелась, скорее, как старшая сестра. Сам синьор Антонио, невзирая на возраст, был очень интересный мужчина с благородной сединой в густой вьющейся шевелюре и несколько суровым выражением все еще красивого лица. Адриано, судя по фотографии, несколько не изменился за два года – те же пылающие глаза, та же серебристая прядь... "Сколько же ему было лет, когда он поседел?" – мелькнула у Кати мысль... Очаровательная девушка, склонившая голову на грудь Андрею – его сестра Юлия. Глаза, волосы, овал лица – один к одному повторяют мать. Вот только губы, пожалуй, отцовские – резко очерченные, чувственные, такие же, как у Андрея... Катя поймала себя на мысли, что все на этой фотографии грустные, подавленные. Улыбалась лишь Наталья Андреевна, да и то, улыбка получилась какой-то вымученной, неестественной.

Зато при взгляде на другой снимок, Катя не смогла сдержать вздох восхищения. Два брата, сверкая белозубыми улыбками, стояли, обнявшись, на самом краю скалы. Фоном служило лазурное небо, сливающееся на горизонте с изуми-

тельной голубизны морем.

– Фотографии уже больше четырех лет. Это окрестности Неаполя... Таким я был в девятнадцать лет... А это и есть Сальваторе!

– Да! Я сразу поняла это! Вы очень похожи. Очень! Но он... – не в силах оторвать глаз от снимка, прошептала Катя, тщетно пытаясь подобрать слова, чтобы выразить переполняющее ее сердце восхищение. – Я никогда не думала, что Природа может создать такое совершенство! Он... нечеловечески красив!

Андрей рассмеялся:

– Рядом с ним я выгляжу всего лишь серой посредственностью, не так ли?! Да, Сальваторе знал цену своей красоте и не раз использовал ее разрушительную силу. Поверь, на его счету не один десяток разбитых женских сердец. Впрочем, брату тоже не всегда удавалось избежать стрел Амура...

Катя рассматривала фотографии, любуясь братьями. На одной Андрею девятнадцать, на другой – двадцать один. Интервал в два года, но какая поразительная перемена! Тот, девятнадцатилетний Андрюша Стрельцов, был совсем другим, да и звали-то его тогда, по-видимому, не Андрей, а Адриано. И дело вовсе не в том, что за это время мальчик повзрослел и превратился в мужчину – что-то произошло с его душой, что-то страшное, трагическое, наложившее неизгладимый отпечаток на внешность парня. На старой фотографии его удивительные глаза сияют счастьем, а не пылают рвущимся наружу адским пламенем; не серебрится в смоляной шевелюре седая прядь; и улыбка такая открытая, подкупающая искренностью и беззаботностью, не то, что нынче – сейчас она больше походит на гримасу боли. Всего два года между этими фотографиями, какая же катастрофа произошла в жизни Адриано? Какие страдания высекли эти горькие складки в уголках рта?

Катя перевела взгляд на изображение старшего брата, и вновь от восторга перехватило дыхание. Сколько ему

здесь? Тридцать четыре? Никогда не скажешь! Лет на десять меньше можно дать. Поразительно, теперешний Андрей выглядит старше своего брата! Что же все-таки произошло?

– Вот ты и познакомилась с моей семьей, – тихо сказал Адриано. – Если тебе интересно, я продолжу свою сказку.

– Да-да! Конечно! – живо воскликнула Катя.

– Мы были счастливы в Италии! Это – самые лучшие годы! Только для матери это безоблачное существование омрачалось тоской по родителям и родной стране. С каждым годом ностальгия становилась все сильнее. Проблем с финансами у нас в те времена не было, хотя бы пару раз в год мы могли бы, без видимого ущерба для бизнеса, ездить в гости к бабушке и дедушке, но... для матери путь в Россию был заказан. Дорогая Советская родина лишила ее гражданства и права въезда в Советский Союз. Мать очень страдала из-за этого, ведь вся ее вина была лишь в том, что она полюбила иностранца... Но в восемьдесят пятом году у вас в стране начались резкие перемены. Горбачев наделал “шороха” во всем мире! Перестройка, ускорение, человеческое лицо социализма... Так или иначе, но “железный занавес” был поднят, и в восемьдесят восьмом году я впервые увидел своего деда. Я был очарован красотой Ленинграда, потрясен величием Москвы, но... лазурные небеса родного Неаполя были мне несравнимо милее. Зато мать, наконец-то побывав на Родине, возвращалась в Италию с неохотой. То и дело она заводила с отцом разговор о переезде в Ленинград, но он и слышать об этом не хотел. Семья разделилась на два лагеря: мать всей душой рвалась к своим старикам-родителям, Юлька была в полном восторге от одной только мысли, что она сможет рисовать виды Петербурга белыми ночами и, будучи по воспитанию и духу скорее русской, нежели итальянкой, всецело поддерживала мать. Отца же эта идея нисколько не прельщала; а я, так и вовсе, был в ужасе, что придется расстаться с братом, поскольку тот ехать никуда не собирался. Вся эта канитель продолжалась

несколько лет... В этот же период дела у отца стали идти несколько хуже – весьма значительная сумма была вложена в акции одной кампании, которая внезапно разорилась. Не помню точно, что там такое произошло; меня, пятнадцатилетнего мальчишку, эти тонкости тогда мало интересовали. Знаю только, что отец и Сальваторе очень нервничали по этому поводу. Брат к тому времени уже женился, у него был маленький сын, своя семья, свой дом, но виделись мы с ним почти ежедневно. Со всеми своими проблемами, и с горем, и с радостью я шел не к родителям, а к нему. И ты понимаешь, что уезжать мне очень не хотелось!

– Не знаю, сколько бы еще времени продолжались все эти споры матери с отцом, если бы на горизонте не появился Стас. Родители познакомились с ним в круизе по Средиземноморью. Станислав Иванович Кротов – бывший экз, теперешний "новый русский" – богатый, как Крез, хитрый, как бестия, с очень темным прошлым. Каким образом ему удалось втереться в доверие к отцу, до сих пор понять не могу! И надо же такому случиться, что Стас проживал и проворачивал свои махинации именно в Петербурге! Он никогда не рассказывал, каким путем нажил столько денег, но не думаю, чтобы честным. Советский Союз к тому времени развалился, в стране у вас творилось что-то непередаваемое и необъяснимое... Ясно было только одно: умный человек, умеющий рисковать и знающий цену риску, может грести там деньги лопатой – настоящий Клондайк! Закон о привлечении иностранных инвестиций на пять лет освобождал предпринимателя-иностранца от тех всепожирающих налогов, которые душат у вас малый и средний бизнес. Да за пять лет можно столько всего успеть! У Стаса был начальный капитал, у синьора Моретти – итальянский паспорт и драгоценный опыт. Дела в Неаполе шли все хуже и хуже, пришлось продать один из ресторанов... И отец "клюнул" на удочку Стаса! К полному удовольствию матери и сестры, мы переехали в Петербург. Сальваторе остался в Италии руководить сильно пошатнувшейся "империей Моретти".

Стаса он невзлюбил с первых дней, и тот платил брату взаимностью. " Где твои глаза, отец?! Куда подевалось твое чутье?! Этот мерзавец обведет тебя вокруг пальца, сигару выкурить не успеешь!" Но отец не слушал Сальваторе, он был словно околдован этим человеком. Мы все были им околдованы... все, кроме брата. А Стас умел нравиться! Он мог быть и обходительным, и красноречивым, и галантным... Невысокого роста, коренастый, коротко стриженный, с квадратной нижней челюстью и бычьим затылком, красотой наш "ангел-хранитель" не блистал. Его маленькие колючие глазки, какого-то неопределенного цвета, избегали смотреть в глаза собеседнику. К тому же, почти всегда Стас носил черные очки, объясняя это больными глазами. Да, внешность у него была не очень-то приятная, но зато ума и деловой хватки – не занимать!

Вопреки пророчествам Сальваторе, бизнес в Петербурге сразу же пошел в гору. Русским понравилась итальянская кухня, а отец владел такими кулинарными секретами, передаваемыми из поколения в поколение в семье Моретти, каких не найдешь ни в одной поваренной книге. К тому же, Стас размахнулся – нанял поваров-итальянцев. Три пиццерии, ресторан, ночной клуб с казино – по документации всем этим владел отец. Стас выступал лишь как совладелец небольшой части имущества. На самом же деле, все это на первых порах существовало на деньги Стаса. Однако предприятия вскоре стали приносить такой доход, что отец смог расплатиться со своим компаньоном, не привлекая итальянский капитал. Через два года открыли "филиал" в Москве. Пицца, доставляемая на дом заказчику в любое время суток, пришлась по вкусу жителям обеих столиц.

– Удивительно, но Сальваторе, став полновластным хозяином "империи" в Неаполе, очень скоро поправил дела. Возможно, они с отцом просто мешали друг другу, возможно, судьба на этот раз оказалась благосклонной к брату. Не следует также умалять заслугу жены Сальваторе – Сабрины. Эта очаровательная молодая синьора обладала мужским

складом ума и таким деловым чутьем, что даже отец не единожды советовался с ней. Брат частенько приезжал в Петербург, смело оставляя все дела на жену. Сейчас именно Сабрина руководит бизнесом в Неаполе...

Катя хотела спросить: "Почему?", но у Адриано было такое выражение лица, что она не рискнула это сделать. По мере приближения "сказки" к финалу он все больше мрачнел. До сих пор женщина сидела на диване, а парень – на краю подоконника, но сейчас он подошел и сел рядом.

– Катя, давай откроем еще одну бутылку шампанского. Мне необходимо выпить пару глотков.

Она кивнула, догадавшись, что Андрей приближается в своем повествовании к той самой трагедии, которая перевернула всю его жизнь.

Женщина маленькими глоточками смаковала великолепный напиток, когда Адриано, осушив свой бокал почти залпом, продолжил рассказ:

– Мне понадобилось довольно много времени, чтобы "акклиматизироваться" в Петербурге. Все вокруг было чужим и чуждым, но постепенно я привык – человек ко всему привыкает – стал даже находить кое-какие прелести в жизни на новом месте, хотя второй родиной для меня Россия так и не стала. Чтобы как-то скрасить тоску по брату, я "с головой" ушел в изучение биологии, потом поступил в университет... Появились друзья, подружки, завертелась студенческая жизнь. Семейным бизнесом я мало интересовался. Отец попытался было посвятить меня в дела, но я старательно отлынивал от "посвящения" – у меня были совсем другие планы. Неожиданно Сальваторе стал на мою сторону: "Оставь его, отец. Мальчик хочет учиться, не делай из него лавочника. Анри нашел в жизни свой путь, позволь ему идти этой дорогой!" На сей раз Стас, находящийся в постоянном противоборстве с братом, тоже поддержал его... Впрочем, Стасу было невыгодно, чтобы помимо Сальваторе, еще и я совал нос в его бизнес.

– Взаимоотношения с компаньоном отца у меня скла-

дывались весьма своеобразно: с одной стороны, я не мог не восхищаться умом и нечеловеческой энергией Кротова, с другой, находясь под влиянием Сальваторе, я относился к нему настороженно, с некоторым предубеждением...

– Однажды я стал невольным свидетелем их разговора, точнее, скандала в кабинете отца. Дверь была неплотно прикрыта, я проходил мимо... да и мудрено было не услышать – Сальваторе кричал на весь дом. Кстати сказать, общались они довольно оригинально: отец в совершенстве владел русским языком, Стас прекрасно понимал итальянски, но говорил с трудом, а брату так и не удалось научиться хоть сколько-нибудь сносно разговаривать по-русски, что не мешало ему понимать собеседника. "Отец! Ты ослеп окончательно! Общий счет в банке – безумие! Как ты мог стать таким доверчивым? Этот подлец обворовывает тебя! Мало того, под прикрытием закупки товара он занимается наркобизнесом!" – вне себя от ярости орал Сальваторе. "Все это – голословные утверждения!" – отец говорил более сдержанно, но чувствовалось, что он крайне раздражен. "Антонио, успокой своего сына! Он слишком вспыльчив! Я думаю, у тебя нет причин быть недовольным нашим сотрудничеством!" – Стас говорил спокойно, хладнокровно взвешивая каждое слово. Он всегда и все делал хладнокровно! "Ты не понимаешь, отец! Дело не только в деньгах, которые этот мерзавец крадет у тебя! Официально, именно ты – владелец всего; если этот подонок "заспится" на какой-нибудь очередной афере, сидеть будешь ты! Пусть твой "друг" поделится с тобой опытом, что собой представляют тюрьмы в России!" "Синьор Моретти, попрошу без оскорблений!" "Сальваторе! Держи себя в руках! Я верю не эмоциям, а фактам!" "Хорошо! Я предоставлю тебе факты!" – и Сальваторе, хлопнув дверью, вылетел из кабинета...

– Стас прекрасно понимал, что старший сын Антонио опасен, но брат большую часть времени проводил в Неаполе, а я – был рядом. И чтобы в отсутствие Сальваторе я не стал его глазами и ушами, этот хитрый дьявол решил меня

просто-напросто "купить". Так появилась Нина. Кротов представил ее как свою племянницу, приехавшую откуда-то из "глубинки". Не имевший ни семьи, ни детей, он рассказал нам, что эта девушка – его единственная родственница и дорога ему как родная дочь. Нине было двадцать два года. Крашеная блондинка с невинными голубыми глазками и кукольным, как у Барби, личиком, она обладала роскошной гривой, великолепной фигурой и ногами, что называется "от зубов". Короче говоря, племянница была очень привлекательна, сексуальна и, главное, доступна, а мне в ту пору шел девятнадцатый год... Стоит ли продолжать?!

– Узнав о моей связи с Ниной, Сальваторе только тяжело вздохнул: "И тебя этот подонок обработал?! Умен – не откажешь!". Я только виновато опустил голову, но перед глазами у меня стоял соблазнительный образ моей возлюбленной. Сам того не понимая, я невольно предал брата. Никогда себе этого не прощу! Таким образом, Сальваторе остался один в своей борьбе со Стасом. Апеллировать к моей матери было бесполезно – она была счастлива, что наконец-то живет в России, рядом с родителями, а все остальное ее просто не интересовало. "Сальваторе, ты напрасно придираешься к Стасу! Он – очень милый человек!" – вот и все, что она могла сказать. Помнится, в то время мать писала одну из лучших своих картин, и до всего прочего ей не было дела... Я, кажется, забыл тебе сказать, что она – довольно талантливая художница. Это от нее мы с сестрой унаследовали способности к живописи... Отец наотрез отказывался верить увещаниям старшего сына. Он видел, что дела идут отлично, и привык доверять своим деловым партнерам. Юлька была в восторге от "дяди Стаса", который задабривал девчонку всевозможными подарками. И лишь старый дипломат недолюбливал бывшего зека, но предпочитал ни во что не вмешиваться и сохранял нейтралитет.

– Сальваторе, видимо, устал убеждать отца. Он прекратил злобные выпады в сторону Стаса и стал, как будто, даже дружелюбнее к нему относиться. Но я хорошо изучил

характер брата и знал, что Ягуар просто затаился и выжидает удобный момент, чтобы нанести врагу смертельный удар. Кротов, звериным чутьем ощущающий опасность, несомненно, понимал, что рано или поздно Сальваторе попытается предоставить Антонио неопровержимые доказательства его виновности, если таковая существовала...

Парень замолчал и вновь приложился к бутылке шампанского, а когда продолжил рассказ, Катя не могла не почувствовать, насколько мучительно, с каким трудом дается ему каждое слово.

– Обычно Сальваторе путешествовал на самолетах, но в тот раз, незадолго до своего приезда, он позвонил мне и сообщил, что недавно купил шикарную машину и приедет на ней. Ты можешь себе представить расстояние от Неаполя до Петербурга?! Я попытался отговорить брата, но если уж ему в голову приходила какая-нибудь идея, заставить его изменить решение было практически невозможно... Машина действительно оказалась великолепной: кроваво-красная "Ferrary 328" – мечта любого гонщика. (Катя невольно вздрогнула – не эта ли машина привезла ее сюда?!) Сальваторе был в восторге от своего приобретения. Я никогда еще не видел, чтобы глаза брата сияли таким счастьем! Отец, увидев, каким способом добрался его любимец до России, сказал, что только чокнутый может потратить столько времени и сил на поездку, которая на самолете займет едва ли один день.

– Сальваторе пробыл у нас почти месяц, к моей безграничной радости и огорчению Стаса, которого он изводил подчеркнутой вежливостью.

– За несколько дней до отъезда, брат позвал меня в кабинет отца. Антонио со Стасом были в это время в Москве. Мы все вместе, включая Нину, пили в гостиной кофе, когда Сальваторе неожиданно сказал: " Анри, мне нужно с тобой поговорить!" С некоторым удивлением я последовал за братом. Он плотно прикрыл за собой дверь и, безо всякого вступления, сказал: "Помнишь, я говорил тебе, что ваш дра-

гоценный Стас – подонок, каких мало?! (Я лишь молча кивнул в ответ.) Отец мне не верит! Так вот, теперь у меня есть доказательства моих слов! Кротов – наркоделец крупного масштаба. Он создал организацию, по сравнению с которой сицилийская мафия – детская игра. У него всюду есть свои люди – на границе, на таможне, в милиции, и повыше – тоже... Все эти рестораны и кафе, для открытия которых ему понадобился отец – всего лишь ширма. По российским законам этот "предприниматель" тянет на весьма солидный срок. И хотя упрятать его за решетку будет не так-то просто, теперь для меня это – дело чести!" Внезапно брат резко встал и, мгновенно оказавшись у двери, стремительно распахнул ее. "Что ты?!" – спросил я, изумленный этими маневрами. "Да так, ничего! – усмехнулся Сальваторе. – Показалось!" Он достал из внутреннего кармана пиджака кассету для видеокамеры. "Послушай, братишка, здесь – неопровержимые улики! Я нанял двух людей, которые все это время следили за Кротовым. Спрячь эту пленку как можно надежнее! Если со мной вдруг что-нибудь случится... не корчи рожи, Адриано! Никто не застрахован от случайностей! Успокойся, я не собираюсь умирать! Так вот, повторяю, если что – отдай эту пленку отцу. Боюсь, Стасу удастся отвертеться, слишком уж высокие у него связи, но это, по крайней мере, откроет нашему доверчивому папочке глаза! Пусть она хранится у тебя до моего следующего приезда... нужно подверить еще кое-какие факты. Недолго вам осталось, Станислав Иванович!" – брат недобро ухмыльнулся. "А если тебе не удастся посадить Стаса, что тогда?!" – спросил я, ощущая смутную тревогу. Сальваторе шутливо ухватил меня за шею, притянул к себе, обнял: "А это уже, братишка, не твоя забота!"

– Через неделю Сальваторе уехал на своей "Феррари" обратно в Неаполь... А еще через два дня позвонили из милиции и попросили прибыть на опознание тела...

Катя ахнула. Но Адриано не обратил внимания на этот возглас. Казалось, он, вообще, забыл о ее существовании. С

потемневшим, словно каменным лицом, остановив взгляд на какой-то, одному ему известной, точке пространства, парень продолжал говорить, и каждое его слово дышало болью.

– Он даже не успел выехать из России. Как нам сообщили в милиции, Сальваторе, видимо для экономии времени, поехал по какой-то кратчайшей дороге, которая проходи-

ла то ли по краю карьера, то ли обрыва – я так и не понял. Было начало июня, и шли сильные дожди... В тот день тоже был ливень, дорогу развезло. Работник ГАИ объяснил, что практически все иномарки, а спортивного типа – особенно, не приспособлены для российского бездорожья. Машину "повело", Сальваторе не смог справиться с управлением и... "Феррари" упала в карьер. От удара взорвался бензобак... Когда гаишники прибыли на место катастрофы, брат был еще жив. Каким-то чудом ему удалось выбраться из горячей машины... Он умер на руках у сержанта милиции, успев сказать одно слово: "Лорри!". Никто не мог понять, что оно означает – ни в итальянском, ни в русском такого слова нет, кроме того, вряд ли Сальваторе стал бы говорить по-русски. Было ли это чье-то имя? И если – да, то – чье?! Оставался еще вариант, что сержант просто не разобрал, что именно шептал умирающий, но парень был уверен, что понял правильно. Долгое время этот вопрос оставался без ответа...

– У меня не укладывалось в голове, что Сальваторе, впервые севший за руль в тринадцать лет, мог разбиться. Но факт оставался фактом... Сразу же сообщили в Москву отцу, но процедуру опознания зачем-то нужно было провести срочно, и кроме меня идти туда было некому... То, что я увидел – было ужасно! Я не мог поверить, что этот обез-

ображенный, обожженный кусок мертвой, разлагающейся плоти когда-то был моим братом, человеком, которого я любил больше всего на свете! Я стоял, словно парализованный, не в силах ни отвести глаз от этого зрелища, ни отвечать на вопросы следователя. Внезапно, в зловещей тишине морга я услышал жуткий, нечеловеческий крик смертельно раненого зверя. Я запустил пальцы в волосы и со стоном закрыл глаза, не в силах больше выносить этот кошмар...

– Я долго пролежал без сознания, а потом в горячем бреду нервной лихорадки. Когда же очнулся, совершенно обессиленный, рядом была вся моя семья... в трауре. И, к своему ужасу, я понял, что все это, увы, не страшный сон... Мне рассказали, что там, в морге, кричал я... А потом дали зеркало, и я увидел в своих волосах эту белую отметину...

– Тело Сальваторе кремировали и, когда я немного оправился от болезни, перевезли в Неаполь. Сабрина осталась одна с двумя детьми. Дочь брата, еще совсем малышка, ничего не понимала в происходящем, зато его восьмилетний сын рыдал взахлеб, обхватив меня ручонками... Сейчас Сабрина уже замужем за хорошим, достойным человеком. Перед свадьбой она сказала мне, мучительно краснея и отводя глаза: "Не осуждай меня, Адриано! Я всегда любила и буду любить только твоего брата, но ты не представляешь себе, как тяжело одной воспитывать детей и руководить предприятиями!" Что я мог ей на это ответить?! Какое я имел право судить ее?! Хорошая мать, она лишь заботилась о своих детях – все, принадлежащее сначала нашему отцу, а затем Сальваторе, перешло к малышам, а Сабрина являлась лишь опекуном и, естественно, хотела сохранить для них капитал. Да и кто посмел бы требовать от молодой женщины всю оставшуюся жизнь хранить верность мертвецу?! Нет, Сабрину ни в чем нельзя было упрекнуть, но с ее замужеством возвращение семьи в Италию стало невозможным – пришлось бы все начинать, если не с нуля, то почти с самого начала. А отца смерть Сальваторе здорово под-

косила.

– Что она сделала со мной – ты видишь по фотографиям! Я тогда не просто сразу же повзрослел, я постарел на много лет и, к сожалению, не только и не столько внешне... Поэтому, когда ты говоришь о нашей с тобой разнице в возрасте – мне становится смешно! Мне всего лишь двадцать три, но моя молодость закончилась три года назад... в морге, возле тела брата. Три года... три года! Уже почти четыре... И все это время, Катя, каждую ночь мне снятся кошмары! Каждую ночь я с содроганием ложусь в постель. Мне снится брат, но не тот – молодой, красивый и полный жизни, который был моим кумиром, моим богом... нет! – каждую ночь ко мне приходит ужасное, обожженное, изуродованное тело и взывает к мести...

– К мести?! – с безграничным удивлением воскликнула Катя. – Но ведь твой брат погиб случайно...

– Случайно?! – Адриано криво ухмыльнулся. – Да, в это поверили все, даже отец... но – не я! Я чувствовал... я знал, что Сальваторе не мог так глупо, так бессмысленно разбиться. Кто угодно, но не Сальваторе!

– Андрюша! – мягко сказала Катя. – Смерть не выбирает...

– Ты так думаешь?! – перебил он ее. Странно и злоеще прозвучал этот вопрос в ночной тишине квартиры. – Ладно! Не будем забегать вперед... Стас с Ниной тоже приехали на похороны. Нина плакала; и я слышал, как Кротов сказал отцу: "Антонио, мы с твоим сыном никогда не были друзьями... ты это знаешь, но я всегда уважал Сальваторе. Поверь, мне очень жаль, что так случилось!"

– Небольшая урна, в которой лежала горстка пепла – вот и все, что осталось от Сальваторе Антонио Моретти. Через пару месяцев ему исполнилось бы тридцать пять лет... В тот день, над могилой брата, я поклялся, что не сниму траур до тех пор, пока не выясню всех обстоятельств его гибели... и не отомщу.

Андрей спрятал лицо в ладонях и согнулся, опустив

голову к коленям, словно от невыносимой боли. Голос сквозь пальцы звучал сдавленно и глухо:

– Вот тебе, Катенька, разгадка черного костюма и седой пряди!

Катя молча смотрела на это живое олицетворение скорби, и сердце ее разрывалось от жалости. Ей хотелось обнять его и хоть немного облегчить эту неизбежную боль, это непереносимое страдание... Но женщина догадывалась, что подобное проявление чувств едва ли было бы позволительно по отношению к Андрею Стрельцову, а уж гордый потомок Моретти и подавно не принял бы жалости. Внезапно Катя обнаружила, что плачет. Слезы стекали по щекам и падали на колени, оставляя на изумрудном велюре темные пятнышки.

Адриано, не меняя положения, неподвижно сидел уже минут десять, уйдя в горькие воспоминания. Из ворота расстегнутой рубахи выскользнула цепочка с весьма оригинальным распятием, которое вскоре привлекло Катино внимание. Вещь, несомненно, была старинная, но женщине еще никогда не приходилось видеть такой странный крест: размером он был, примерно, сантиметров пять на два с половиной, из того же темного металла, что и витая цепочка, видимо серебра высокой пробы; его вертикальная часть книзу была заострена, а вверху, напротив, напоминала рукоятку маленького кинжала. Вместо фигурки Спасителя этот загадочный крест украшала роза, необычайно тонкой работы, на одном из лепестков которой капелькой крови пламенел крошечный камушек – по всей вероятности, рубин.

– Андрей, ты – католик?! – спросила Катя. Ей не столько хотелось услышать объяснения по поводу креста, сколько вывести парня из полузабытья, в котором он прибывал.

– Да! – ответил он, выпрямляясь. – А почему ты спрашиваешь? А-а! Вот оно что?! Нет, Катя, к римской церкви эта вещь отношения не имеет. Это – талисман, очень-очень старый, передаваемый в семье Моретти от отца

к старшему сыну, в день совершеннолетия...

– Значит, после смерти брата...

– Нет! Сальваторе подарил его мне, когда мы уезжали в Россию... Как знать, возможно, если бы этот амулет висел на шее брата в день аварии, он остался бы жив!

– Не надо так думать, Анри!

– Как ты меня назвала? Анри?! – парень грустно улынулся. – Так называл меня только Сальваторе...

– А что обозначает эта символика: крест и роза?

– Это – не крест, точнее, не только крест... Смотри!

Адриано нажал ногтем на камушек и потянул за поперечную перекладину вверх – в его руках талисман распался на две части, и то, что было распятием, оказалось крошечным мечом в ножнах.

– Никогда бы не догадалась, что он открывается! – восхищенно воскликнула Катя. – Он выглядит совсем как настоящий!

– Это – меч Судьбы, занесенный над каждым из нас, ее карающая длань. Никому не дано избежать удара меча... Но, когда он в ножнах, это – крест – олицетворение веры и надежды...

– А роза с каплей крови?

– Роза – любовь... любовь, приносящая страдания!

– Анри, ты – фаталист?!

– Отчасти! – парень тяжело вздохнул и спрятал талисман на груди. – Слушай дальше! Я уже почти все рассказал тебе... Когда отец немного пришел в себя, я отдал ему пленку. Кротов был очень осторожен в своих делах, нужно было обладать чутьем Сальваторе, чтобы распутать клубок его преступлений. Пленка неопровержимо доказывала вину Стаса. Если бы ты видела, что творилось с отцом! Он был в бешенстве, но это не помешало ему подойти к портрету старшего сына, опуститься перед ним на колени и сказать только одно слово: "Прости!". Отец не плакал даже на похоронах, но в тот момент по его щекам текли слезы.

– А потом Антонио Моретти со своим дурацким бла-

городством решил уподобиться Юлию Цезарю! "Иду на Вы!" Ему нужно было добиться, чтобы Стаса арестовали, а не разговаривать с ним. У этого хитрого дьявола было прекрасное самообладание: просмотрев кассету, он признал, что, действительно, занимался торговлей наркотиками, заявив, что отцу тоже от этого перепадали весьма солидные суммы, хотя тот об этом и не догадывался, поскольку рестораны не могут приносить такого дохода – это, дескать, и младенцу понятно! Отец пригрозил возбудить уголовное дело и категорически отказался продолжать с Кротовым какое-либо сотрудничество. В ответ Стас пообещал, что сидеть они будут вместе, поскольку Антонио косвенно замешан в этом деле, и все предприятия официально принадлежат ему. "Твой сын вечно совал нос, куда не следует, но он был умнее и дальновиднее тебя! Он был достойным противником, и я хотел бы иметь такого друга. А с тобой мне скучно, Антонио! Ты стар и уже ни на что не годишься!" Этот подлец вел себя крайне нагло, видимо, будучи уверенным в своей безнаказанности. "Мы могли бы договориться, Антонио! – сказал он. – Отдай мне эту пленку, мы продадим имущество, разделим капитал (а он немалый, благодаря мне), и я исчезну. Идет? Твой сын проделал гигантскую работу в попытке вывести меня на "чистую воду", но его больше нет, а тебе невыгодно ссориться со мной. Ты же бизнесмен, Антонио! Прибыль превыше всего! К тому же, у тебя есть еще один сын, а у меня – племянница. Как знать, возможно, мы вскоре станем родственниками!" У отца даже губы побелели от ярости: "Я стар! – процедил он зловеще. – Но у меня еще хватит сил вышвырнуть тебя вон из моего дома! Сегодня – суббота, в понедельник я иду в прокуратуру!"

– В тот же вечер я поехал к Нине. Я был влюблен в эту девушку, и во мне теплилась надежда, что она не участвовала в грязных делах дяди. Прерывая заверения в любви душераздирающими рыданиями, она уверила меня, что так оно и есть, и клятвенно пообещала порвать все отношения

со Стасом. Проведя несколько часов в ее жарких объятиях, я решил поехать ночевать домой, чтобы не оставлять надолго отца. Но едва я подошел к машине и вставил ключ в замок дверцы... сильный удар сзади по голове заставил меня потерять сознание.

– Сколько я провалялся в забытии – не знаю, но очнулся от боли и холода. У меня были связаны руки и ноги, завязаны глаза и залеплен пластырем рот. Я находился, очевидно, в кузове грузовика, потому что меня трясло, и на поворотах швыряло на борта. Жуткий холод окончательно убедил меня в том, что я нахожусь в рефрижераторе. Видела такие огромные грузовые машины? Так вот, я не ошибся! Но кто саданул меня по голове, куда и зачем везут – оставалось тайной, хотя, кое-какие догадки начинали мелькать. Наконец, машина остановилась. Меня сбросили на землю и, словно мешок, потащили волоком. Судя по голосам, похитителей было двое... Не знаю, куда они меня "доставили", но по дороге я несколько раз стукнулся головой о ступеньки... А потом меня били. Яростно, профессионально, молча, лишь изредка крикая от удовольствия! Я терял сознание и снова приходил в себя... К тому времени, когда они наконец-то устали, мне показалось, что прошла вечность. Я был полумертв и не имел сил даже стонать. Наконец, один легонько пнул меня ногой и сказал напарнику: "Слышь, мы не перестарались, а? По-моему, этот щенок врезал дуба!" Тот наклонился ко мне, и я ощутил на своем лице его зловонное дыхание – смесь перегара, чеснока и дешевых папирос. Меня чуть не стошнило! "Не, живой! Мать его так!" Извини, я лишь цитирую! "А хоть бы и подох – невелика потеря! Какого хрена Хозяин с ним возится, не понимаю!" "А тебе и понимать нечего, тебе платят – ты делай!" "Да у меня руки чешутся пришить этого макаронника! Понаехали тут, паскуды... О! Гляди-ка! Очухался!" – и я вновь заработал ногой по ребрам. "Оставь его! Он свою дозу уже получил... Слышь, сопляк, передай своему папаше, чтобы сидел смирно и не рыпался. Пленка – думаю, ты знаешь, о чем я тол-

кую – должна быть передана Хозяину завтра (и он указал время и место, куда нужно положить кассету). Ты понял меня, козел?! И никаких шуточек с копиями и ментами! Тут дело серьезное! У тебя ведь, кажется, есть сестричка, не так ли?! Сладенькая конфетка! Уверен, Стас за верную службу отдаст ее нам. Как думаешь, Рыжий?! Хозяину-то она ни к чему, у него есть Нинка!" Вместо ответа Рыжий заржал, как конь. Я не верил своим ушам! Значит, женщина, которую Кротов выдавал за свою племянницу, – его любовница?! Приманка, на которую я, как последний идиот, клюнул?! Весьма остроумный способ контролировать меня?! Так значит, именно Нина сообщила "дяде", что я нахожусь у нее! Поверь, это известие было для меня гораздо более побоев!

– Я думал, что хуже этого уже ничего услышать не придется, однако, Судьба, видимо, решила доконать окончательно... Рыжий вновь обдал меня смрадным дыханием и поинтересовался: "Ты все понял, убудок?! Отвечай, когда тебя спрашивают!" Его сообщник коротко хохотнул: "Как же он может ответить, когда у него рот заклеен!" Рыжий содрал с моих губ пластырь... вместе с кожей. "Сволочи!" – выдохнул я, обретя возможность говорить, и тотчас же получил такой удар в челюсть, что в голове загудело. "Хватит! – крикнул второй подонок. – Стас приказал не уродовать мальчишку!" "А я думаю, ему давно пора отправиться вслед за братцем!" "Рыжий! Что за мания убивать?!" "А кто говорит об убийстве?! – вновь заржал этот придурок. – Я просто слегка подвинул своим грузовиком его тачку! Кто же виноват, что итальяшка свалился в карьер?!" Вот тут я окончательно понял все! Наконец-то все детали встали на свои места! Никто иной, как Стас организовал убийство брата! Нина подслушала наш разговор с Сальваторе, тогда в кабинете, и все доложила своему мнимому родственнику (я сам, на свою голову, учил ее итальянскому, и эта стерва оказалась весьма способной ученицей). Какими великолепными актерами были "дядя" с "племянницей"! Как нату-

рально рыдала она на похоронах! Разъярилась и тайна последних слов Сальваторе. "Лорри!" Это переводится как "грузовик"... с английского. Брат, умирая, пытался рассказать, что послужило причиной аварии и, плохо объясняясь по-русски, надеялся, что гаишник знает международный английский язык! Знаешь, Катя, когда я представил себе эту картину, меня охватила такая ярость, что я перестал даже чувствовать боль! Слепая ненависть руководила в тот миг всем моим существом. Не знаю, каким образом мне удалось вывернуться, но я ухитрился это сделать и изо всех сил ударил связанными ногами в то место, откуда доносился гнусавый голос Рыжего. Вопль боли, тотчас же последовавший оттуда, наполнил мое сердце неизъяснимой радостью! "Ах ты мразь! – прохрипел Рыжий, отдышавшись, – Да я тебя сейчас... Ты видел, Кирпачный, ты видел?! Я его сейчас убью!" "Нет! Ты его не убьешь! Стас слишком хорошо платит и слишком скор на руку, я не хочу неприятностей! Мальчишка должен остаться жив... но если ты слегка подпортишь ему фасад, думаю, Хозяин не будет возражать!" И я понял, что ужасное избиение, которому меня подвергли – не более чем нежное поглаживание по сравнению с тем, что собирается сделать со мной разъяренный Рыжий...

Адриано встал во весь рост, повернулся к Кате спиной и начал медленно расстегивать пуговицы на рубашке. Женщина затаила дыхание.

– У тебя не слишком слабые нервы?! – спросил парень, бросив рубашку на кресло.

– Нет! – прошептала она, теряясь в догадках.

Андрей повернулся, и Катя невольно отпрянула,

содрогнувшись от ужаса.

– О, Господи! – вырвалось у нее.

Грудь парня уродовал огромный чудовищный шрам от сильнейшего ожога... в форме основания утюга!

– Отвратительно, не правда ли?! – криво усмехнулся Андрей. – Теперь ты, наконец, знаешь, почему я всегда наглухо застегиваю свои доспехи!

– Это ужасно! – простонала Катя, приходя в себя от увиденного.

– Полностью с тобой согласен! – хмыкнул он, одеваясь. – Ни в одной цивилизованной стране мира со мной не сделали бы такого. У дикарей – и методы дикие! В вашем СНГ даже убить по-человечески не могут!

– Но ведь есть какие-то средства... ну, не знаю, пластическая операция, что ли...

– Катенька! Таких денег нет даже у моего отца! Кроме того, я не собираюсь расставаться с этим шрамом, пока не отомщу... Слушай последнюю главу моей сказки! Как я оказался дома – не помню, но, придя в сознание на какое-то время, мне удалось все объяснить отцу... Ему пришлось принять условия Стаса – речь шла о жизни (и не только – о жизни!) его дочери! А сам Кротов исчез вместе со своей "племянницей", прихватив с собой все деньги, что лежали на счету в банке. Вот когда отцу, в очередной раз, пришлось раскаяться в своей доверчивости!

– Потом я очень долго валялся в больнице – началось заражение крови; чудом остался жив. В университете пришлось взять академотпуск – я слишком долго не мог прийти в себя после болезни. А когда поправился, родители решили отправить меня куда-нибудь, где Стас и его прихвостни не смогли бы меня найти. О возвращении в Италию не могло быть и речи – я не собирался садиться на шею Сабрине, а финансовая поддержка отца осложнялась из-за территориальных, валютных и многих других причин... Москва была рядом, но мать приходила в ужас от одной мысли, что Кротов может быть там. И я уехал в Киев, перевелся на свой фа-

культет в КГУ. Здесь, в Украине, я чувствовал себя в относительной (скорее всего – призрачной) безопасности.

– Бедняга, как ты учился там, ведь в Киеве преподают, в основном, на украинском?!

– Владея одним славянским языком, несложно понять и остальные, – улыбнулся Анри. – Вообще-то, иностранные языки даются мне легко. Кроме русского, а теперь уже и украинского, я хорошо знаю английский и французский и сносно – немецкий и испанский.

– Ты считаешь русский язык иностранным? Но ведь ты сам – наполовину русский!

– Нет! – резко остановил он Катю. Нет! И, пожалуйста, не надо разговоров на эту тему! Я всей душой пытался полюбить родину моей матери, но ничего, кроме страданий в России не нашел... Если уж на то пошло, Украина понравилась мне больше, особенно здесь, на юге. Ваш язык своей певучестью напомнил мне итальянский, а черноокие девчата – моих соотечественниц. Даже небо здесь почти, как в Италии... Но не будем отвлекаться! Что ты еще хочешь узнать? Почему я езжу на красной "Феррари"? Нет, я не собирался специально покупать машину, которая каждую минуту напоминала бы мне о брате, но, когда я увидел ее, когда сел за руль... у меня появилось такое чувство, будто я сижу в машине Сальваторе. И я уже не мог не купить ее! Когда отец приехал ко мне в Киев, и я встретил его в Борисполе на моей "Ферри", он так изменился в лице, что я подумал – ему сейчас станет плохо. Но он лишь с ужасом взглянул на меня и прошептал побелевшими губами: "Не надо было этого делать, сынок!" Но я нисколько не жалею! Она мне очень дорога!

– Ты говоришь о машине, как о женщине, – улыбнулась Катя.

– О женщине?! Знаешь, я, в прямом смысле этого слова, на своей шкуре испытал, что такое женское коварство! Предательство Нины здорово меня зацепило! Понадобилось три года, чтобы я изменил мнение о женщинах, и то – пото-

му, что встретил тебя. Встретил и полюбил... А за это время у меня не было женщин, не считая профессионалок.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Катя.

– Я имею в виду проституток! – жестко сказал парень.

– Ты?! Ты... ходишь к проституткам?! – Катя не могла опомниться. С каждой минутой перед ней открывались такие стороны жизни и черты характера Адриано, о которых, вообще, лучше было бы не знать.

– А что тебя так испугало?! – криво усмехнулся он. – Сам факт или моя откровенность?! Ты что же думала, я – святой? Не надо на меня так смотреть, я лишь предельно честен с тобой... да и то – потому, что завтра ты меня уже не увидишь. Ради Бога, Катя, спустись с небес! Неужели ты не знала, что девяносто процентов мужчин хотя бы раз в жизни пользовались услугами этих "жриц любви"? По крайней мере, на Западе это – так...

– Да нет... Я... Но почему?! – смущенно пролепетала Катя, слишком поздно осознав всю глупость своего вопроса и с ужасом ожидая взрыва презрительного хохота.

Однако Андрей не рассмеялся:

– Они не задают лишних вопросов, Катюша. Эти женщины получают деньги и выполняют свою работу, не интересуясь ни биографией, ни, даже, именем клиента... Неужели ты думаешь, я мог, с таким шрамом на груди, завести серьезный роман с порядочной девушкой? Что, кроме отвращения, может испытать женщина при виде этой мерзости?! Ведь тебе тоже стало противно, не так ли?!

– Нет! – с жаром воскликнула Катя. – Нет, Анри! Ты заблуждаешься!

– Так или иначе, – устало вздохнул парень, – все равно пришлось бы объяснять, откуда у меня такое уродство. Пришлось бы что-то врать, изворачиваться... это – не по мне.

– Но мне же ты рассказал правду.

– Тебя я люблю... Ты – первая, кому я все это рассказываю. Первая и последняя! Пойми, Катя, я – совсем не тот

человек, каким ты меня себе вообразила... У меня сломана жизнь, искалечено не только тело, но и душа. Я потерял все самое дорогое: брата, Родину, иллюзии, возможность жить так, как мне хочется. А сейчас я теряю тебя! Теряю, даже не успев обрести...

– Почему ты уехал из Киева? – перебила его Катя, желая перевести разговор в другое русло.

– Потому что однажды ночью в квартире, которую я снимал, зазвонил телефон. Я снял трубку и услышал голос Рыжего! "Твоя сестричка хорошеет с каждым днем! – прогнозировал он. – Но этот лакомый кусочек легко может превратиться в отбивную! Помни об этом, щенок, и не расслабляйся! Хозяин в курсе дел всей твоей семьи..." Не знаю, что он еще хотел сказать – я разбил телефон. Они нашли меня!.. До окончания университета оставалось всего ничего, но мать так умоляла меня уехать, что, ради ее спокойствия, мне пришлось уступить. Вот так я и оказался здесь... Я устал бегать от этих ублюдков, надоело! Мне связывала руки сестра, но теперь обстоятельства изменились – она выходит замуж и уезжает в Палермо.

– В столицу Сицилии?

– Совершенно верно! Ее будущий муж – один из "королей" сицилийской мафии. Эта свадьба – идея отца! Я от нее – не в восторге, а Юлия – тем более! Его зовут Альбано Чиколлини, он намного старше моей сестры, и она его совершенно не любит. Бедняжка не хочет уезжать из России, кроме того, она влюблена в одного русского парня – талантливого художника, у которого нет ни гроша в карманах, и который не сможет уберечь сестру от Стаса и его банды... Вот Альбано – сможет! Поэтому, как ни печально, для нее это – единственный шанс остаться в живых... Так встреча Антонио Моретти с этим дьяволом исковеркала судьбы его детей! На этом сказка заканчивается... пока на этом.

– И что ты собираешься делать дальше? – спросила Катя, до глубины души потрясенная услышанным.

– Найти Стаса...

– Зачем?!

– Хочу посмотреть ему в глаза! Хочу понять, как можно быть таким подонком!

– А потом?

– Потом – я убью его! – резко прозвучало в ответ.

– Ты сможешь хладнокровно убить человека?!

– Человека?! – гневно воскликнул Адриано. – Я часто думаю, как бы поступил Сальваторе на моем месте?

– Как? – спросила Катя, заранее зная ответ.

– Кротов уже был бы мертв!

– Они сильнее тебя, Анри! Ты погибнешь! – тихо сказала женщина, с грустью понимая, что ей не удастся переубедить парня.

– Возможно! – пожал плечами тот. – Но лучше умереть, чем всю жизнь прятаться по таким вот норам и шараться от собственной тени. Моретти никогда не были трусами! Ты знаешь, что такое вендетта?

– Кровная месть... Но Анри, сделав это, ты сам уподобишься Стасу! – предприняла Катя последнюю отчаянную попытку спасти Андрея от смерти и от себя самого.

– Катя! Что ты мне здесь собираешься проповедовать?! Идею христианского всепрощения?! Хорошо, предположим, я сумел бы простить им то, что они сделали со мной! Но как можно простить смерть брата, изломанную жизнь сестры, слезы и бессонные ночи матери, боль и унижение отца?! Как можно простить это, Катя?!

– Но есть же закон, правосудие! Стас и его сообщники должны быть осуждены...

Адриано презрительно расхохотался:

– Правосудие?! В стране, где весь аппарат власти коррумпирован сверху донизу?! Где говорят одно, думают другое, а делают третье?! Где главари преступных группировок являются, по совместительству, представителями закона?! В стране, где бюрократизм, словно раковая опухоль, повсюду пустил метастазы?! Впрочем, в Украине дела обстоят не лучше... Ради Бога, Катя, не будь наивной!

– А если я попрошу тебя...

Внезапно Андрей сжал ее плечи и наклонился так близко, что Кате показалось, будто пламя, полыхающее в этих, почти безумных сейчас, глазах в следующую минуту испепелит ее.

– Час назад ты отняла у меня последнюю, единственную надежду на счастье, а теперь хочешь отнять то, что все эти годы являлось смыслом моей жизни?! Тебе не кажется, что это слишком жестоко? – лицо его перекошилось от гнева и страданий.

Кате стало не по себе:

– Отпусти меня, Андрей! Мне больно! – прошептала она, стараясь превозмочь страх.

Он тотчас же опомнился:

– Прости меня! Прости, ради Бога! Я совсем уже не соображаю, что делаю... Пойми, я не могу оставить Стаса безнаказанным. Не могу!

– Я понимаю, – тихо сказала Катя. – А что ты собираешься делать потом?

Андрей невесело усмехнулся, опускаясь в кресло напротив:

– Если, после того, как я выполню свой долг, для меня все еще будет существовать такое понятие, как "потом", я вернусь в Италию. Буду заниматься наукой, зарабатывать на жизнь переводами. Не пропаду! Возможно, мне удастся стать для сына Сальваторе тем, чем брат, в свое время, стал для меня. Я очень привязался к мальчику, он так похож на своего отца... – парень перегнулся через журнальный столик и взял руку женщины. – Катя! Поедем со мной! Ты даже представить себе не можешь, как много ты для меня значишь, как ты мне нужна! Поедем! Мы начнем жизнь сначала! Это – шанс для нас обоих! Что ждет тебя здесь?! Нищета и разочарования? Ты заслуживаешь лучшей доли! Я сделаю все, чтобы никогда даже тень сожаления о принятом решении не омрачила твое спокойствие! Поедем!

– Нет, Анри! У нас с тобой разные дороги! – мягко, но

решительно ответила Катя, думая о том, что было бы чистейшим безумием связывать свою жизнь с человеком, одержимым жаждой мести.

Они замолчали. Все уже было рассказано, сказано и решено. Звонящую тишину нарушало только их дыхание. О чем думали, что чувствовали в этот момент женщина и мужчина, которых так неожиданно свела Судьба? Свела, но не соединила... Во всем в этом мире есть промысел Божий... Зачем понадобилась Всевышнему эта встреча? Что, кроме новой боли, принесла Адриано любовь к Кате? Что бесспоротно изменилось в ней самой, какие неосуществимые мечты разбились о жестокую действительность, даже не успев родиться? ... "Да будет воля Твоя..."

Часы в другой комнате пробили полночь. Женщина встрепенулась:

– Уже поздно! Мне, наверное, пора...

Адриано смущенно потер подбородок:

– Видишь ли, Катя, боюсь, я сейчас не в состоянии сесть за руль.

– Да-да! Я понимаю! – поспешно сказала она, вставая.
– Я сама как-нибудь...

– Нет, это исключено! Городской транспорт уже не ходит, а маршрутку или такси в этом районе, да еще и в такое время, трудно поймать... Знаешь что?! Оставайся ночевать здесь! Дверь в этой комнате изнутри закрывается на задвижку. И потом, не думаешь же ты, в самом деле, что я собираюсь тебя насиловать?! Утром я отвезу тебя, куда скажешь, – и, не давая ей времени что-либо возразить, достал из шкафа аккуратно сложенное постельное белье и белый махровый халат. – Все – чистое. Спокойной ночи!

Не дожидаясь ответа, он вышел, закрыв за собой дверь. Какое-то время Катя продолжала сидеть со стопкой белья на коленях, но вскоре поднялась и начала стелить себе постель. "Что случится плохого, если я переночую здесь?!" – пыталась она успокоить начавшую было шевелиться совесть. Да и куда она могла пойти по сугробам в

модельных туфлях на шпильке?!

Она приняла душ, пытаясь смыть под горячими упругими струями усталость, накопившуюся за этот, такой длинный, день и в теле, и в душе; закуталась в халат и, выключив свет, прилегла на диван. Но сон, как назло, не шел! Во мраке комнаты ворочались причудливые тени, порожденные светом фонаря за окном. Нервы, до предела возбудо-

раженные жутким рассказом Адриано, казалось, звенели и готовы были оборваться, словно пересеченные струны. Несчастной женщине мерещилось то окровавленное тело Сальваторе, то чудовищный шрам

Анри, то волчья ухмылка Стаса. Потом из этого кошмара выплыли лица Королева и Бермана, и почудилось, будто гигантский отвратительный зародыш навалился ей на грудь и пытается вырвать сердце. Она вскрикнула и уткнулась лицом в подушку, уже не в силах отличить сновидения от реальности, ощущая только, что все тело сотрясает дрожь. Еще десять минут – и она сойдет с ума! Бедняжка вскочила и стремглав бросилась к выключателю. Испугавшись яркого света, призраки отступили, попрятались по углам...

В бутылке еще оставалось шампанское. Трясущимися руками Катя налила полный бокал; зубы отстучали по хрусталу мелкую дробь. Стало немного легче, но о том, чтобы погасить свет и лечь спать – не могло быть и речи. Зябко кутаясь в халат, бесприютной тенью бродила женщина по комнате, изнывая от страха и тоски. Возможно, это – последняя ночь в ее жизни, и провести ее здесь, скорчившись на диване, без сна, с содроганием наблюдая движение стрелок по циферблату... уже одна мысль об этом была невыно-

сима!

Наконец, Катя присела на край подоконника – туда, где час назад сидел Андрей – и сосредоточенно уставилась мутным взглядом то ли куда-то в пространство, то ли в глубины собственной души. Происходящая там борьба бросала на ее щеки то отсветы пожара, то смертельную бледность. Внезапно женщина, поплотнее запахнув полы халата, решительно направилась к двери и, отчаянно рванув задвижку, вышла в коридор.

В комнате Андрея горел свет. Он пробивался в щель под дверью и ложился на пол светящимся Рубиконом, через который Кате предстояло перешагнуть. Она подняла руку, намереваясь постучать, но передумала и, толкнув дверь, вошла.

Парень стоял у окна, скрестив руки на груди. Его бедра были обвязаны белым махровым полотенцем, еще более оттеняющим смуглую кожу, а великолепный торс обнажен. По тому, как дрогнули и напряглись классически совершенные мышцы спины, Катя поняла, что он услышал, как она вошла, но, тем не менее, не оглянулся.

Женщина обвела взглядом комнату – та же скромность обстановки, та же чистота, что и в гостиной; на письменном столе – несколько стопок аккуратно сложенных книг и две фотографии, которые Катя уже видела, а по стенам – ее портреты, выполненные и в графике, и в масле, и акварелью...

– Андрей! – тихо позвала она, с трудом шевеля пересохшими от волнения губами.

– Что случилось? – спросил он чужим, хриплым голосом, не оборачиваясь.

Катя, чувствуя, что решимость вот-вот покинет ее, и придется возвращаться к отвратительным призракам, притаившимся в соседней комнате, выпалила на одном дыхании:

– Андрей! Эта ночь ничего не изменит, но я хочу, чтобы она была!

Парень повернулся так стремительно, что женщина невольно отпрянула назад. Такого выражения лица ей еще не приходилось видеть.

– Катя! Я вынесу от тебя все: презрение, гнев, отвращение, но не жалость! Слышишь, не жалость!

– Нет-нет, Анри! Жалость тут ни при чем! – горячо воскликнула Катя, не ожидавшая такого поворота событий.

– Тогда – что же?! – спросил он недоверчиво, но уже мягче.

– Не знаю! Не могу объяснить! В моей жизни никогда не было другого мужчины, кроме мужа. Мать с детства воспитывала меня в этом отношении очень строго... Наверное, если бы я не встретила тебя... Нет! Не спрашивай ничего, пожалуйста! Ты мне очень нравишься! Очень! Если бы не сын... я уехала бы с тобой!

Катя была не совсем искренна: возможно, не зная всей правды, она и рискнула бы изменить свою жизнь и связать ее с Андреем Стрельцовым, но Адриано Моретти одновременно и завораживал, и пугал ее. Мир, к которому он принадлежал и который обещал подарить ей, был многогранен, красочен, великолепен, но, в то же время, жесток и беспощаден. На что бы сменила она беспросветную серость семейных будней? На ежеминутный страх получить "посылку" с бездыханным телом любимого человека, на ужас ожидания собственной смерти, готовой в любую секунду настичь ее, приняв облик пули, ножа или... грузовика?! И как компенсация этого кошмара – деньги, огромные деньги – роскошь, утопающая в грязи и крови?! Нет, такая жизнь была не для Кати! "Каждому – свое..." Но сейчас, этой ночью, ничего уже не имело значения!

– Эта ночь принадлежит нам, Анри! – тихо сказала женщина, не отводя взгляда от угольных зрачков.

Адриано подошел к ней, осторожно взял за плечи, заглянул в глаза.

– Катя! Ночь закончится, и наступит утро. Мне не хотелось бы, чтобы солнечный свет заставил тебе горько рас-

каиваться в содеянном!

– Неважно, Анри! Неважно! Я хочу, чтобы эта ночь была! Я хочу этого!

– Я мог бы подарить тебе тысячи восхитительных ночей, любимая! Но пусть будет, как ты хочешь... Даже, если эта ночь окажется единственной, я не променяю ее на все сокровища мира! Будет все, как ты хочешь, любовь моя! *Amore mia!*

Он потянул за поясok халата, и тот белой змейкой скользнул вниз на старенький потертый ковер. Полы распахнулись, и Катя ощутила, как кровь стремительно прилила к щекам... Халат не замедлил лечь рядом с поясом – руки Адриано действовали ласково и уверенно.

Она стояла перед ним обнаженная, затаив дыхание, с ужасом ожидая сочувственно-презрительного выражения лица, не раз в последние годы появляющееся у мужа, и фразы, типа: "Какая же ты худющая!". От волнения подкашивались ноги, кружилась голова. Казалось, еще мгновение, и она потеряет сознание. В этот миг Катя едва ли отдавала себе отчет, где она находится и что делает.

Адриано бережно и нежно провел кончиками пальцев по ее лицу, словно слепой или скульптор. И тотчас же, вслед за пальцами, легкие, едва ощутимые поцелуи затрепетали на Катиных щеках, шее, плечах. Становясь все более страстными, чуть дольше задержались на темных, набухших, словно розовые бутоны, сосках и вот уже заскользили по шелковистому животу, опускаясь все ниже и ниже... Катя застонала от наслаждения и закрыла глаза, теряя ощущение реальности...

– Ты божественно красива! – прошептал Анри.

Это были последние слова, сказанные им по-русски этой ночью. Но, вслушиваясь в жаркий шепот, наслаждаясь музыкой итальянской речи, Катя понимала, о чем он говорит, ибо слова любви не ведают языковых барьеров.

Утомленные, они уснули под утро, не разжимая объятий. С улыбкой на чуть приоткрытых губах, доверчиво и нежно прижавшись щекой к ужасному шраму, спала на груди Адриано Катя, впервые в жизни изведавшая этой ночью такие вершины и бездны любви, о существовании которых даже не подозревала. Анри не улыбался во сне, но на лице его было выражение такого безмятежного счастья, какое ни разу не появлялось на нем с тех пор, как парень покинул родной Неаполь. Этой ночью, впервые за три года, Адриано Моретти не снились кошмары.

XIV

– Почему она мне ничего не сказала?! Почему?! – в который раз задал Андрей вопрос то ли себе, то ли нервно измеряющей шагами длину больничного коридора Маше.

Долгое время вопрос оставался без ответа. Наконец девушка остановилась и, глядя на него сверху вниз,

не без некоторого сарказма, изрек:

– А что ты хотел услышать: "Андрюша, мне нужно сделать аборт, не мог бы ты меня подвезти..."?! Это?! Не каждая женщина рискнет сказать такое даже виновнику ее положения, не то что... Впрочем, возможно, ваша дружба уже перешагнула границы подобных условностей?!

Андрей смущенно кашлянул... Сегодня утром он отвез Катю к дому подруги. Ни словом не обмолвились они о чудесной ночи, которая, без сомнения, останется в памяти обоих до самого конца. Не было ни объяснений, ни уговоров. Только на ее чуть слышное "до свидания" он так же ти-

хо ответил: "Прощай, Катенька!" В тот момент он был уверен, что эта страница жизни уже безвозвратно перевернута, но выскользнувшая в коридор Маша крепко ухватила его за запястье и шепнула, чтобы не слышала Катя: "Подъезь часа через два к областной больнице! Очень тебя прошу!" ...И вот он сидит на жестком топчане в узком и длинном коридоре гинекологического отделения, следя взглядом за мечущейся взад-вперед Машей. Больных в эту часть здания, с устрашающей надписью на двери: "Посторонним вход строго запрещен", не допускают, только – медперсонал, и сейчас коридор пуст. Там, за стеклянной дверью, – операционная, там в этот момент находится Катя...

– Господи! Как курить-то хочется, а! – неожиданно простонала Маша. – И сигареты, как назло, кончились! У тебя нет?!

– Сейчас схожу куплю...

– Нет-нет! – испуганно воскликнула девушка. – Не уходи, ради Бога! Перебьюсь! Только не уходи!

– Маша! Может быть вы, наконец-то, присядете и объясните мне, в чем дело?!

Покусывая ярко накрашенные губы, она послушно села рядом.

– Что я должна тебе объяснить?

– Например, почему вы так нервничаете? Я понимаю, что при любой операции существует определенная доля риска, но эта – не настолько сложная, чтобы так изводить себя. Или есть еще что-то, о чем я не знаю?!

– Есть! – выдохнула она, нервно сплетая и расплетая пальцы.

– Что?! – спросил Андрей, внезапно бледнея. – Да не молчите же, Маша, Христа ради! В чем дело?!

– У нее очень больное сердце! Очень! И Дима – врач, который ее оперирует, – опасается, что она может не пережить наркоз.

– О Боже! – простонал Адриано.

Маша с некоторым удивлением отметила, какое глу-

бокое отчаянье отразилось на лице парня. Неужели он настолько сильно любит ее?!

– Значит она сейчас, в эту самую минуту, может... – Андрей запнулся, не в силах произнести вслух страшное слово.

– Умереть! – зябко поведя плечами, прошептала Маша.

– Абсурд какой-то! Ведь еще несколько часов назад... Господи! Это невозможно!

Маша промолчала в ответ.

– А ее муж? Он знает?! Как он мог допустить, чтобы она рисковала жизнью?! Почему Катя не оставила ребенка? – засыпал Андрей вопросами свою собеседницу.

– Муж?! – девушка презрительно хмыкнула. – Он заявил, что ребенок в наше время – непозволительная роскошь!

– Непозволительная роскошь... – задумчиво повторил Адриано.

– Впрочем, – стараясь быть справедливой, добавила Маша, – он не знал, чем может все это кончиться. Да и рожать-то ей тоже нельзя! Так хоть какой-то шанс остается! Так что, этот паразит невольно оказался прав: для Кати ребенок, и впрямь, – непозволительная роскошь, хотя он имел в виду всего лишь финансовую сторону проблемы.

– А она сама хотела этого ребенка?

– Да.

Андрей тяжело вздохнул и надолго замолчал, сосредоточенно разглядывая узоры на линолеуме.

– О чем ты думаешь? – наконец спросила Маша, пытаюсь разговорами заглушить все возрастающую тревогу за подругу. Время тянулось мучительно медленно. Дима предупредил, что у него сегодня несколько операций, и Катина будет последней. Но, все равно, как долго!

– Я думаю, – отозвался Андрей, – что этот самый Костя, очевидно, сам того не подозревая, высказал очень мудрую мысль.

– О чем ты?!

– Наверное, для каждого человека существует хотя бы одна "непозволительная роскошь" – что-то, чего ты страстно желаешь, за что готов отдать все, вплоть до жизни, но, увы, твоя жизнь оказывается никому не нужна, и это невозможно приобрести даже такой ценой! Бывает, люди долгие годы, вплоть до самой смерти, стремятся к призрачной цели, подчас заранее зная, что им никогда не удастся ее достичь...

– А у тебя есть такая неосуществимая мечта? – осторожно спросила девушка, невольно подумав о своем бывшем муже.

– Это не просто мечта, Маша! Это нечто гораздо более важное... Есть! Даже – две!

– А можно узнать, какие?

Андрей невесело усмехнулся:

– Можно, если не вдаваться в подробности! Одна – скажем так, "оживить" человека, который мне был очень дорог... Чтобы вы не страдали от любопытства, уточню, что это – мой брат... А вторая "непозволительная роскошь" находится сейчас за этими вот дверями, – кивнул он в сторону операционной.

– Андрюша! – мягко сказала Маша. – Не сдавайся! Дай Бог, чтобы сегодня все обошлось благополучно, и постепенно тебе удастся "завоевать" ее!

– Нет, Машенька! Нет! – печально улыбнулся Андрей. – Мы с Катей уже обо всем поговорили... Насильно мил не будешь! Одного я только не пойму...

Внезапно Адриано до боли сжал руку девушки, глаза его полыхнули:

– Ответьте мне, Маша: вчера Катя знала, что для нее эта ночь может стать последней?!

– Боюсь, что – да! Когда Дима говорил со мной об этом, Катя была в другой комнате, но мне показалось – она слышала!

Жутковато прозвучал в гулкой тишине коридора горький смех.

– Что ты?! – испуганно спросила девушка.

– Ничего! Ничего. Просто, наконец-то, все встало на свои места. Теперь мне все ясно!

– Что тебе ясно?!

Но он не успел ответить. Гул грузового лифта, которым пользовался лишь медперсонал, привлек их внимание.

– Господи! – прошептала Маша, и сердце ее сжалось в недобром предчувствии.

Мимо них пробежали шесть человек, с ног до головы одетых во все белое; лица их были закрыты марлевыми повязками, а на рукавах халатов красовался странный знак – красный крест внутри большой буквы "Р". В руках у них были небольшие сундучки с такой же монограммой. Шестерка бесшумно скользнула по направлению операционной...

– Господи! Господи! – повторяла Маша, прикрыв ладонью рот.

Андрей видел только ее округлившиеся от ужаса глаза.

– Что такое, Маша?! – воскликнул он, невольно заражаясь ее страхом и, довольно грубо, встряхнул девушку за плечи. – Что на этот раз?!

– Это же бригада реанимации! – чуть не плача крикнула она.

– О, нет! Только не это! – стоном вырвалось у Адриано.

Внезапно он закрыл глаза и горячо зашептал:

– Господи, Отче наш! Иже еси на небеси! Спаси ее! Спаси ее, Господи! Не дай ей умереть! Я так давно молился в последний раз! Я не помню ни одной молитвы! Но услышь меня, Господи! Услышь мя! Если тебе нужна чья-то жизнь – возьми мою! Возьми, Господи, но спаси ее! – и дальше что-то на незнакомом Маше языке.

В более подходящий момент она, должно быть, удивилась и постаралась узнать, кто же все-таки такой Андрей. Но сейчас ничего не имело значения! Ничего, кроме Катин

ной жизни! И Маша, мучительно пытаюсь вспомнить слова "Отче наш", молилась вместе с парнем.

Томительные минуты казались Вечностью... Наконец, реаниматоры, подобно призракам в белых саванах, так же безмолвно проскользнули обратно и скрылись в поглотившей их пасти лифта. Ни у Маши, ни у Андрея не хватило духа остановить их страшным вопросом. Ожидание становилось невыносимым. Из операционной больше никто не выходил. Впрочем, там была еще одна дверь – выход в ту часть здания, где находились палаты, но это мало успокаивало.

Но вот дверь открылась, и девушка тотчас же узнала высокую фигуру бывшего мужа. Он медленно шел к ним тяжелой походкой смертельно уставшего человека. Андрей и Маша молча стояли рядом не в силах ни сдвинуться с места, ни произнести хоть слово.

Дмитрий Викторович, прочтя немую мольбу в обращенных к нему глазах, ободряюще улыбнулся:

– Все в порядке! Уже все в порядке!

И, обессилено опустившись на топчан, спросил:

– Ребята, у вас сигаретки случайно не найдется?

– Митя! Ты же не куришь!

Он поднял на Машу воспаленные глаза и усмехнулся в усы:

– Вообще-то, не курю! Но сейчас – не мешало бы!

– Сигарет, к сожалению, нет! – сказал Андрей, сочувственно глядя на врача.

– Ну и ладно! – согласился тот.

– Дима, что с Катей?!

– Сказал же – все нормально!

– Ее можно увидеть? – спросил Андрей.

– Она спит, но если очень уж не могу – пожалуйста!

– Она уже в палате? – осторожно спросила Маша.

– Нет, пока в послеоперационной. Пусть побудет там еще полчаса... от греха подальше. Идите, молодой человек! За этой дверью – еще один коридор, там сидит медсе-

стра; скажете, что я разрешил – она даст вам бахилы и халат. Только идите через перевязочную, а не через операционную! Впрочем, Таня вас проводит... Еще одну минуту, пожалуйста! Скажите, вас, случайно, не Костя зовут?!

Маша заметила, как вздрогнул и побледнел парень.

– Нет! Меня зовут Андрей. А в чем дело?!

– Она под наркозом все время звала какого-то Костю. Я подумал... – и Дмитрий осекся под Машиным взглядом.

– Костя – ее муж! – спокойно объяснил парень, проявляя редкостное самообладание. – А я... Впрочем, неважно! Я только посмотрю на нее. Это займет всего несколько минут! С вашего разрешения!

Он повернулся и пошел по узкому длинному коридору. Две пары глаз неотрывно глядели ему вслед: темно-карие – с недоумением, янтарные – с состраданием. Но чем ближе была заветная дверь, тем медленнее и неувереннее становились его шаги. Не дойдя метра два, парень внезапно остановился, несколько секунд постоял в нерешительности и вернулся обратно.

– Что ты, Андрей?! – недоуменно воскликнула Маша.

Он как-то странно улыбнулся и быстро сказал:

– Не надо, Маша! Не стоит мне ходить туда. Я хочу запомнить Катю такой, какой она была вчера.

– Запомнить?! Я не понимаю, о чем ты?!

– Сейчас! Вы поймете! – он обернулся к врачу. – Простите, я не знаю ваше имя и отчество...

– Дмитрий Викторович.

– Дмитрий Викторович, не могли бы вы в двух словах объяснить, что такое у Кати с сердцем?

– В двух словах?.. Видите ли, я не специалист в этом вопросе. Порок митрального клапана, изменения аорты... Если вас интересуют детали, можете побеседовать с нашим кардиохирургом.

– Это излечимо?

– В общем-то, да! Но нужна операция! Жизненно необходима! Клапан надо заменить, без этого сердце не будет

нормально функционировать. Лекарственной терапией здесь не отделаться.

– В этой больнице такая операция реальна?

– Вполне!

– Сколько это может стоить? В долларах, пожалуйста!

– Затрудняюсь ответить...

– Хотя бы примерно! – Андрей говорил нервно, быстро, словно стремясь поскорее покинуть стены больницы. – Предположим, четырнадцать тысяч будет достаточно?

– Конечно!

– Отлично! Именно столько сейчас в банке на моем счету... Не могли бы вы сказать мне номер расчетного счета вашего учреждения?

Маша не могла поверить в реальность происходящего, Дмитрий Викторович тоже был явно озадачен.

Он задумчиво потер указательным пальцем переносицу:

– Андрей! Я не хочу ничего сказать плохого об администрации нашей больницы, но... думаю, будет лучше, если вы откроете для Кати личный лицевой счет.

– Понятно! – хмыкнул парень. – Я сейчас же поеду в банк и улажу все формальности...

– Молодой человек, думаю, вы даже не вполне себе представляете, что вы только что сделали для Кати!

– Андрюшка! Ты – прелесть! – Машины глаза сияли радостью и восхищением.

– Маша, вы прекрасно знаете, что значит для меня Катя! И для вас, Дмитрий Викторович, это уже не секрет... И все же, почему мимо нас промчались реаниматоры?

– У нее была остановка сердца! – вздохнул врач.

– Клиническая смерть?! – ахнула девушка.

– Можешь называть это так! Главное, все обошлось благополучно!

– Вы уверены, что она вне опасности?! – взволнованно спросил Андрей, покусывая побелевшие губы.

– На данном этапе – да! – поспешил Дмитрий Викто-

рович успокоить этого странного парня. – С моей стороны тоже никаких осложнений. Если подлечить сердце, она еще сможет иметь детей.

– Когда ей будут делать операцию на сердце?

– Не знаю! Это уже не в моей компетенции!

– Хорошо... Спасибо, Дмитрий Викторович! Спасибо за Катю!

Врач смущенно улыбнулся:

– Извините, но я вынужден вас покинуть. У меня сегодня еще ночное дежурство, а я, честно говоря, чертовски устал ... Маша, – Дмитрий потер переносицу, тщательно подбирая слова, – не могла бы ты зайти ко мне в кабинет? Мне очень нужно поговорить с тобой!

– О Кате? – спросила девушка дрогнувшим голосом.

– И о Кате тоже... До свидания, Андрей! Было приятно познакомиться с вами!

Андрей задумчиво смотрел вслед удалявшемуся доктору.

– Видимо, он очень хороший человек!

– Да! – тихо ответила Маша.

– Маша! – парень повернулся к ней. – Можно попросить вас об одном одолжении?

– Конечно!

Он расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке (Маша затаила дыхание!), снял с шеи витую цепочку с диковинным крестом, на котором вместо Спасителя была роза, и вложил в ладонь девушки.

– Передайте это Кате, пожалуйста! И эту записку тоже... – он вырвал из записной книжки листок и быстро набросал несколько строк, едва заметно улыбаясь каким-то своим мыслям.

Маша не удержалась и, вытянув шею, заглянула в текст послания. "Две небольшие луковицы мелко нарезать и обжарить на оливковом масле до бледно-золотистого цвета..." – и тому подобное. Абракадабра какая-то!

– Что это?! – изумленно спросила девушка.

– Катя поймет! – он снова улыбнулся, теперь уже ей. – Прощайте, Маша!

– Как это "прощайте"?! Ты что, уезжаешь?!

– Да!

– Почему, Андрей?! Почему?!

– Так будет лучше!

– Кому?! Кому будет лучше, Андрюша?! Ты с ума сошел!

– Прежде всего, Кате! Я – лишний здесь, поймите же это, наконец! Машенька, поверьте, я очень благодарен вам за участие и сочувствие, но... она, кажется, действительно любит мужа. Я не хочу стоять у них на дороге!

– Почему ты так решил?! Мало ли что можно наговорить под наркозом!

– Да дело совсем не в этом!

– А в чем же?!

– В непозволительной роскоши! – грустно усмехнулся Адриано. – Прощайте, Машенька! И спасибо вам за все!

– Куда же ты едешь? Хотя, зачем я спрашиваю?! – в отчаянье махнула рукой Маша. – Все равно ведь не скажешь!

– Домой! В Петербург! Больше, действительно, ничего не скажу!

– Андрей! Неужели ты, и впрямь, вот так внезапно возьмешь и исчезнешь?!

Адриано какое-то мгновение колебался, но, тем не менее, ответил:

– Я позвоню вам, Маша! Позвоню, чтобы узнать, как прошла операция... Но при одном условии: вы ни слова не скажете Кате о моем звонке! Хорошо?

Девушка кивнула и на мгновение нежно прижалась губами к тщательно выбранной щеке.

– До свидания, Андрей! Да хранит тебя Господь!

...Медсестра проводила Машу в двухместную палату, куда уже перевезли очнувшуюся от наркоза Катю.

– Катюха! – девушка бросилась к подруге. – Катюха! Родная моя! Как я рада, что все обошлось! Как ты себя чувствуешь?!

– Нормально! – слабо улыбнулась Катя. – Сердце только немного побаливает... Я уже знаю, что у меня была клиническая смерть.

– Дима мне сказал!

– Твой Дима – замечательный человек и прекрасный врач! Я ему бесконечно благодарна! Если бы не он – скорее всего, я бы умерла...

– Скажи, Катя, – осторожно спросила Маша, – ты все это время знала, что можешь не выдержать наркоза?

– Да! – улыбнулась женщина. – Я слышала ваш разговор в кабинете...

– Катька! Ты очень мужественный человек! – восхищенно воскликнула девушка.

– Куда там! – отмахнулась Катя. – Знаешь, как мне было страшно?!

– Бедная ты моя! – ласково погладила Маша подругу по руке. – Дима сказал, что после того, как тебе подлечат сердце, ты еще сможешь иметь ребенка.

– Нет, Машенька! Это был последний шанс, и я им не рискнула воспользоваться. Увы, отныне ребенок для меня, и в самом деле – непозволительная роскошь!

– Что вы сегодня все твердите эту дурацкую фразу?! – раздраженно вырвалось у Маши.

– Кто – все?!

– Сначала Андрей, теперь – ты!

– Андрей был здесь?! – живо спросила Катя.

– Разумеется! Все время, что ты находилась между жизнью и смертью, он был здесь! Не смотри на меня так! Да, это я ему сказала, что ты в больнице и почему! Дура ты, Катька, дура! Попомни мое слово: никто и никогда не будет любить тебя так, как любит этот парень!

– Я знаю! – тихо сказала Катя.

– Что ты знаешь?! Видела бы ты его лицо, его глаза

там, в коридоре! Ты знаешь! А что он уехал, навсегда уехал, знаешь?! – горячо воскликнула Маша, акцентируя ударение на слове "навсегда".

– Знаю! – все так же тихо, не поднимая глаз, ответила Катя.

– Он просил передать тебе это! – и девушка положила на одеяло цепочку и сложенный вчетверо листочек бумаги. – Сказал, ты поймешь, что это значит.

Катя с некоторым недоумением развернула листок, прочитала послание и тихонько рассмеялась.

– Чему ты смеешься?! – удивилась Маша. – Что это за шифровка?

– Это рецепт, Машенька! Всего лишь рецепт соуса к спагетти!

– Вы оба чокнутые! – печально констатировала факт Маша. – А это что за языческое распятие?

– Это талисман! – сказала Катя уже серьезно. – Талисман, передаваемый в семье Андрея от отца к сыну. Эта вещь очень дорога ему! Это бесценный подарок, Маша! Не спрашивай меня ни о чем, пожалуйста! Это – не моя тайна!

– Значит, все-таки, Андрей рассказал тебе, кто он?! – задумчиво протянула девушка. – Что ж, это – еще одно доказательство его любви! Не беспокойся, я не стану тебя расспрашивать! Но есть еще кое-что, чего ты не знаешь! Андрей открыл для тебя счет в банке и положил на него четырнадцать штук баксов! Твоя операция по замене клапана оплачена с лихвой, подруга!

– Боже мой! Зачем он это сделал?! – ахнула Катя, приподнимаясь на локте.

– Лежи! Чтобы твой драгоценный муж, которого ты так любишь, не остался вдовцом! Он, по-моему, только об этом и мечтает! Ненормальные вы все какие-то, честное слово!

– Не надо, Машенька, – мягко сказала Катя, с нежностью прижимая к груди талисман и записку. – Ты же не знаешь всего!

– Ладно! – вздохнула Маша. – Бог вам всем судья: и тебе, дурочка ты моя правильная, и мужу твоему – эгоисту проклятому... и этому загадочному рыцарю тоже! Я и так уже влезла, куда мне не следовало совать свой нос! Просто жалко и тебя, и мальчика этого! Ей богу, до слез жалко! Жизнь такая короткая, Катюха, а вы ее еще сами себе портите!

– А ты?! – улыбнулась Катя.

– А я что – лучше, что ли?! Я вот сегодня Митьку после операции увидела, а у него руки дрожат... Не поверишь, так мне вдруг захотелось прижаться к этим рукам и расцеловать их! Не суждено мне, видно, разлюбить его!

– Может быть, у вас еще что-нибудь получится! – не совсем уверенно произнесла женщина.

– Да что там может получиться! – безнадежно махнула рукой девушка. – У него семья, на кой черт я ему нужна?! ...Ладно, подруга! Где наша не пропадала! Все будет о'кей, верно?! Мы с тобой молодые и красивые! У нас еще вся жизнь впереди!

– Неисправимая оптимистка! – улыбнулась Катя.

– А что мне еще остается?! – лукаво подмигнула Маша. – Тебя когда отсюда выпустят?

– Завтра.

– Вот и чудненько! Завтра я за тобой на такси заеду... да и вечером еще забегу! А сейчас мне надо бежать в институт. Кроме того, Дима зачем-то просил зайти к нему в кабинет... Поправляйся! – и, чмокнув подругу в щеку, выпорхнула из палаты.

Подойдя к двери кабинета завождением, Маша уловила запах сигаретного дыма и, вспомнив, как мучительно хотелось курить в страшные минуты ожидания, судорожно вздохнула и зябко повела плечами...

Распахнула дверь и вошла, не постучав.

Дмитрий вздрогнул от неожиданности и чуть не уронил сигарету.

– Извини! Я не хотела испугать тебя!

– Нервы! – смущенно улыбнулся он, подвигая ей пачку "Мальборо".

– Зачем ты куришь, Дима? – спросила Маша, с наслаждением затягиваясь.

– Могу задать тебе аналогичный вопрос... У меня сегодня был очень тяжелый день, Маша!

– У меня тоже!

Докурили молча. Маша ничего не спрашивала, а Дмитрий, очевидно, не знал с чего начать разговор.

– Ты хотел со мной поговорить о Кате... – пожалела она его, когда молчание стало слишком уж тягостным.

– Нет! Не о Кате!

– О чем же?! – насторожилась Маша.

– О нас с тобой!

– О нас?! А разве есть о чем говорить?

– Да! – решительно сказал он. – Есть! Я хочу попросить у тебя прощения, Машенька!

– Ты?! За что?! – искренне удивилась девушка.

– За то, что пять лет назад вел себя как подлец и последний идиот! Я понял это потом, позднее, когда жизнь меня самого изрядно побила...

– Нет, Дима! Это ты меня прости! – перебила Маша. – Мне нужно было сразу поговорить с тобой, рассказать всю правду... Но я испугалась и запуталась в собственной лжи!

– Я тоже виноват!

– Дима, ради Бога, давай не будем об этом! – воскликнула Маша. – Все это было так давно... Теперь ничего уже не изменить и не исправить! Если тебе будет легче от этого, считай, что я тебя простила!

Она повернулась к нему спиной и подошла к окну, опасаясь, как бы Дмитрий не увидел ее лица, искаженного болью, которую она так старательно прятала от людских глаз и от себя самой в самом потаенном уголке души, и которая теперь властно рвалась наружу, разрывая сердце.

Врач снова закурил.
– Как ты живешь,
Маша?! – спросил он, и
его такой знакомый, та-
кой родной голос чуть
дрожал от волнения.

– Нормально! Нор-
мально живу! – ответила
она, не оборачиваясь.

– Ты... замужем?

– Нет.

К Машиному удивлению за спиной раздался вздох об-
легчения.

– Почему? – этот вопрос прозвучал уже скорее по
инерции; главное было выяснено.

– Некогда было! Я закончила аспирантуру в Киеве, те-
перь – кандидат наук.

– Ты молодец, Машка! Честное слово, молодец!

– Мне всегда хотелось стать такой, чтобы ты мог мной
гордиться, – горько усмехнулась девушка. – Теперь препо-
даю на кафедре химии... здесь, совсем рядом, через дорогу.

– Как странно, что мы до сих пор не встретились на
улице!

– Дима, мы не встретились, потому что я не хотела
этих встреч... Я много раз видела тебя вместе с сыном. Хо-
рошенький мальчик! И очень похож на тебя!

– Спасибо, Маша! – тихо сказал Дмитрий, и интонация
была красноречивее слов. – Знаешь, я ведь искал тебя! Но
соседи мне сказали, что ты уехала...

– Да, родители и сейчас в Киеве.

– А ты? Почему ты вернулась? – спросил он осторож-
но.

– Не знаю...

– Я... я очень скучал по тебе, Машка! Мне так тебя не
хватало! – внезапно сказал он.

– Не надо, Дима! Не надо ворошить прошлое, прошу

тебя! – воскликнула она, закрывая лицо ладонями. – Ни к чему все это! У тебя есть жена!

– У меня нет жены! – резко ответил он.

– Как – нет?! – ошарашено переспросила Маша, обращившись.

– Вот так! Уехала! Сначала, якобы, на гастроли... Она – танцовщица! А потом прислала письмо... из Америки! "Прости, Дима! Я встретила человека... Сыну будет лучше с тобой!" И так далее, в том же духе!

– Это чудовищно! Как можно бросить своего ребенка?!

– Видишь, оказывается – можно! – горько усмехнулся Дмитрий.

– Боже мой! Бедный мальчик! – не могла прийти в себя Маша. – Как его зовут?

– Его зовут Сережа! И он совсем не бедный, уверяю тебя! Лучше вовсе не иметь мать, чем такую...

– Мне очень жаль, Дима! Ты... любил ее?!

– Нет! Ты прекрасно знаешь, что – нет!

– Почему я должна это знать?! – пробормотала Маша, снова отворачиваясь к окну.

– Потому что я всегда любил только тебя! Потому что я, дурак, слишком поздно понял это! Мне нет прощения, Маша! Но я просто хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя! Люблю ничуть не меньше, чем в начале... Теперь эта любовь выстрадана мною! Я люблю тебя, Машка! Я так люблю тебя!

Прикусив губу, чтобы не закричать, то ли от боли, то ли от счастья, Маша резко обернулась и увидела прямо перед собой темно-карие, полные невыразимой тоски, глаза.

Она обвила руками шею бывшего мужа и уткнулась лицом в его плечо, повторяя:

– Митька! Митька! Митька!

И вдруг поняла, что, впервые за эти годы, плачет.

Не вынимая из рта неизвестно какую по счету сигарету, Костя, небритый, взлохмаченный, в старых спортивных штанах с вытянутыми коленями, в видавших виды шлепанцах со стоптанными зад-

никами, бесприютной тенью бродил по квартире. Собственно, размеры "апартаментов" не позволяли хоть сколько-нибудь разнообразить маршрут, посему, траектория следования была чрезвычайно упрощена: из кухни – в комнату и обратно через коридорчик размером чуть больше лифта. Не разгуляешься...

Вид у брошенного мужа оставлял желать лучшего: лицо заметно осунулось, приобрело землистый оттенок; ввалившиеся глаза, покрасневшие от бессонной ночи, лихорадочно блестели. Впрочем, "берлога" выглядела ничуть не лучше хозяина! Как, оказывается, быстро собирается эта проклятая пыль! Всего третьи сутки, как ушла Катя, а вот, поди ж ты, хоть узоры на мебели рисуй! Третьи сутки... Костя яростно подфутболил смятую пачку "Ватры". Сроду такую дрянь не курил, но на лучшее денег нет! Ударился ногой о журнальный столик, чертыхнулся вполголоса, словно опасаясь разбудить эхо в квартире, ставшей теперь такой пустой и заброшенной, и вышел на кухню.

Едва переступив порог этого "женского царства", куда он заходил исключительно, чтобы поесть, Костя споткнулся

о пустую бутылку из-под водки и чуть было не растянулся. Вторая бутылка, уже почти пустая, стояла на столе; рядом, в водочной лужице, валялся надкусанный зачерствевший кусок хлеба, а на нем сидел, нагло шевеля усами, жирный рыжий таракан и, видимо, ощущая свое явное превосходство над хозяином, удирать не собирался.

– Сволочь! – мрачно процедил сквозь зубы Костя, опускаясь на табурет.

Кому было адресовано данное замечание осталось неизвестным, но таракан, посчитавший, что его это не касается, даже не пошевелился.

Хозяин протянул было руку, чтобы прихлопнуть мерзкое насекомое, но внезапно передумал и, хмыкнув: "Черт с тобой, живи!", ухватил бутылку за горлышко. От хлебнул глоток, не закусывая, даже не поморщившись; с тоской огляделся вокруг. По кухне (впрочем, как и по комнате) плавали клубы табачного дыма, лениво покачиваясь под потолком. Форточке было не справиться с такой завесой. Всюду валялись смятые сигаретные пачки, спичечные коробки, скомканные бумажки... Не то, чтобы Костя был неряхой, но за порядком всегда следила Катя, а сейчас убирать, тем более, не было ни малейшего желания.

На столе, помимо бутылки и таракана, находилась керамическая пепельница в форме распустившегося цветка с отколотым лепестком. Когда же это он успел ее разбить? Странно... Гора окурков в пепельнице уже не помещалась, и они отвратительными белыми червями выползали на прожженную в нескольких местах клеенку. Вот Катя даст чертей, когда вернется! Если вернется...

Костя снова отхлебнул водки... Всю ночь он безуспешно пытался напиться. Напиться до отключения сознания, до потери разума. Куда там! Напрасный труд, только деньги зря потратил! Деньги, взятые займы у Кузьмича – начальника цеха, своего непосредственного шефа.

Вчера, после стычки с Машей, Костя до поздней ночи бродил по промерзшим ветреным улицам. Домой идти не

хотелось – там было пусто и уныло без Артемки и Кати... Там или в душе? От себя-то не убежишь... Незаметно он очутился у дома, где жил начальник. Захотелось выговориться, "поплакать в жилетку". Кузьмич – хороший мужик, душевный, он поймет. Пешком поднялся на пятый этаж, позвонил. Дверь открыл сам Кузьмич "при полном параде" и слегка подшофе; из комнаты доносился гул голосов – начальник который день отмечал юбилей.

– О, Костя! – обрадовался шеф. – Заходи, дорогой! Заходи!

– У вас гости! – смутился тот. – Я как-нибудь в другой раз.

Кузьмич повнимательнее пригляделся к приемнику:

– Ну и рожа у тебя, Шарапов! – попытался сострить он. – Что стряслось, выкладывай!

– Кузьмич, я это... на работу завтра не выйду, хорошо?!

– Вот те раз! – удивился начальник. – А дела я кому передавать буду?!

– Так ведь не горит же! Через неделю передадите...

– Что-то я тебя, парень, не пойму! – нахмурился Кузьмич. – Я у директора твою кандидатуру защищал зубами и когтями, а ты дуришь теперь! Сдрейфил что ли?!

– Нет, Кузьмич, нет! Просто... чувствую я себя что-то хреново! Приболел... Простудился, наверное...

– Ты, Костя, не темни! Я тебя не первый год знаю!

– С женой я поругался! – выпалил Константин. – Бросила она меня!

– Вот те на... – сочувственно протянул начальник, – это, и впрямь, серьезно! Ну, да ты не унывай! Оно ведь – дело молодое! Помирись! Что вы там не поделили-то, а? Расскажи старику!

– Долго рассказывать! – горько усмехнулся Костя, поживаясь. – Следующий раз как-нибудь... Что-то меня морозить начало. Как бы и впрямь не простудиться! Накаркаю еще!

Кузьмич дружески обнял его за плечи:

– Зайди, сынок! Выпьешь сто грамм, согреешься – авось полегчает! Уважь старика!

– Спасибо, Кузьмич! Не то у меня сейчас настроение... – Костя замаялся, пристально рассматривая носки своих ботинок, на которых уже успел растаять грязный снег. – Кузьмич! Одолжи червонец до получки!

... По дороге домой червонец превратился в две бутылки водки, буханку хлеба и несколько пачек сигарет.

Сейчас в бутылке оставалось всего пара глотков. Костя поболтал водку на доньшке, посмотрел сквозь нее на лампочку под потолком, затянутую пеленой дыма, тяжело вздохнул.

– Хочешь? – обратился к таракану. – Нет? Ну и правильно! Я тоже не хочу...

И, залпом опорожнив бутылку, забросил ее под стол.

– Попытка напиться закончилась полным провалом! Впрочем, как и все в моей треклятой жизни! ...Нет, ты скажи, как она могла так поступить со мной, а?! Я же не хотел ее ударить, замахнулся просто. Да я пальцем к ней ни разу в жизни не прикоснулся! Почему она ушла? Почему?!

Костя со стоном обхватил ладонями голову, сжал виски. Казалось, голова от нестерпимой боли вот-вот расколется на части.

– А знаешь, что самое смешное? – продолжал страдалец, найдя в таракане терпеливого слушателя. – Никогда бы не подумал, что буду так мучиться из-за нее! А со вчерашнего вечера, вообще, – настоящий ад! Я ведь ее как в институте увидел, ошалел... Знаешь, дружище, а у меня, оказывается, очень красивая жена! Я и сам об этом только вчера узнал! Вот Машка – та знала... Голову даю на отсечение, что знала! Стерва! Как она меня, а?! На обе лопатки положила, гадина... "Ты ей всю жизнь испортил, не порти хоть сегодняшней вечер..." Чем это я ей жизнь испортил?! ...Да что ж так голова-то болит?!

Костя поднялся, подошел к раковине, напился воды

прямо из-под крана; постоял минуту в раздумье и решительно подставил голову под обжигающе ледяную струю... Таракан не уходил, наблюдая за человеком...

– Ты бы посмотрел вчера на ее лицо, – вновь начал Костя изливать душу своему "собеседнику", – я ее сроду такой счастливой не видел! Красивой и счастливой... Она была одета в какое-то немислимое платье с абсолютно голой спиной... Это Машкиных рук дело! Как пить дать, Машкиных! Но весь фокус не в платье... Она танцевала с этим типом, с этим Аленом Делоном, с этим красавцем чертовым... и, видел бы ты, как сияли ее глаза, как она улыбалась! А он... Он же смотрел на нее, как кот на сало! Да! Да! Ты тысячу раз прав – я ревную! Ревную, черт возьми! Я тебе больше скажу... только тебе: сегодня ночью я понял, что люблю ее! Смешно, правда?! А мне нисколько не смешно! Мне больно, дружище, очень больно! Посуди сам: сначала уходит жена, потом ее подруга выливает на меня ушат грязи, потом я открываю Америку, что один дурак умудрился прожить с женщиной двенадцать лет и даже не заметил, какая она красивая и, наконец, у меня пытаются ее увести из-под самого носа! Каково?! Нет, еще не все! Ей вдруг захотелось иметь ребенка! Скажи, ради бога, на кой черт он ей понадобился! Где я возьму для этого деньги?! Все эти пеленки, вяканье по ночам... Нет, я понимаю, если бы у нас не было детей! Но есть же Темка! Если бы ты знал, как я его люблю! Он – отличный парнишка! А какой хорошенький, какой смешной он был маленький! Эти крохотные ручки, эти пальчики, за которые и брать-то страшно: так и кажется, что сейчас сломаешь... Эй! Ты куда это?! Постой! И ты меня бросаешь?! Ну и черт с тобой, катись! Сволочь...

Таракану, видимо, надоело выслушивать этот "плач в жилетку", он решительно развернулся и ушел куда-то по своим тараканьим делам. Костя замолчал. Не разговаривать же, в самом деле, самому с собой! Ведь не пьяный же и не чокнутый, вроде! Он задумался, вспоминая то время, когда Артемка был маленький. Черт возьми, оказывается, это бы-

ли самые лучшие годы! Да, было тяжело! Очень тяжело! Институт, ребенок, общага, неустроенность... И все же, тогда они с Катей были счастливы и любили друг друга. По крайней мере, о себе он может так сказать... Где сейчас Катя?! Что она делает, о чем думает?! Где и с кем провела она эту ночь?! Дай Бог, чтобы у Машки! Ох, как болит голова и сердце... и душа тоже! Она-то, как раз, больше всего болит! Мог ли он, два года назад бросивший жену ради другой женщины, которая казалась ему тогда совершенством, даже предположить, что наступит день, и он сам не будет находить себе места от ревности, боли и отчаянья?! Мог ли предположить, что его жена, его Катя, вот так просто повернется и уйдет из дома, а он будет готов биться головой о стену, лишь бы вернуть ее... Вернуть любой ценой! Любой? Она хочет ребенка... Вот это и есть – цена! Что он крикнул ей вдогонку в ту проклятую пятницу? "Можешь не возвращаться, пока не сделаешь аборт!" Страшные слова отчетливо всплыли в памяти, будто полоснули по сердцу колючей проволокой. Чудовищно! Машка права! Как он мог?! Как только язык повернулся?! Нужно было по-другому, совсем по-другому: уговорить, объяснить как-то... Идиот! Простит ли она его теперь? Да и какая женщина сможет простить такое?! Сегодня же он пойдет к ней (нет, не в институт – в Машкину квартиру!) и попросит простить его, простить за все, за все эти годы... Она хочет ребенка? Пусть! Пусть будет, как она хочет! Лишь бы вернулась... Лишь бы не было поздно...

Решение было принято, и стало немного легче, даже головная боль, как будто, начала проходить... Нет, все уладится, все обязательно будет хорошо! Если подумать, ребенок – это не такая уж катастрофа. Дети растут быстро. Очень тяжело только первый год, а дальше – будет еще один такой Темка... Или нет, лучше пусть будет девочка! И пусть она будет такая же нежная и красивая, как мама, с такими же изумрудными глазами...

Радужные мечты прервал стук в дверь! (Звонок вот

уже месяца два, как сломался – все руки не доходят починить!) Стучали негромко, вежливо, но решительно. "Катя!" – внезапная радость захлестнула волной, сердце заколотилось где-то в горле. Но волна тут же схлынула под натиском неумолимой логики: у Кати есть ключи, да и откуда ей знать, что он сегодня не на работе. В душе шевельнулось какое-то недоброе предчувствие. Костя с трудом поднялся и на одеревеневших ногах пошел открывать дверь.

На пороге стоял, засунув руки глубоко в карманы элегантного плаща, тот самый красавец, который танцевал с Катей. Был он во всем черном, словно призрак из ада, и лишь белая прядь отчетливо выделялась в смоляной шевелюре. С минуту хозяин и гость молчали, пристально глядя глаза в глаза – изучая, прикидывая, оценивая друг друга. Первым заговорил незнакомец.

– Вы – муж Екатерины Александровны? – голос был хриплый, с каким-то странным акцентом.

– Да, я! – выдавил из себя Костя. – А в чем дело?

– Ваша жена в больнице, – жестко сказал парень, видимо, сознательно нисколько не намереваясь щадить чувства собеседника, – во время операции у нее была остановка сердца. Клиническая смерть. Под наркозом она все время повторяла Ваше имя. Я могу отвезти Вас в больницу... если хотите, разумеется.

Костя пошатнулся, ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть. В больнице... Клиническая смерть... Операция... Слова навалились свинцовой тяжестью, оглушили, затуманили сознание.

– Какая операция?! – тупо спросил Константин, все еще не в силах до конца постигнуть смысл услышанного.

– Аборт! – жестко ответил парень, и ни один мускул не дрогнул на бесстрашном, словно античная маска, лице, только мрачное пламя, полыхающее в аспидных глазах, отчасти выдавало чувства, бушующие сейчас в его душе.

Сказал, как отрезал, будто пощечину залепил! Больно... Боль и безысходность... Опоздал! Опять опоздал!

Едва слышно прошептал побелевшими губами, не в силах произнести страшное слово:

– Она... она...?! – и опустил глаза, с ужасом ожидая приговора.

– С ней все в порядке! По крайней мере, так говорит врач, – сжалился незнакомец, и голос его чуть дрогнул. – Вы едете?

– Конечно! Конечно! – воспрянул Костя. – Спасибо!

– Благодарность неуместна! Я делаю это ради нее, но никак не ради Вас! Соберитесь быстрее... Я спешу!

– Да-да! Я понимаю! Конечно! – засуетился Катин муж.

Глыба, чуть было не раздавившая сердце, слегка отвалилась в сторону. Она жива! Слава Богу, жива! Это главное, все остальное сейчас просто не имеет значение! Пусть она не простит его, пусть никогда не вернется, пусть останется с этим красавцем – не важно! Важно одно: она – жива!

...Красная иномарка резко затормозила у парадного областной больницы.

– Приехали! – сказал Андрей, не выключая зажигания. – Это на третьем этаже. Подойдите к заведования – он скажет, в какой она палате. Прощайте!

– А Вы? – удивленно спросил Костя.

– А мне в другую сторону! – криво усмехнулся парень и, помолчав, неожиданно добавил: – Береги ее, Костя!

– Спасибо тебе!

Костя постарался вложить в два простых коротеньких слова всю душу и, по-видимому, ему это удалось: бездонные глаза парня слегка потеплели, и аристократически длинные пальцы Адриано Моретти встретились с шероховатой, покрытой мозолями, ладонью Константина Приходько в крепком мужском рукопожатии.

XVI

Мучительное нервное напряжение, цепко державшее в своих когтях молодую женщину, наконец-то отступило. Самое страшное осталось позади и сейчас Катя, полуприкрыв глаза, наслаждалась безмятежным покоем тела и души. Не было изнуряющей тошноты, не было отвратительного, туманящего сознания, страха. Осталась только привычная ноющая боль в области сердца, но с ней Катя уже давно сроднилась.

За окном смеркалось. Катя не любила это время суток – время перехода от дня к ночи. Чем-то тревожным веяло от сгушавшихся с каждой минутой сиреневых теней, принимавших зловеще лиловый оттенок. Но сегодня ее не мучили никакие предчувствия, даже угрызения совести не терзали душу. Не чувствовала Катя себя виноватой! Ни перед мужем, ни перед этим, теперь уже не существующим, так и не родившимся, ребенком, ни перед самой собой. Пожалуй, первый раз в жизни не было в ее истерзанной душе раскаянья. Неужели всего одна ночь, проведенная с Анри, так изменила ее? Анри! Адриано Моретти. Андрей Стрельцов... Катя знала, что до самого конца, до последней своей минуты, не сумеет она забыть эти сверкающие глаза, эти обжигающе горячие губы, этот страстный шепот на чужом языке, полный нежности и страдания, словно читающий молитву любви... любви и разлуки. Разлуки навсегда. И в этом Катя была твердо уверена, как и в том, что она поступила правильно, не связав свою жизнь с жизнью Адриано, превратившуюся в орудие мести, безнадежно искалеченную ненавистью и болью.

Катя крепче сжала в руке подарок Андрея. Талисман нагрелся в ее ладони и, казалось, все еще хранил тепло тела самого Анри, совершенного тела античного бога, обезображенного чудовищным шрамом – свидетельством нечелове-

ческой жестокости и гнусности. Катя вспомнила, как целовала ночью страшную отметину и зажмурилась от внезапно нахлынувшей нежности к этому удивительному человеку – скрытному, мужественному, если не сказать суровому, и, в то же время, трогательно ласковому, всегда готовому к самопожертвованию, с душой открытой и доверчивой, словно у ребенка.

Это хорошо, что у него хватило мудрости и мужества уехать! Катя чувствовала: еще несколько таких ночей и она сдалась бы... не столько уговорам парня, сколько зарождающейся в ее сердце любви, любви, которая грозила вспыхнуть ослепительным пламенем и мгновенно поглотить все догматы о долге и верности мужу. Возможно, она не рискнула бы разрушить свою семью (вернее, ту хрупкую оболочку, которая от нее осталась), но любовницей Адриано Катя, несомненно, стала бы. Внезапно женщина поймала себя на предательской мысли: она жалеет, что этого не случилось! Впрочем, Катя почти не сомневалась, что Анри обязательно позвонит Машке, чтобы узнать, как прошла операция, на которую он "отвалил" такие деньги. Как, опять-таки, по необъяснимой причине, нисколько не сомневалась, что операция пройдет успешно, если уж сегодня ей каким-то чудом удалось увернуться от объятий смерти. И вот, когда он позвонит... О, нет-нет! Об этом лучше не думать!

Не открывая глаз, женщина перевернулась на спину. Свет лампы под потолком уютной двухместной палаты, любезно предоставленной Королевым в ее полное распоряжение, проник сквозь сомкнутые веки. И Катя вспомнила...

Сегодня, во время операции, выражаясь поэтическим языком наших прабабушек, ее "посетило видение"... Пожилой хмурый анестезиолог сделал ей укол в вену, задерживая над обостренными до предела нервами спасительную завесу наркоза. И вдруг Катя увидела свет, неправдоподобно яркий, но отнюдь не ослепляющий, исходящий откуда-то из-под потолка операционной в том самом месте, где – она это точно запомнила – никаких осветительных приборов не бы-

ло и в помине. Дальше – больше... Внезапно она увидела себя, увидела откуда-то сверху, словно загадочный Свет поднял ее над землей. Интересно, что, кроме удивления, Катя ничего не почувствовала. Было ощущение всеобъемлющего покоя и тепла, не оставляющее места страху, словно парить под потолком, наблюдая, как мечутся врачи над бездыханным, распростертым на операционном столе собственным телом – нечто обыденное.

А потом она мгновенно перенеслась в какое-то совершенно незнакомое ей место. Кругом были скалы – грозные, неприступные, напрочь лишённые какой бы то ни было растительности. Ни одна травинка не радовала глаз нежной зеленью, ни одна пичужка не пролетала с веселым чириканьем в бескрайнем небе. Да и неба-то как такового не было – лишь что-то гигантское, мрачное, нависшее над головой давящей безысходностью. Катя опустила глаза и обнаружила, что под ногами расстилается такая же чудовищная бездна, заполненная клубящимися щупальцами непроницаемого мрака, а сама она стоит на шатком подвесном мостике, каким-то чудом оказавшимся среди этого дикого гнетущего ландшафта. Неожиданно, на противоположных концах мостика, теряющихся во мраке, она увидела Костю и Адриано, а над головой вновь вспыхнул уже знакомый удивительный Свет. И оттуда, из глубины этого сияния, прозвучал голос – всего одно слово: "Выбирай!". По крайней мере, Кате показалось, что она услышала именно это, но услышала как-то странно, не путем обычного слухового восприятия нормального человека, а так, словно неведомый голос зазвучал в ней самой. И женщина поняла, что сейчас она должна выбрать нечто несравненно большее, чем одного из двоих мужчин, неподвижно застывших каждый на своем месте – возможно, сделать выбор между жизнью и смертью. Она нерешительно оглянулась по сторонам, но Свет безмолвствовал, и неоткуда было ждать подсказки и помощи. Катя встретилась взглядом с глазами Анри, здесь они были такими же, как и в реальной жизни, – мерцающими безднами,

полными тайны и боли. Парень грустно улыбнулся ей. Потом она повернулась к мужу и неожиданно, словно не по своей воле, протянула к нему руки и тихо позвала: "Костя!". И услышала в ответ: "Прости меня, Катя, прости меня!". И тотчас же Свет переместился к тому концу мостика, где стоял Константин, и теперь уже сиял за его спиной, маня неудержимо и властно. Катя сделала шаг к Свету и сразу же оказалась рядом с мужем, интуитивно почувствовав, что сделала правильный выбор. В тот же миг появилась уверенность, что теперь все в ее жизни изменится к лучшему.

Катя оглянулась назад – туда, где остался Адриано. Он все так же улыбался, но теперь в улыбке, казалось, промелькнула обреченность, точно Ангел Смерти, взмахнув крылом над головой парня, бросил мрачную тень на его черты. Неожиданно Анри расстегнул воротник рубашки и снял с шеи талисман – драгоценный подарок погибшего брата. Он прикоснулся к нему губами, и внезапно Катя почувствовала, что крест-кинжал лежит в ее ладони. А парень взмахнул прощально рукой и растаял в беспроглядной тьме...

В тот же миг она, теперь уже наяву, услышала взволнованный голос Королева: "Жива! Слава Богу – жива!"... Потом ей сказали, что она находилась в состоянии клинической смерти, и спасти ее удалось лишь каким-то чудом.

Дверь больничной палаты тихонько скрипнула, возвращая Катю в реальность. Она открыла глаза и вздрогнула от неожиданности. На пороге стоял ее муж. С минуту они молча смотрели друг на друга, затем Костя, все так же, не произнося ни слова, подошел к кровати, опустился на колени и, взяв обеими руками холодную Катину ладонь, прижался к ней сухими шершавыми губами. Внезапно Катя почувствовала, как по ладони катятся его слезы. Ни разу в жизни не видела она мужа плачущим. Острая жалость кольнула сердце. Не отнимая руки, женщина приподнялась на локте и прижалась щекой к спутанным русым кудрям.

– Прости меня, Катя, прости меня! – в глухом над-

треснутом голосе – боль.

– Простила, – тихо ответила она, с радостью осознавая, что на этот раз не лжет ни ему, ни себе.

– Правда?! – с надеждой спросил он, поднимая голову.

Пронзительно голубые, словно чистые озера, глаза, полные застывших слез, глядели на нее с такой мольбой, что Катя сама чуть не заплакала, только теперь уже от счастья.

– Правда! – улыбнулась она.

Да, это действительно было правдой! Ледяной осколок обиды и боли, носимый в груди больше двух лет, теперь уже не резал острыми краями истерзанную ревностью душу. Он растаял, исчез бесследно.

И Катя, ласково проведя по небритой щеке, повторила еще раз, наслаждаясь легкостью, с какой давались эти слова:

– Я простила тебя! За все!

– Катя! Котенок! Я так много передумал за эти несколько дней! Так много понял! – Костя говорил лихорадочно быстро, не сводя глаз с жены, словно опасаясь, что она заставит его замолчать. – Впервые в жизни я чуть было не потерял тебя. Когда этот парень сказал, что ты... Это было ужасно, милая! Я вдруг осознал, что люблю тебя. Что все это время я любил только тебя, сам того не понимая! Ни одна женщина никогда не сможет мне тебя заменить! Я понял это, Катенька, понял! Но, боюсь, слишком поздно...

– Нет, пока еще не поздно! – улыбнулась она.

– Катя! Обещаю тебе: теперь у нас все будет по-другому, все будет хорошо, поверь мне! Поверь еще раз! Я сделаю все, чтобы ты была счастлива со мной...

– Костя! Ты сказал: "Когда этот парень..." Какой парень?

– Очевидно, твой бывший студент. Очень красивый... Говорит с каким-то акцентом... Он привез меня сюда на красной иномарке, – Костя говорил все тише и тише, нервно покусывая губы.

– Анри! – благодарно улыбнулась Катя, сжимая в ладони талисман. – Так это он тебе сказал?! А я думала – Машка проболталась.

– Нет, не Машка.

– Костя! – что-то в голосе жены заставило его вздрогнуть. – Костя! Разве тебя не интересует, что между нами было?

– Нет! – быстро ответил он, слегка сжав ее пальцы. – Я не хочу ничего знать! Чтобы ни было – я не вправе судить тебя! Для меня сейчас самое главное, что ты жива и что ты меня простила, хоть я и не заслуживаю твоего прощения! И если ты решишь остаться с ним...

– Нет! – Катя с ласковой улыбкой отрицательно покачала головой. – Я останусь с тобой. Останусь, потому что... люблю тебя!

– Катька! Какой же я придурок!

– Есть немножко! – тихонько засмеялась жена.

– Мы начнем все с начала, правда?! Мы обязательно будем счастливы! Ты веришь мне?!

– Верю!

– И вот еще что...

– В чем дело? – насторожилась Катя.

– Я хочу тебе сказать, что ты очень красивая! Я наконец-то прозрел! Ты удивительно красивая! И я горжусь тобой! Честное слово!

Восхитительный поцелуй помешал ей ответить. Катя украдкой спрятала под подушку подарок Адриано и нежно обвила руками шею мужа.

Да, у них все будет хорошо! Твердая уверенность, возникшая в момент клинической смерти, теперь не покидала ее ни на минуту.

Внезапно какой-то шум за окном привлек Катину внимание.

– Что там такое? – спросила она, мягко высвобождаясь из объятий мужа.

Костя подошел к окну, вглядываясь во тьму.

– Там дождь, Катя! Первый дождь в этом году! Кажется, зима закончилась!

– Открой окно! – попросила женщина, не в силах скрыть охватившего ее волнения.

– Ты простудишься, любимая! – нежно сказал Костя.

– Нет-нет! Я укурюсь! – нетерпеливо воскликнула она.

Костя распахнул окно, и в больничную палату стремительно ворвался весенний ветер и шум дождя, звучавший сейчас сладостной музыкой.

– Весна! Наконец-то! – и Катя с наслаждением вдохнула пьянящий аромат оживающей природы.

XVII

Низвергающиеся с небес потоки дождя – первого за долгую тягостную зиму – заливали лобовое стекло. "Дворники" едва справлялись с этим водопадом. Рывины в разбитом асфальте заполнились водой, дорогу развезло и казалось, что "Феррари" плывет по бурной реке. Конечно, можно было остановиться и переждать дождь или переночевать в какой-нибудь придорожной гостинице... Не говоря уже о том, что лучше было бы отправить машину контейнером, а самому уже через несколько часов спуститься по трапу самолета в аэропорту Петербурга. Именно так и нужно было сделать, но для этого понадобилось бы еще два-три дня, а у него уже не было сил оставаться в городе, где он нашел и тотчас же потерял свою любовь. Поэтому поспешный отъезд скорее напоминал бегство.

В двух, наскоро сложенных, чемоданах были вещи, книги и, конечно же, Катины портреты. Войди он в ее палату, задержись еще хоть на час, и, кто знает, удалось бы ему

найти в себе мужество уехать? Вряд ли! Вот почему рубить нужно было сразу. Она любила мужа, действительно любила, это он видел с самого начала. И в его объятия ее толкнули страх и одиночество, но отнюдь не ответное чувство. Что ж, сегодня в больнице он понял, почему она так поступила. Но как бы то ни было, эту единственную ночь с Катей он не променял бы на долгие годы тихой семейной жизни с любой другой женщиной. Остается лишь надеяться, что Катин муж, который оказался вовсе не таким уж монстром, наконец-то осознал, каким сокровищем он владеет. А, судя по его поведению в краткие минуты их общения, так оно и было. Катя вновь обретет утраченное счастье, пусть трудное, но зато свое – понятное и близкое. И зачем ей нужен он, Адриано Моретти, со своим чужим и чуждым ей миром? Его любовь несет с собой опасность, которой он не имеет права подвергать любимую женщину. Ее испугала "сказка", которую он поведал ей. Да это и понятно! Она знала о таких вещах лишь по книгам и боевикам, а тут вдруг в ее тихую жизнь ворвалась дикая, ошеломляющая реальность, сошедшая со страниц и экрана. Не нужно было ей всего рассказывать! Ну да, теперь уже обратно не повернешь! До каких же пор его жизнь будет кошмаром?! Правильно, что он уехал! Самое разумное, что мог сделать! Далек, навсегда, чтобы остаться лишь приятным воспоминанием, чтобы не успеть оставить в ее жизни непоправимый след! Все правильно! Нужно быть последовательным во всем, даже в идиотском благородстве, когда добровольно отказываешься от любимой женщины и, более того, везешь к ней своего соперника. Ничего! Лишь бы она была счастлива! А он уж как-нибудь... Переживет! Вот что-что, а жить с болью потерь ему не привыкать. Научен горьким опытом! Нет, Маше он, конечно же, позвонит... и не один раз. Но – потом, когда выполнит свой долг перед памятью брата, когда с души свалится непомерный груз вендетты, который он добровольно взвалил на себя. Вот тогда он позвонит, и, если окажется, что Катя, невзирая на принесенную им жертву, все так же несчастна,

– он вернется, обязательно вернется... если, конечно, к тому времени все еще будет жив!

Впереди неожиданно возник знак ремонта дороги. Адриано повернул направо, повинаясь стрелке, указывающей направление объезда. Дождь несколько поутих. "Феррари" мчалась навстречу неизвестности, насколько позволяла скользкая трасса.

Мысли о любимой постепенно уступили место горьким раздумьям о судьбе брата. Анри интуитивно чувствовал, что близится развязка, финал той страшной "сказки", что рассказал он Кате. Каким будет этот финал, парень не знал, но в одном был твердо уверен: либо он – либо Стас. Кто-то из них должен был умереть. После замужества сестры и ее отъезда в Италию, Адриано Моретти, наконец-то, сможет отомстить за все страдания, причиненные его семье этим злым гением.

Опять – указатель объезда.

– Что за черт?! – выругался парень.

После нескольких поворотов, Адриано понял, что заблудился. Местность была совершенно незнакомая, дорога становилась все хуже и хуже, начиная напоминать проселочную. Непонятно, был ли, вообще, под колесами асфальт. Несколько раз машину "повело" на грязи и раскисшем от дождя снегу. Смеркалось. Окружающий пейзаж отнюдь не навевал веселые мысли. Где-то вдали, на холме, виднелась деревенька, а вдоль дороги тянулось, ошестинившись покосившимися крестами, старое, по всей видимости, заброшенное кладбище. И кругом – ни души, ни одной встречной машины, словно вымерло все. Только понурые, нахохлившиеся вороны, рассеявшись на ветвях редких деревьев и кладбищенских крестах, покорно принимают холодный душ.

После очередного поворота, дорога пошла почти по самому краю огромного оврага или карьера. Поля, кладбище, овраг... Ни дать, ни взять – место гибели Сальваторе. Какие, однако, у Судьбы злые и странные шутки! Сердце

тоскливо жалось. В груди, где-то под чудовищным шрамом зашевелилось недоброе предчувствие. Рука невольно потянулась к спасительному талисману, но бесценный подарок брата в это самое время сжимала Катина ладонь.

Парень грустно улыбнулся:

– Пусть этот амулет принесет тебе счастье, любимая!

"Феррари" постепенно замедляла ход. Неожиданно Адриано увидел у обочины дороги маленький памятник, какие обычно ставят на месте автомобильных аварий, в результате которых гибнут люди – как горькое напоминание о случившемся и грозное предупреждение беспечным автолюбителям и пешеходам. Кровь мгновенно отхлынула от смуглых щек, и они приобрели серо-землистый оттенок. Машина резко затормозила.

– Мистика какая-то! – прошептал Анри побелевшими губами и провел дрожащими пальцами по глазам, словно пытаясь отогнать видение.

Но памятник остался стоять на своем месте.

Повинуясь безотчетному порыву, Адриано вышел из машины и подошел к самому краю оврага. Это был заброшенный карьер, из которого когда-то добывали известняк. Дождь продолжал идти, хотя и с меньшей силой, но парень, казалось, не замечал струящихся по лицу дождевых капель. Они мешались со скупыми слезами, которые не могли облегчить страдания истерзанной души.

– Сальваторе! Сальваторе! – беспрестанно повторял он.

И, словно в ответ на этот страстный призыв, Адриано внезапно показалось, что из тумана выделилась человеческая фигура и поднимается к нему, принимая все более четкие очертания.

– Брат?! – воскликнул пораженный парень, не в силах двинуться с места. – Не может быть! Неужели я схожу с ума?

Неожиданно призрак заговорил:

– Зачем ты сказал в банке, что уезжаешь из города на

машине?! – укоризненно прозвучал странный глухой бас, чем-то до боли похожий на голос погибшего Сальваторе. – Ты недооцениваешь Стаса, братишка! Почему ты поверил знакам объезда и поехал по этой дороге? Зачем ты остановился здесь, безумец?! Беги! Беги отсюда, пока не поздно!

Голос постепенно затихал, а фигура расплывалась в тумане. Адриано не мог прийти в себя. Что это было? Интуиция? Его собственные мысли, невольно высказанные вслух? Или действительно призрак Сальваторе пришел, чтобы предупредить брата?! Но парень не успел проанализировать свои впечатления – шум подъезжающего автомобиля привлек его внимание и вернул к реальности.

Анри обернулся. Прямо на него на полной скорости несся огромный грузовик. Кроваво-красная "Феррари" отделяла жертву от убийц. В сумерках в кабине "КАМАЗа" мелькнула огненная шевелюра. Рыжий! Люди Стаса!

Адриано мгновенно оценил ситуацию. У него оставались еще какие-то доли секунды, чтобы отпрыгнуть в сторону, но тело, словно оцепенев, не слушалось.

Грузовик врезался в "Феррари". Ужасающий грохот и скрежет металла было последним, что услышал Адриано Моретти, падая в пропасть. Все произошло так быстро, что парень не успел даже почувствовать боль. Лишь полыхнула перед глазами ослепительная вспышка, и тотчас же все заволокла тьма...

Рыжий то ли немного не рассчитал удар, то ли не учел степень размытости дороги, и тяжелый мастодонт рухнул в карьер вслед за иномаркой. Взрывы прозвучали почти одновременно, и зарево двух пылающих факелов озарило зловещий мрак оврага...

Спустя минут десять к месту катастрофы подъехал новенький темно-синий "Джип". Накрапывал холодный мелкий дождик. Сумерки уступили место ночи. Вокруг по-прежнему не было ни одной живой души. Из машины вышел коренастый человек в черном кожаном пальто. Он рас-

крыл над коротко стриженной головой зонт и медленно, стараясь не слишком испачкать обувь, направился к краю обрыва. Там, на дне заброшенного карьера, ярко пылали два факела – то, что всего четверть часа назад было "Феррари" и грузовиком. Человек пристально всматривался во мрак оврага, еще более сгустившийся на фоне пожара. Никаких признаков жизни!

– Жаль! – пробормотал он.

Дождь закончился так же внезапно, как и начался. Мужчина закрыл зонт и огляделся вокруг. Вряд ли об аварии станет известно раньше утра – по старой разбитой дороге почти никто не ездит. Все следы трагедии размыты ливнем и потонули в непролазной грязи. Он закурил и долго еще смотрел на пылающие машины, не в силах отвести взгляд от грозного шоу Смерти.

Наконец, дверца "Джипа" распахнулась и из недр роскошного автомобиля выглянула очаровательная женская головка с пышными, неестественно белокурыми локонами и милостивым кукольным личиком.

Девушка капризно скривила ярко накрашенные губы и крикнула недовольно:

– Стас! Сколько можно там стоять?! Мы опоздаем на презентацию!

– Иду, Нина! – отозвался тот, докуривая сигарету.

Он постоял еще немного на краю карьера, тяжело вздохнул и вновь произнес:

– Мальчишка очень любил своего брата. Это его и погубило. Теперь они вместе. Я хотел бы иметь таких сыновей... Жаль!

Бросив последний взгляд на овраг, Кротов, тяжело ступая, направился к «Джипу». Под ногами хлюпала грязь, но он уже не выбирал дороги.

Низкое небо было затянуто тучами, и ни одна звезда не проглядывала сквозь плотную завесу мрака.

Вновь пошел дождь. Начиналась весна...

Лариса Матвеева

**НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНАЯ
РОСКОШЬ**

повесть

Компьютерная верстка и художественное
оформление – Фалинский А.Ф.

Подписано в печать Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.

Типография ДП “Ингул-Полиграф”

«В жизни каждого человека существует хотя бы одна непозволительная роскошь — что-то, чего ты страстно желаешь, за что готов отдать все, вплоть до жизни, но оказывается, что это невозможно приобрести даже такой ценой...» — утверждает один из героев повести члена Союза писателей Украины, поэта и прозаика Ларисы Матвеевой.

Любовь или долг, ненависть или прощение — перед этим нелегким выбором оказываются герои книги.

Действие повести «Непозволительная роскошь» происходит в Украине в конце 90-х годов XX века.